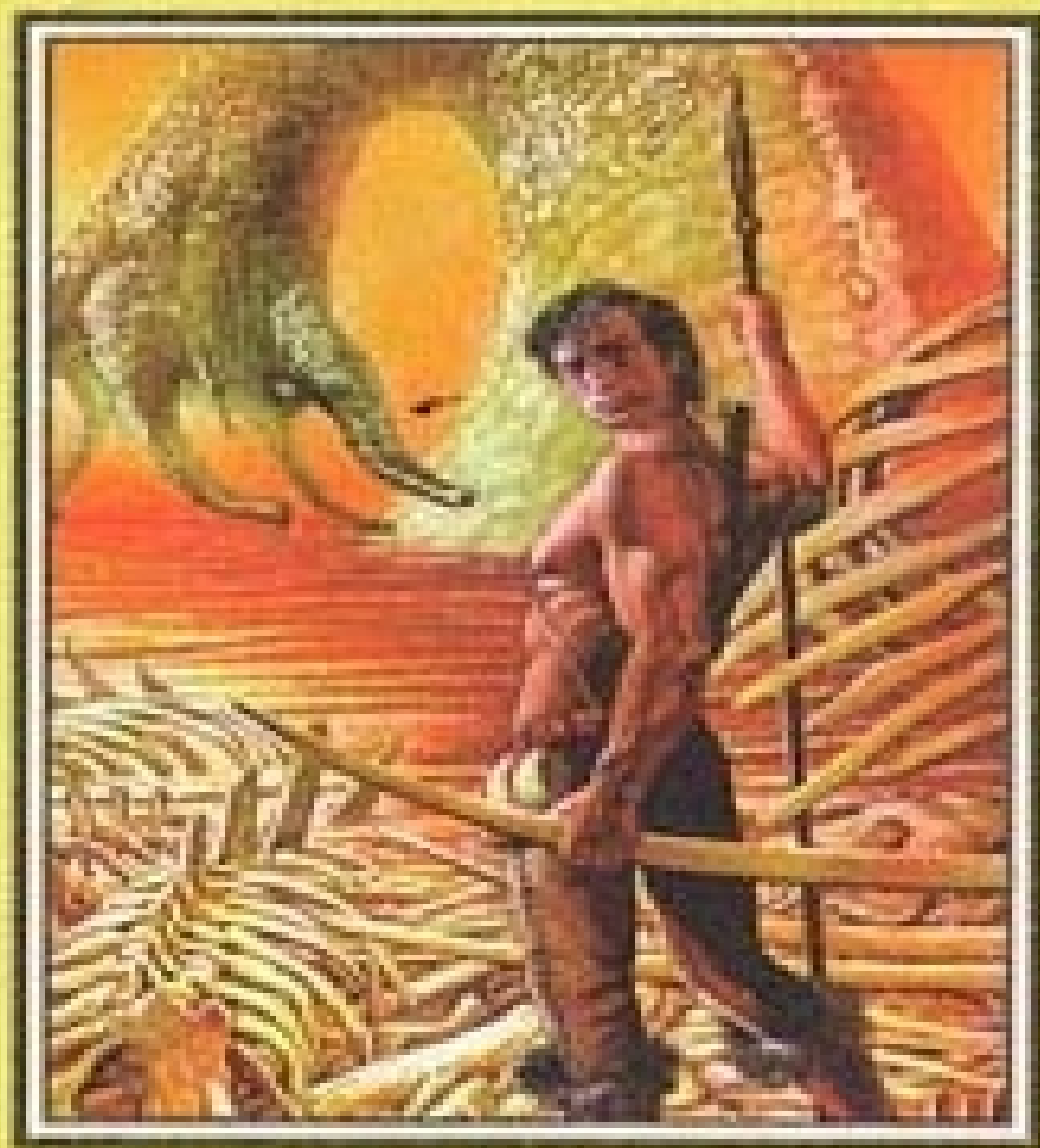

Стерлинг ЛАНЬЕ

ИЕРО НЕ ЗАБЫТ

Романс будущего

Annotation

Мир канадского писателя Стерлинга Ланье – это земля седьмого тысячелетия после ядерной катастрофы. Новая цивилизация рассеяна среди гигантского леса, заполнившего всю планету. Горстка храбрецов – киллмен Иеро Дистин и его соратники – отваживаются бросить вызов Нечистому и его ордам мутантов...

Стерлинг ЛАНЬЕ

ИЕРО НЕ ЗАБЫТ

ПРОЛОГ. НОВОЕ ЗАДАНИЕ

За пять тысячелетий, прошедших после Смерти, мир сильно пременился: густые дремучие леса и обширные пустоши покрыли выжженный американский континент, Великие озера слились, образовав огромное Внутреннее море, климат потеплел, потому что Земля находилась теперь в начале нового межледникового периода. Одни виды растений и животных вымерли, другие изменились и приняли весьма странные формы, нередко – чудовищные и опасные.

Ученые-священники Аббатств, правящая верхушка Республики Метс, нового государства на западе Канады, прилагали неимоверные усилия, пытаясь остановить медленное угасание человеческой цивилизации и вернуть утраченные знания. Но с каждым годом они все больше проигрывали в этом состязании Нечистому и его Темному Братству, adeпты которого заставили даже непоколебимые законы природы служить своим смертоносным целям. Ментальная сила, которой владели священники Аббатств, уже не была надежной защитой от нападений слуг Нечистого и их внушающих ужас союзников-лемутов, выдрессированных злыми колдунами разумных зверей-мутантов.

Аббат Демеро, член Совета Аббатств, был уверен, что все сведения, необходимые, чтобы победить Нечистого, уже хранятся в главном архиве Республики, но разобрать и обработать гигантскую массу информации было выше человеческих сил. Однако Демеро было известно, что до Смерти с подобными проблемами успешно справлялись устройства, называемые компьютерами, и что где-то далеко на юге, в древних разрушенных городах, могли сохраниться эти замечательные машины.

Но путешествие на юг, как и попытка доставить обратно целый компьютер или руководство по его конструированию, являлось сложной задачей, так как малоизученные и чреватые опасностями южные районы континента находились под властью колдунов Темного Братства. Для выполнения этой ответственной миссии Демеро выбрал своего бывшего ученика, пера Иеро Дистина, священника-заклинателя второй степени, Стража Границы и опытного воина-киллмена.

Иеро, собрав необходимое снаряжение и оседлав своего верного скакуна, лорса по имени Клоц, тронулся в путь. Лорсы, верховые животные, выведенные из мутировавших потомков древних лосей, являлись незаменимыми спутниками в подобного рода путешествиях; ими можно было управлять телепатически, а огромная сила и свирепость рогатых быков служили надежной защитой от многих опасностей. Вскоре к путникам присоединился Горм, молодой медведь, которого старейшины его племени послали изучать мир людей. Горм сообщил Иеро, что один из adeптов Нечистого готовит ему ловушку. С помощью медведя, священнику удалось победить темного колдуна, но вдогонку за ним ринулась целая стая лемутов.

Спасаясь от преследования, Иеро отбил у племени дикарей юную чернокожую девушку, которую те собирались принести в жертву. Лучар – так звали его новую спутницу – оказалась единственной дочерью короля Д'Алви, государства, расположенного на берегу Лантического океана. Девушка поведала священнику, что рассталась с домом, не желая выходить замуж за властителя соседней страны Эфраима, жестокого короля Чизпека; однако вскоре ее поймали работоторговцы, из рук которых она попала к дикарям. Иеро был поражен необычной внешностью Лучар – ее кожа отливала темной медью, а вьющиеся черные волосы падали на плечи. Метсы, его родной народ, произошедший от обитавших некогда в Канаде метисов, имели прямые волосы и бронзово-красный цвет кожи.

Вскоре adeптам Нечистого, использовавшим хитроумную уловку, удалось захватить Иеро в плен. Его доставили в одну из тайных крепостей Темного Братства, которая располагалась на острове Манун, в водах Внутреннего моря; там ментальные способности священника были полностью заблокированы специальными механическими устройствами. Находясь в безвыходном положении, Иеро попытался использовать другие диапазоны излучения своего мозга, и в результате, поработив сознание атаковавшего его с помощью

машины колдуна, совершил побег со страшного острова.

Вновь воссоединившись со своими спутниками, он продолжил исследование своей новой ментальной силы, одновременно обучая Лучар основам телепатии. Путешественники двигались все дальше на восток, но слуги Нечистого с ордами лемутов постоянно преследовали их. Наконец, врагам удалось загнать маленький отряд Иеро в ловушку среди развалин полузатонувшего древнего города, и только появление нового союзника, чернокожего эливенера брата Альдо, спасло их от неминуемой гибели. Старый брат Альдо, член корпорации эливенеров, называемой также Братством Одиннадцатой Заповеди, владел удивительной властью над животными; он вызвал из темных морских глубин чудовищную рыбу, которая уничтожила преследовавший беглецов корабль Нечистого. Предложив священнику свою помощь, брат Альдо договорился с вольными торговцами, чтобы те позволили им переплыть Внутреннее море на их судне.

Адепты Нечистого продолжили погоню и потопили корабль у южного побережья. Иеро со своими спутниками, вместе с капитаном Гимпом и его командой, углубляется в неизведанные южные леса; тут лежит их единственный путь к спасению, и тут, в развалинах древних городов, таятся сказочные устройства, за которыми его послали.

Преодолев опасности, подстерегавшие их в глухих дебрях джунглей, миновав владения странного, обитающего на деревьях лесного народа дриад, путники, наконец, добрались до территории, помеченной на старой карте, которую аббат Демеро вручил своему ученику. Не без помощи сообразительного медведя, Иеро находит потайной ход, ведущий в огромный подземный комплекс; удивительная техника древних времен заполняет его.

Но прежде, чем поиски священника увенчались успехом, в подземелье вступили отряды Нечистого. Запустив устройство полного самоуничтожения комплекса, путники быстро покинули его; с безопасного расстояния они наблюдали за тем, как гигантская масса земли после страшного взрыва погребла темных колдунов и их воинство. Однако компьютеры, находившиеся на подземной базе, были теперь навсегда потеряны для Аббатств Метса.

И тут брат Альдо вручил Иеро старинные книги, которые нашла в подземелье Лучар, пока мужчины рассматривали покрытую пылью древнюю технику. Священник бросил взгляд на обложку первого томика, и радостная улыбка появилась на его губах – перед ним было руководство по проектированию компьютеров! Получив эти книги, Аббатства наверняка смогут создать собственные вычислительные машины. Миссия Иеро завершена; ему остается только отправиться обратно на север и доставить драгоценную находку аббату Демеро.

Но старый эливенер уготовил ему иную судьбу.

* * *

На унылой, покрытой ночной темнотой равнине горели всего два небольших костра. Вокруг одного из них грелась компания морских бродяг; у другого – высокий темнокожий старик что-то негромко объяснял своим молодым спутникам.

– Я должен идти на север, – произнес брат Альдо, задумчиво уставившись в пламя костра, – посоветоваться с другими братьями. Сейчас, когда всем нам грозит гибель, мы уже не можем бездействовать и пассивно наблюдать за врагом. Я думаю, что теперь Братство всеми силами должно противостоять надвигающейся на нас угрозе. – Печальные морщины проступили на лице эливенера, сразу выдавая его преклонный возраст.

Иеро сидел молча, наслаждаясь живительным теплом. По сравнению с обоими темнокожими спутниками, его бронзово-красная кожа казалась совсем светлой в мерцающих отблесках пламени. Прямые черные волосы священника были коротко острижены, а ястребиный нос и гибкое жилистое тело наводило на мысль о его чисто индейском происхождении; однако на верхней губе Иеро красовались пышные, слегка закрученные вверх усы.

Лучар тихо дремала, положив головку ему на плечо, и он, нежно улыбнувшись, покрепче обнял ее за талию. Взглянув в сторону второго костра, священник отметил, что капитан Гимп о чем-то оживленно

совещается со своей командой. Затем он рассеянно перевел глаза на темнеющую неподалеку лесную опушку. Интересно, чем занимаются сейчас Вайлэ-ри и ее странный народ? И увидит ли он ее еще раз?

Брат Альдо снова заговорил, и Иеро с некоторым усилием вернулся к ночной равнине и горевшему на ней кострам.

– Мы хорошо поработали, изрядно пощекотав Нечистому пятки и уничтожив немало его людей; более того – у нас теперь есть вот это, – сухощавая рука эливенера потянулась к свертку с книгами. – Твоя миссия успешно завершена, пер Иеро Дистин. Но это вовсе не значит, что для такого опытного воина больше не осталось работы – ведь на юге зло вновь поднимает голову, и именно туда тебе и предстоит отправиться. Тебе и Лучар.

– А как же книги? – запротестовал удивленный священник. – Я должен как можно скорее доставить их в Аббатства! А кроме того, я совершенно не знаю южных территорий. Даже сюда мне удалось добраться по чистой случайности!

Старый эливенер загадочно улыбнулся.

– Не волнуйся, сынок, твой аббат Демеро получит эти книги. Завтра утром они отправятся на север вместе со мной. Я знаю твоего наставника очень, очень давно... – Глаза старика насмешливо блеснули. – Как ты думаешь, кто попросил меня немного приглядеть за одним шустрым парнем? И почему я так быстро пришел на помощь тебе и Лучар, когда вы угодили в ловушку в затопленном городе, а?

Удивленный возглас застыл на губах священника. Теперь для него многое становилось ясным: значит, то было не совпадение и, тем более, не несчастливое стечение обстоятельств – эливенер твердо знал, кого и когда он должен вытащить из смертельной ловушки. Стоило поразмышлять над вопросом, кому еще поручили немного приглядеть за ним.

По лицу молодого священника скользнула печальная усмешка.

– Мне полагалось бы раньше догадаться... Значит, его преподобие отец Демеро прятал в рукаве козырные карты, о которых не собирался мне говорить!

Брат Альдо довольно рассмеялся, но, мгновением позже, вновь стал серьезным.

– Итак, сын мой, завтра на рассвете я уйду на север, взяв Гимпа и его людей; возможно, мне удастся подыскать для них новый корабль. Горм тоже вернется в леса Тайга. Кстати, позови-ка его.

Иеро послал медведю импульс на его ментальной частоте, и вскоре мягкий бок Горма прижался к его спине.

«Кажется, никто так и не смог заснуть?» – мысленно спросил медведь, поудобнее устраиваясь рядом с людьми и складывая передние лапы на брюхе.

Иеро неожиданно расхохотался.

«Зато ты, приятель, засыпаешь сразу, как только нам предстоит какое-нибудь серьезное дело!»

Он взглянул на Горма, в сотый раз поражаясь, как могли специалисты Аббатств проморгать это загадочное лесное племя. Теперь он многое знал о Горме и не сомневался, что соображения у него не меньше, чем у человека. Видимо, медвежий народ предпочитал оставаться в тени, не слишком доверяя людям. Смерть в подавляющем большинстве случаев вызывала у животных странные или просто страшные мутации, но порой она творила и чудеса... Несомненно, одним из таких чудес промысла Божьего и была раса Горма.

«Ты хочешь, чтобы я отправился на север вместе с вашим старейшим?» – пришла его мысль. Медведь уселся у костра с совершенно безмятежным видом; Иеро чувствовал, что его ментальный вопрос был спокойным и не искажался примесью отрицательных эмоций.

– Я совсем не хочу расставаться с тобой, – вслух произнес священник. Внезапно он понял, насколько уже успел привязаться к своему мохнатому другу; печаль омрачила его лицо. – «Но брат Альдо считает, что тебе надо идти с ним и дать отчет старейшинам своего народа.»

И тут, к удивлению священника, Альдо мысленно обратился сразу к ним обоим:

«Послушайте, дорогие мои. Ожесточенная борьба идет сейчас между силами зла и тем, что благословлено Богом и дорого каждому из нас. К сожалению, нам не известно, о чем говорят колдуны Нечистого на своих советах, но мое Братство ведет наблюдение за его слугами на протяжении многих и многих веков, так что мы вполне представляем их главную цель: Нечистый стремится установить власть над всем миром! И, сделав это, он вновь вернет к жизни древнее зло – то зло, из-за которого в наш мир пришла Смерть!»

«И поэтому все не отравленные ядом зла разумные существа – неважно, какого они племени – должны вместе противостоять надвигающейся угрозе и бороться с адептами Нечистого, где бы те ни появлялись. Сейчас тяжело придется небольшим королевствам на побережье Лантика, потому что власть темных сил там особенно велика. Потому-то я и прошу, чтобы ты, Иеро, отправился вместе с Лучар в Д'Алви и помог людям ее страны бороться с Нечистым. А ты, Горм, двинешься вместе со мной на север и расскажешь своим старейшим обо всем, что увидел и узнал. Ну как, устраивает тебя?»

Медведь ответил не сразу.

«Наверно, я просто обязан это сделать, – пришла, наконец, его мысль. – Я кое-что понял из того, о чем ты нам говорил... да, я должен вернуться, ведь именно за этим знанием старейшие моего народа послали меня в ваш мир. Я уже не могу больше спать.»

Горм тяжело поднялся и с расстроенным видом заковылял прочь от костра. Скоро, словно опровергая его последнее заявление, из темноты снова послышалось негромкое посапывание.

– Ну вот, – брат Альдо усмехнулся, – теперь мы снова можем разговаривать вслух. А то мысленная речь что-то уж слишком быстро нас утомляет, верно?

Иеро, напротив, не находил тут ничего забавного.

– Предположим, аббат Демеро отпустит меня... Но что же, черт возьми, я буду делать на юге? Какую пользу я могу принести в стране, о которой ровным счетом ничего не знаю? Среди неведомого народа, не имея друзей... ну, за исключением, пожалуй, этой вот красавицы? – Он ласково прижался щекой к темным кудрям, беззаботно рассыпавшемся у него на плече.

Лучар широко раскрыла глаза, и священник внезапно заметил, что сон уже не гостит в них.

– Среди неведомого народа, не имея друзей... – насмешливо передразнила она. – Послушай, пер Иеро Дистин, разве ты забыл, кто я такая? Я – единственная дочь Даниэла Девятого, короля Д'Алви! А ты – мой супруг! В моем королевстве ты будешь принцем с далекого севера. Так что не беспокойся, тебя примут с восторгом и должными почестями. – Девушка лукаво взглянула на брата Альдо. – К тому же в нашей стране много эливенеров, правда? Я сама часто видела, как они помогают крестьянам... Значит, без друзей мы не останемся. И у нас есть Клоц!

Лучар тихонько свистнула, и массивное туловище лорса немедленно выросло у нее за спиной. Мелкие камушки негромко похрустывали под его огромными копытами. Большая голова Клоца низко опустилась, и его широкий мягкий нос словно мимоходом погрузился в темные волосы девушки. Убедившись, что вокруг все в порядке, лорс спокойно замер, ожидая, когда же ему объяснят, зачем он понадобился людям.

После Смерти, когда человечество начало опять приходить в себя, обнаружилось, что все лошади на американском континенте, не сумев приспособиться к повышенному уровню радиации, вымерли. В те времена Аббатства, испытывавшие острую нужду в новой породе верховых животных, начали проводить широкие генетические эксперименты в этой области, пока не выяснилось, что лучшей заменой исчезнувшим лошадям являются мутировавшие потомки диких лосей. Замена оказалась на редкость удачной – лорсы прекрасно уживались с людьми, несмотря на некоторую капризность нрава. Иеро и Клоц, впервые познакомившись друг с другом на церемонии раздачи маленьких телят новым хозяевам, с тех пор больше не расставались.

«Интересно, как ему понравится на юге, – вздохнул про себя священник. – Кажется, там нет животных, похожих на Клоца. Не будут ли люди бояться его?»

– Ну вот еще! – Лучар похлопала лорса по ноге. – Наоборот, им станут восхищаться, и почтение к тебе

от этого только возрастет!

Поднявшись, священник принялся легонько почесывать огромные разлапистые рога Клоца, отделяя шелушащуюся нежную кожицу. В тех местах, где это мощное оружие еще недостаточно затвердело, он мог чувствовать, как под пальцами пульсирует кровь. Лорс, обожавший такие процедуры, привалился к плечу Иеро и прикрыл от удовольствия глаза.

Используя возникшую при этом паузу, брат Альдо снова перешел в наступление, выложив свой последний и совершенно непобиваемый довод:

– Давай-ка вспомним, что тебе уже удалось сделать в совершенно незнакомой стране и с помощью лишь тех друзей, которые встретились по пути: ты спас нашу юную принцессу, переплыл Внутреннее море и уничтожил не один десяток злейших врагов. Ну, а кроме того, ты успешно выполнил свое задание – необычайно трудное, если не сказать, вовсе безнадежное.

– Ты сделал то, что до сих пор никому не удавалось, – вступила Лучар, как только Альдо умолк, чтобы немного перевести дух, – ты победил этого ужасного С'дану, главаря их Голубого Круга. Теперь ты можешь спокойно отправиться на юг и помочь людям моего королевства биться с Нечистым.

Иеро погрузился в любимые глаза, и сердце сладко защемило от переполнявшей его нежности. И все же – одобрил бы аббат Демеро этот шаг? Перед мысленным взором священника возникло усталое, покрытое сетью морщинок лицо наставника. И вдруг он понял, что это лицо, обычно мрачное и озабоченное, приветливо улыбается ему. Вещий знак? Он быстро отбросил эту бредовую идею, но потом призадумался. Вполне возможно, что он принял сейчас неясный отголосок направленной ему мысли. Иеро поднял голову и улыбнулся сгорбившемуся у костра эливеру – еще одному мудрому учителю, которому пришлось выйти на тропу войны лишь по той причине, что он слишком любил мир.

– Ну что ж, – медленно произнес он, – ты говоришь, что слегка знаком с аббатом Демеро? Тогда замолви ему за меня словечко; я ведь совсем не хочу быть публично проклятым и отлученным от церкви за своеволие, – Иеро пожал плечами. – А теперь, думаю, нам стоит присоединиться к Горму и немного поспать – ведь Лучар, Клоцу и мне завтра тоже предстоит нелегкая дорога.

ГЛАВА 1. КОРОЛЕВСТВО ВОСТОКА

Золотые лучи восходящего солнца струились в узкие проемы окошек дворцовых покоев. Где-то далеко и задорно ударил гонг, возвещая, что в великом и могущественном королевстве Д'Алви снова наступил день. Постепенно весь воздух заполнился звенящими звуками, потому что стража на стенах дворца и патрули на мостах и крытых подвесных дорогах отвечали главному гонгу, колотя в свои собственные небольшие металлические кругляши. И теперь казалось, что в огромном городе содрогается, звучит и вибрирует каждая улочка, каждый дом, каждый кусок камня. Иеро сел в постели, широко зевнул и, чуть слышно выругавшись, заткнул пальцами уши, чтобы хоть как-то защититься от этого сумасшедшего грохота.

– Ты делаешь так каждое утро. – послышался из-за спины голослк Лучар. – А я думала, что за то время, что мы прожили здесь, ты привыкнешь к гонгу.

Иеро протер глаза и, обернувшись, увидел, что его принцесса, уже успевшая принять ванну и облачиться в один из своих повседневных нарядов, сидит у зеркала, покрывая губы и брови какой-то блестящей синеватой пастой – верх последней моды при дворе. Священник только мрачно скривил рот, но вдруг, не удержавшись, громко и презрительно фыркнул.

Она проследила за его недовольным взглядом и весело расхохоталась.

– Ну, не будь же таким занудой, дорогой! Когда мне приходится развлекать придворных дам за завтраком, то нужно выглядеть принцессой. Кстати, а что так задержало тебя прошлой ночью? Опять беседовал с нашим верховным жрецом?

– Угмм... – На подносе рядом с кроватью обнаружился завтрак, и Иеро, не теряя времени, принялся за еду. – Старый Маркама вполне подходит для этой должности, но, Боже мой, что вообще случилось с церковью и религией в вашей стране? Целибат священников! А чего стоят эти так называемые монастыри, куда благородные дворяне посылают своих незаконнорожденных отпрысков! И зачем? Чтобы те провели всю жизнь в молитвах или, на худой конец, рисуя какие-то дурацкие картинки, но опять-таки – в целомудрии! У меня такое впечатление, что Нечистый здесь уже добился своего – заставил людей сойти с ума! – Лицо его внезапно стало совсем серьезным. – И, что хуже всего, это может на самом деле оказаться правдой.

– Милый! – Лучар встревоженно всмотрелась в его глаза. – Я знаю, ты твердо уверен, что Нечистый затаился в моей стране... даже в этом городе... Может быть, ты прав. Но пока ты не нашел ни малейших доказательств – только нескольких людей, разум которых тебе не удалось прочесть. Но ты же сам говорил, что многие просто имеют природную защиту, дар скрывать мысли за ментальным щитом, и что они могут даже и не подозревать о своих способностях.

Вздыхнув, Иеро сменил тему разговора, и они немного поболтали о большом королевском бале, который состоится сегодня вечером. После того, как Лучар отбыла исполнять свои придворные обязанности, священник, по-прежнему кряхтя и вздыхая, вылез из постели, и, натянув кое-какую одежду, спустился в сад, окружавший обширное крыло дворца.

Несмотря на то, что у Иеро действительно не имелось никаких объективных причин для беспокойства, он все время чувствовал, что во дворце замышляется нечто ужасное, отвратительное. Отсюда бил такой мощный поток злобы и ненависти, что скрыть его от человека, не раз общавшегося со слугами Нечистого, просто не представлялось возможным.

И все же тут обращались с ним очень хорошо – когда они с Лучар верхом на Клоце возникли перед главными воротами города, стражники, отсалютовав, сразу пропустили их внутрь, а часом позже его уже представляли самому Даниэлу Девятому, мудрому и справедливому властителю королевства Д'Алви.

К своему удивлению священник скоро обнаружил, что ему, как ни странно, нравится этот Даниэл Девятый, а король, словно угадав его расположение, тоже не скрывал, что доволен выбором дочери.

Крупная мускулистая фигура Даниэла кое-где уже начинала покрываться жирком (ведь его величеству недавно стукнуло пятьдесят), но все еще вызывала ощущение красоты и силы. Его темные вьющиеся волосы плотной шапочкой прилегали к голове, а на симпатичной открытой физиономии курчавились

внушительных размеров усы и борода. Разодетый в умопомрачительные одежды ярчайших расцветок и с ног до головы увешанный драгоценностями, король, тем не менее, всюду таскал с собой огромный двуручный меч с гладкой и лишенной каких бы то ни было украшений рукоятью. Как Иеро и ожидал, рукопожатие такого монарха оказалось сильным и твердым.

Неужели за этой благообразной внешностью таился коварный и жестокий правитель, чья единственная дочь предпочла скрываться в джунглях, лишь бы избежать той блестящей партии, которую устроил для нее честолюбивый отец, наверняка обеспокоенный лишь тем, какую пользу ему удастся извлечь из столь важного политического мероприятия?

Однако священник недолго терзался такими мыслями – при первом же личном разговоре король сам поспешил прояснить ситуацию. Присев на край гранитного парапета, обрамляющего одну из террас дворца, они грелись на солнышке и негромко беседовали друг с другом. Где-то в тени, достаточно далеко, чтобы услышать их тихий разговор, стояли вездесущие охранники, пристально наблюдая за королем и своим новым принцем.

– Послушай, Иеро, – Даниэл нахмурился, – я, конечно, представляю, что тебе рассказала Лучар об этом злополучном браке с Эфраимом, но, понимаешь, весь мой совет, включая высших жрецов, требовал его заключения. И что же мне, по-твоему, оставалось делать? Видит Бог, государству нужны надежные союзники, а Чизпек... Ну, Чизпек это Чизпек. Эфраим боится меня, и я надеялся, что смогу его контролировать, чтобы он не причинил девочке вреда. Однако репутация этого подонка всем хорошо известна, и Лучар в том числе, черт возьми! Естественно, мне не хотелось отдавать дочь в такие руки; что ж, порой оказывается, что быть королем не слишком приятно. Тем более, когда мой единственный сын и наследник мертв... – Король бросил на Иеро печальный взгляд и тяжело вздохнул.

– Понимаю, – тихо отозвался священник, – королевство прежде всего. – Сейчас он невольно восхищался мужеством властителя Д'Алви. Да, этот король действительно обладал мужеством, если нашел в себе силы извиниться за поступок, являвшийся, по сути дела, просто очередным, пусть даже очень важным, политическим решением.

Иеро понимал Даниэла и разумом, и сердцем. В этой стране у него пока не возникло проблем по части общения – в том числе, и связанных с языком. Он обладал врожденной восприимчивостью к чужой речи и, за время совместного путешествия с Лучар, успел перенять говор ее родного народа.

– Что же теперь сделает Эфраим? – Иеро пришлось-таки задать вслух этот вопрос. Жрецы Д'Алви, восхищенные его ментальными талантами и знанием древней истории, успели рассказать ему многое, а еще больше он узнал, используя мысленное зондирование, но из этических соображений ему не хотелось подвергать мозг короля подобной процедуре. И в то же время Иеро нужно было скорее разобраться в замыслах этого человека, в том, насколько способности и власть короля помогут ему успешно завершить новую миссию.

– О, не беспокойся о нем, – в голосе Даниэла звучала уверенность. – Сначала он, конечно, побушует, но потом утихомирится и сделает все так, как скажут ему священники, когда он явится за отпущением грехов. А сделать это ему придется сразу, как только он замордует еще одну молодую рабыню, – король испытующе поглядел на Иеро. – Ведь ты, мальчик мой, тоже как-то связан с Универсальной Церковью, да? Интересно, в вашей стране дворянам удастся держать священнослужителей в узде? Или у вас все так же, как и здесь? Ведь главная моя задача в Д'Алви всегда заключалась в том, как бы не потерять власть, не допустить, чтобы она попала в их руки... И я думаю, в этом деле ты можешь оказаться мне очень полезным.

Что ж, достойное предложение... Иеро вновь задумался. Король, повидимому, и в самом деле не ловкач и не интриган; он просто прямой и честный старый солдат, который, сев на трон, вдруг обнаружил, что окружают его, в основном, одни льстецы и подхалимы.

– Мы почти не сталкиваемся с такими проблемами, – священник предпочел пока что уклониться от прямого ответа. – Большинство наших дворян занимается не склоками, а охраной границ от орд Нечистого, а каста жрецов, наряду с благородным сословием, признана вторым столпом, поддерживающим здание государства. Ведь в наш Высокий Совет входят не только знатные вельможи, но и наиболее уважаемые представители духовенства. – Это было ложью только наполовину, так как Совет Аббатств действительно существовал. Другое дело, что король еще не в состоянии переварить тот факт, что в Республике Метс

вообще нет никаких знатных вельмож.

– Ну, ладно, – на полных губах Даниэла заиграла чуть заметная улыбка. – Я, правда, не верю, что вы не имеете каких-то своих секретов управления, но суть не в этом. Просто я хочу сказать, что чертовски доволен, что у меня появился новый родственник – неважно, принц он или не принц. Наверное, это прозвучит странно, но я очень люблю свою дочь, и мне отрадно видеть ее счастливой. Но более того, – он нагнулся и легонько потрепал Иеро по колену, – мне думается, ты еще нам послужишь – и старому королю Даниэлу, и всему Д'Алви.

Король поднялся и, хлопнув на прощанье Иеро увесистой дланью по плечу, заспешил вниз по террасе. После этого разговора священнику пришлось признать, что он немного ошибся в своей оценке – лукавый монарх был совсем не так прост, как могло показаться на первый взгляд.

Затем начались похожие встречи с другими сановниками королевства. Маркама, верховный жрец Д'Алви, произвел на Иеро впечатление порядочного и достойного человека, который вполне мог бы обладать властью поистине безграничной, имея он к этому хоть какую-то тягу. К сожалению, святой отец видел в обрядах жрецов только их внешнюю сторону, а посему не слишком поощрял занятия чистой наукой. Однако, несмотря на все это, его ни в коем случае нельзя было считать врагом; наоборот, Маркаму до глубины души восхищали обширные познания Иеро – как по части церковных обычаев, так и относительно Нечистого и его слуг, которых он боялся и ненавидел.

Большинство административных дел находилось в ведении Джозато, жреца, по рангу уступающего только Маркаме, тощего, бесцветного, постоянно с рассеянным видом таскавшего с собой огромные кипы каких-то свитков. Иеро не нашел в нем ничего необыкновенного – за исключением того, что разум Джозато был скрыт непроницаемым ментальным щитом, а с этим фактом приходилось считаться. Возможно, под пышными одеяниями главного счетовода королевства скрывается маленький голубоватый медальон? Конечно, как и предполагала Лучар, экран может быть совсем невинного свойства – врожденные способности, например, или длительные тренировки, техника которых не была здесь окончательно забыта. А поскольку определить природу сил, связанных с этим ментальным щитом, не представлялось возможным, Иеро мог только внимательно следить за Джозато. Хотя, пожалуй, лучшим выходом из положения было бы заставить его раздеться.

Все еще пребывая в тяжких раздумьях и устав от бесцельного шатания по садовым дорожкам, священник направился к королевским конюшням. В этом городе оказалось слишком много людей, разум которых не поддавался его вмешательству; значит, за ними тоже нужно внимательно наблюдать. Взять хотя бы молодого графа Камила Гифтаха. Обходителен, учтив, знатен и богат. Будучи одним из лучших полководцев королевства, несколько раз предлагал Лучар руку и сердце, но получал отказ. Граф ведет себя вполне дружелюбно, но взгляд его беспокойных глаз столь часто останавливался на новоиспеченном принце, что это поневоле заставляло его нервничать.

И все-таки Иеро удалось отыскать себе настоящего друга. Глава здешних эливенеров, заранее извещенный о его появлении по каким-то известным лишь брату Альдо каналам, сам быстро наладил контакт со своим новым союзником. То, что Митраш оказался вдобавок еще и лейтенантом дворцовой стражи, пошло только на пользу делу – днем и ночью он мог находиться в любых сколь угодно секретных помещениях дворца, не вызывая при этом никаких подозрений. Несмотря на уже солидные годы и поредевшую шевелюру, атлетическая фигура эливенера излучала силу и уверенность.

Однако, после недолгого совещания с лейтенантом, Иеро убедился, что тот мало чем сможет ему помочь – Митраш не был таким могучим мастером ментальной силы, как брат Альдо. Простой солдат, честный, исполнительный, поставленный Братством на роль наблюдателя во дворце, он, обеспокоенный тем незаметным разложением, что охватило всю страну, искренне стремился оказать Иеро поддержку – и оказывал ее по мере своих скромных сил. Главное заключалось в том, что Митраш имел много полезных знакомств в городе и мог, если потребуется, связаться с другими членами Братства, хотя в большинстве случаев это требовало времени, и подчас немалого. У него тоже оказался защищенный разум, что в данной ситуации было весьма кстати. Жаль только, что Иеро пока не удалось сделать его командиром своей личной охраны; тем не менее, Митраш старался держаться поблизости и в случае чего сумел бы защитить Лучар, если с ее супругом вдруг что-то произойдет.

Впереди показались конюшни, и Иеро невольно прибавил шагу – нужно проведать Клоца и своего нового скакуна, хоппера-попрыгунчика Сеги.

Огромный лорс обрадованно терся об него носом, пока восхищенные грумы медленно и осторожно выводили его из стойла. Никто в Д'Алви не видел и не слышал о таком могучем рогатом звере, впечатляющая внешность которого поневоле внушала благоговение и страх, автоматически распространявшиеся и на его всадника. Прекрасно об этом зная, Иеро старался использовать любую возможность, чтобы покрасоваться на спине лорса перед толпой, собиравшейся при каждом их выезде на городские улицы.

Вслед за лорсом грумы вывели Сеги, при появлении которого Клоц громко заревел от ярости. Если бы огромному быку удалось как-нибудь оказаться с хоппером наедине, он бы непременно стер беднягу в порошок; созерцать своего хозяина на спине другого скакуна – такое зрелище отнюдь не тешило его самолюбия. Сеги, казалось, был хорошо осведомлен о чувствах, питаемых к нему Клоцем, и потому старался держаться подальше от своего бешеного компаньона.

Прыгуны являлись повсеместно используемыми в королевской гвардии верховыми животными – еще одна удачная находка взбесившейся эволюции. Смышленные и дружелюбные, они отлично заменили исчезнувших лошадей. Сеги, усевшись на свои мускулистые задние лапы и похожий на подушку короткий пушистый хвост, принялся охорашиваться. Его маленькие передние лапки усердно приглаживали густой мех на груди и на животе, а огромные вытянутые уши забавно поворачивались то в одну, то в другую сторону. Наконец Сеги оказался удовлетворен своим внешним видом; он последний раз провел лапами по белому брюшку и выпрямился во весь рост – лучший скакун королевства, свадебный подарок короля Даниэла своему зятю.

Иеро ничего не знал о возможных предках хопперов, что не мешало ему наслаждаться ощущением полета, возникающем при скачке на этом животном. С большим энтузиазмом он принялся изучать всевозможные приемы езды на прыгунах, которые являли собой фантастическое зрелище для любого хоть сколько-нибудь знакомого с кавалерией человека. Сбруя Сеги состояла из уздечки и тяжелого седла почти прямоугольных очертаний, крепившегося на спине с помощью широкого прочного ремня. Вместо стремян ноги всадника вставлялись в жесткие кожаные футляры, свисающие по бокам седла и стянутые еще одним ремнем поменьше, который, очевидно, заменял подпругу. Поначалу Иеро с трудом удавалось высвободиться из всей этой кожаной упряжи, но, после нескольких недель серьезных упражнений, он смог в полной мере оценить предназначение этих неудобных на первый взгляд футляров и высокой спинки седла.

Все дело в том, что самый обычный хоппер – а Сеги, все-таки, являлся одним из лучших – прыгает с места на расстояние не менее пятнадцати ярдов и, чтобы удержаться у него на спине, нужно быть экипированным по всем правилам. Кроме того, можно отрабатывать прыжки не только в длину, но и в высоту, при этом хвост хоппера служит отличным рулем. При скачке «в полный мах» такой длинноухий жеребец движется гигантскими прыжками и с головокружительной скоростью. Священник не раз, затаив дыхание, наблюдал за тренировками эскадрона королевских кавалеристов. Двигаясь слаженно, будто часовой механизм, всадники взлетали вверх, перегруппировывались в воздухе и опускались на землю все в том же идеальном порядке, нигде не нарушив рядов и не поломав строя. А потом – снова вверх, не задерживаясь ни на секунду, пока маленький медный рожок не протрубит остановку. Грозные пики кавалеристов то легко покачивались в салюте, то вдруг стремительно, одним плавным движением, брались наизготовку. И поэтому, будучи сам столь же превосходным воином, Иеро не мог не восхищаться искусством езды и слаженностью маневров солдат Даниэла. Да, имея соединение таких всадников в качестве легкой кавалерии, да еще впридачу батальон поддержки, состоящий из опытных киллменов на огромных лорсах, можно было, ничего не опасаясь, лезть в любые джунгли!

Так что в конюшнях он бы с радостью пропадал днями и ночами, не будь у него множества других забот, также требовавших времени. Но пару часов в день Иеро обязательно проводил на тренировочной площадке, усердно занимаясь под руководством опытного сержанта. Правда, этим занятиям зачастую мешал Клоц – его отнюдь не приводил в восторг вид того, как его хозяин, устроившись на спине Сеги, выписывает в воздухе изящные пируэты.

Скорость, с которой их новый принц ухитрился приноровиться к своему скакуну, одновременно и удивляла и радовала его инструкторов. Конечно, они не могли знать, что бесконечные часы утомительных тренировок ему заменяет прочный телепатический контроль над животным – Сеги, как и предполагал Иеро, оказался весьма смысленным в этом плане и прекрасно реагировал на мысленные команды. Однако и он не сразу притерпелся к своему малоопытному седоку.

Покончив с занятиями, Иеро обычно выезжал куда-нибудь верхом на Клоце, стараясь обязательно проехать по городским улицам. Задавая огромное количество вопросов и чутко прислушиваясь к мысленной реакции своих собеседников, он ухитрился собрать массу полезной информации о стране, в которой теперь ему предстояло жить. Он также предпринял небольшое путешествие на побережье, чтобы насладиться незабываемым зрелищем покрытого белыми барашками волн Лантического океана; тихо шурша, они накатывались на пустынный пляж, окаймленный невысокими зелеными холмами. Ему в голову пришла мысль, что, возможно, он первый, кому довелось увидеть и великий океан востока, и не менее великий западный океан. Где-то там, за этой непреодолимой водной гладью, лежала легендарная Европа – колыбель человеческой цивилизации и праматерь истинной церкви, уже несколько тысячелетий оторванная от своих детей, обитающих на далеком американском континенте.

Иеро ритмично покачивался на широкой спине Клоца, пока его скакун, несмотря на эскорт из четверых охранников на прыгунах, с трудом прокладывал себе путь по запруженной народом улице. Завидев принца, люди стаскивали головные уборы и почтительно кланялись. Он и в самом деле выглядел как принц – разодетый в багряно-красный шелковый жилет и такого же цвета кильт с золотым шитьем, обутый в мягкие кожаные сапожки и теребящий в руках изящного покроя перчатки для верховой езды. Любимый короткий меч Иеро как обычно висел за спиной, но только теперь уже на отличном кожаном ремне с огромной золотой пряжкой. И довершала этот великолепный наряд небольшая золотая корона, поместившаяся поверх маленькой шапочки, кокетливо сидевшей на голове священника. К шапочке крепилось белоснежное перо дикой цапли, заколотое усыпанной бриллиантами брошью редкостной красоты. Жителям королевства нравились яркие цвета его одежд, а в особенности слухи о невероятных приключениях принца на севере, уже давно ходившие по всему городу.

Галантно раскланиваясь в ответ на приветствия толпы, Иеро, забросив свой ментальный щуп, пытался определить, за чьей белозубо улыбающейся физиономией, на каком балконе, готовом рухнуть под кучей восторженно вопящих горожан, за каким распахнутым настежь окном могут скрываться сейчас его недруги. Священник нисколько не сомневался в том, что они прячутся где-то здесь и еще более опасны из-за того, что не видны. Легонько пробежавшись по мыслям окружающих его людей, Иеро, как и предполагалось, не уловил и тени недовольства по отношению к своей персоне, за исключением мыслишек уличных попрошаек и некоторых представителей благородного сословия. Ну что ж, все так должно быть... «Куда же они подевались, малыш? – обратился он к Клоцу, осторожно переступавшему по булыжникам древней мостовой, покрытой скользкими и вполне свежими на вид помоями. – Ведь они здесь, приятель, уж это точно! Как нам найти их, как выкурить из нор, пока они не окрепли и не добрались до нас первыми?»

Хохочущая, едва одетая девица выкрикнула какую-то шутку насчет скорого появления наследника трона, и Иеро, остановив своего скакуна, пожал плечами. Люди вокруг просто ревели от хохота. И все-таки, даже в столь гостеприимной обстановке, он ни на секунду не позволял себе утратить бдительность. Да, его враг умен, но все совершают ошибки! И если внимательно наблюдать за происходящим и не расслабляться, если Лучар, как он учил ее, станет делать то же самое, то рано или поздно противник допустит оплошность и обнаружит себя. Именно так все и кончится!

А наблюдать, вообще говоря, было за чем. Иеро перевел взгляд на пересекавшую площадь группу мужчин в белоснежных одеждах и зеленых приплюснутых шапочках. Му'аманы... О них он знал только, что они поклоняются какому-то другому богу, не Иисусу Христу, а еще весьма почитают Луну. Жили они в юго-западной части королевства и в столице показывались редко, предпочитая тихо и мирно пасти свои стада, славившиеся по всему побережью. По каким-то непонятным причинам му'аманы презирали длинноухих попрыгунчиков, и никого из них не удавалось усадить на этих добродушных животных. Зато они сами превосходно бегали, стреляли из лука и отлично владели мечом – недаром лучшие полки легкой пехоты королевства всегда набирались из му'аманов. Подоткнув белые хламиды, они могли бежать за своими коровами хоть целые сутки.

Несмотря на столь обособленный образ жизни, их лояльность никогда не подвергалась сомнению. Если не принимать во внимание странную одежду, му'аманы выглядели так же, как любые другие жители Д'Алви – такие же темнокожие, с шапочками курчавых, плотно прилегающих к голове волос. Они приветствовали его, когда он подъехал поближе, но в их жестах уважения не было низкопоклонства; наоборот, их черные глаза внимательно оглядывали его необычного скакуна и вооружение, почти не задерживаясь на красивой одежде и золотых побрякушках.

Вслед за му'аманами навстречу Иеро двигалась длинная процессия крикливо разодетых торговцев – видимо, только что прибывших из южных областей страны; на их лицах и просторных халатах ярких расцветок толстым слоем осела дорожная пыль, а кое-где проступали и кровавые пятна – признак того, что путешествие прошло не совсем гладко. Священник воздержался от зондирования их мыслей – ведь все и так станет ему известным; как и любые другие путники, прибывающие в город, купцы будут обязаны предстать перед придворным летописцем, чьей обязанностью являлось знать обо всем, что происходит в королевстве. На пропыленных одеждах у многих из них Иеро заметил символ шестиконечной звезды – знак давидов, еще одной странной религиозной секты, чьи поклонники обосновались в этом государстве. Давиды жили и в самом городе; как и му'аманы, они почти не отличались внешне от остальных его обитателей и занимали все ступеньки социальной лестницы – от нищих и бедняков до богатых торговцев и нобилей. И верили они вроде бы в того же самого бога, только не признавали ни его мессию, ни пророков, а их священники вели свои службы по каким-то таинственным книгам, глядеть на которые позволялось лишь единоверцам. Несмотря на то, что многие семейства му'аманов и давидов уже многие годы состояли при дворе, вели они себя очень замкнуто, и их юноши редко женились на девушках-христианках. Все же Лучар и король Даниэл верили им безоговорочно. «Хотел бы я доверять своим собратьям во Христе так же, как верю им», – частенько говаривал король. Когда Иеро поближе познакомился с делами государства, его совсем не удивило, что в королевской гвардии и среди стражников вдруг оказалось необычайно много представителей этих племен.

Улица впереди сужалась, и в просвете между домами показался один из часто встречавшихся в городе мостов, как обычно защищенный с обеих сторон толстыми каменными стенами. Такие мосты перекидывали через многочисленные каналы, струившиеся вдоль городских улиц и спешившие затем слиться в дюжину сонных речушек, несущих свои воды к Лантическому океану. Подъехав поближе, Иеро в очередной раз убедился, что внушительные каменные стены, прикрывавшие мост и прилегающую к нему улицу, являлись отнюдь не бесполезными украшениями. На один из толстых металлических штырей, вмурованных в каменное ограждение моста, была наколота уродливая, забрызганная кровью голова какой-то рептилии, оскалившая два ряда огромных, заостренных словно кинжалы зубов. Увидев ее, Клоц, всхрипнув, неуверенно переступил копытами по окровавленному булыжникам мостовой.

– Это грантер, ваша светлость, – заметив его замешательство, один из охранников мгновенно оказался рядом. – И здоровый, надо сказать! Пару раз я слышал, как они режут на болотах – от их воплей можно оглохнуть! Вообще-то, лет десять-пятнадцать назад, их было совсем немного; но если дело пойдет так дальше, боюсь, нам скоро придется строить новые стены.

– Они годятся на что-нибудь? – поинтересовался Иеро. – Вид-то у него, прямо скажем, не слишком аппетитный.

– Ну, мясо неплохое на вкус, хотя его приходится долго вымачивать, а из шкуры получаются отличные щиты. Не знаю, правда, что с ними делают крестьяне – наверное, просто уничтожают, ведь даже небольшой грантер, в три раза меньше этого страшилища, может запросто утащить ребенка. А уж как они расправляются со скотом – костей не соберешь! Так что если в деревне нет колодца, вода становится серьезной проблемой, – охранник поморщился. – Я сам когда-то потерял маленького племянника. Мы плыли на барже; парнишка утром открыл люк и высунулся наружу, тут грантер его и прихватил. А теперь эти твари уже и городе кишат, и с каждым годом становится все хуже и хуже.

Задержав взгляд на выпучившей остекленелые глаза голове рептилии, Иеро призадумался. Очевидно, охранник рассказал ему только о следствиях. Что же тогда может быть причиной? Ведь из-за участвовавших в городе нападений грантеров и прочих не менее смертоносных водяных хищников посты охраны на мостах и вдоль каналов пришлось удвоить. Нет сомнений, что колдуны Нечистого имеют какие-то возможности, чтобы направлять в столицу Д'Алви целые орды голодных тварей вроде грантеров или еще

похуже. Более того – это как раз в их стиле: запланировать незаметную, но приносящую ощутимый вред акцию. Ведь это прекрасный способ потихоньку ослабить государство! А зачем? Затем, что тогда легче будет развязать в нем настоящую войну... Да, над этим фактом стоит еще раз внимательно поразмыслить!

Вместе со своей маленькой свитой Иеро пересек мост и отправился дальше, кружа и петляя по городским улочкам. После обеда ему нужно будет проверить посты охранников; к тому же, оставались еще эти бродячие торговцы с юга. Королю Даниэлу пришлось весьма по вкусу то, что его зять проявляет искренний интерес ко всем государственным делам, и теперь он старался любое решение принимать лишь посоветовавшись с Иеро. Священник покачал головой – как он мог забыть! – ведь сегодня вечером состоится большой королевский бал, на котором Даниэл наверняка представит принца всему высшему сословию страны.

Тонкие губы Иеро изогнулись в ухмылке – подумать только, Лучар заставила его брать уроки танцев! К счастью, с его врожденным чувством ритма и кое-каким музыкальным образованием, полученным еще дома, местные пляски не составляли для него труда. Тем более, что огорчать свою милую женушку ему тоже не хотелось.

Он выехал на площадь, постоянно кивая и прикладывая руку к шапочке в ответ на звучащие отовсюду приветствия. Затем Иеро повернул голову направо, и широкая улыбка расплылась по его лицу – с другой стороны площади показался бешено мчащийся хоппер, на спине которого с небрежной грацией восседала гибкая тонкая фигурка в ярком одеянии. Прыгун в последний раз взлетел над головами перепуганных крестьян и, тяжело дыша, приземлился в футе от флегматичной морды Клоца.

– Мой привет достойнейшему принцу из далекой страны ледяных драконов, – под алым тюрбаном сияло веселое лицо молодого наездника.

Герцог Амибал Аэо, доводившийся Лучар троюродным братом и всего неделю назад прибывший в столицу королевства Д'Алви, успел уже стать любимцем Иеро – впрочем, как и всего города. Сын покойного двоюродного брата короля в свои неполные восемнадцать лет предпочитал вести веселую жизнь, беззаботно принимая знаки внимания, что полагались его высокому титулу. И хотя мягкую нежную поросль на верхней губе Амибала еще никак нельзя было назвать усами, парень отнюдь не считался молокососом. Когда ему надоедало со страшной скоростью гонять на хоппере по лабиринту дворцового парка, он отправлялся на реку – поохотиться на тамошних обитателей с маленького одноместного каноэ. Несмотря на столь юный возраст, за молодым герцогом тянулась длинная цепочка разбитых девичьих сердец, а по части употребления крепких напитков он легко мог заткнуть за пояс даже поседевших в боях армейских ветеранов. Иеро быстро понял, что за кажущимся легкомыслием Амибала скрывается нечто большее – в его весело поблескивающих глазах светился недюжинный ум, а в чертах лица, еще по-детски округлых, уже проступали резкие сильные линии. Без умолку болтая, Амибал пристроил своего скакуна рядом с Клоцем, и они вместе двинулись вперед по площади. Из одежды на молодом герцоге были только широкий алый кильт и короткие сапожки, а тонкий изогнутый меч и кинжал, прицепленные к поясу, ничуть не портили впечатления радостной беззаботности, исходившей от его стройной фигуры.

– Ну что, все уже готово к большому балу, а, Иеро? – Амибала просто распирало от удовольствия, – Погоди, погоди, ты увидишь, какой костюм я себе приготовил! Я покажу этим стареющим придворным бездельникам, как должен выглядеть настоящий принц крови! Надеюсь, что и вы с Лучар наденете что-нибудь этакое... чтобы у них глаза на лоб повылазили! Хотя за нее-то я не беспокоюсь... я тревожусь за тебя, неряха-северянин. Я слышал, гвардейцам пришлось немало потрудиться, чтобы вытащить тебя из тех отвратительных кожаных доспехов, в которых ты здесь появился.

– Мы будем в костюмах супружеской пары из моей страны, – вымолвил Иеро, глядя прямо перед собой. – Белые льняные туники без рукавов и поясов, похожие на саван, и без всяких украшений – по приметам, это отпугивает злых духов.

Надувшись, Амибал слегка повернул прыгуна, чтобы поймать букет цветов, который бросила ему с одного из балконов симпатичная девушка. Один цветок он пристроил за ухом, а все остальные зарыл в пушистый мех своего скакуна. При виде широкой ухмылки на физиономии священника, озабоченность мигом слетела с его лица. Юноша разразился потоком беззлых проклятий, но потом, не удержавшись, расхохотался.

– Черт бы тебя побрал! Такой каменной рожей можно задурить кого угодно! Но все-таки скажи мне, что вы наденете? Ты ведь знаешь, это будет бал-маскарад, по старой традиции, оставшейся еще с тех пор, когда многие вельможи одевали на балу маски, опасаясь наемных убийц. Ну, давай же, – Амибал нетерпеливо заерзал в седле, – я никому не проболтаюсь, честное слово!

– Еще не знаю. Лучар сказала, что я обязан поразить всех своим нарядом, но к тебе, видимо, это не относится. Пожалуй, я буду в костюме синюка, шелковом с золотой полоской... будь я проклят, если соглашусь надеть что-нибудь более хитрое! – а Лучар ни за что не покажет мне свое карнавальное платье. У вас, болотных жителей, просто какая-то мания по части одежды. Кажется, любой из вас скорее согласится голодать и жить под дырявой крышей, чем выйти на улицу без кружевных штанов, расшитого золотом плаща или чего-нибудь в том же духе.

Молодой герцог не пытался возражать.

– Это просто говорит наша горячая южная кровь. Боюсь, что вы, холодные северяне, никогда не сумеете нас понять... – Впереди показались главные ворота дворца, рядом с которыми маячили крохотные фигурки стражей. – Значит, оденешься синюком... Ну что ж, прекрасный выбор! Экзотика! Эти синюки – странный народец... говорят, они позаимствовали синий цвет кожи от зловещего сияния мертвых песков в пустынях Смерти, рядом с которыми живут. А еще ходят слухи, что они могут чувствовать невидимую радиацию и заблаговременно обходят те места, где она сохранилась.

Иеро вернул стражникам салют и перевел Клоца с легкой рыси на шаг. Что-то подсказало ему, что пока не стоит хвастаться юному Амибалу, что он умеет избегать опасных мест не хуже синюков. Он снова осторожно прощупал мозг юноши и убедился, что ментальный щит Амибала все так же непроницаем. Да, мысленный экран у парнишки ничуть не хуже, чем у него самого! Впрочем, не надо забывать, что в монастырских школах молодым нобилям до сих пор преподают искусство ментальной защиты, хотя с годами обучение все ухудшалась, так как местные церковники считали такую вещь совершенно бесполезным делом.

Иеро попрощался с юным герцогом и тут же забыл про него. Пока он шагал к своим покоям, в его голове билась мысль, которую он только что отчетливо осознал. Значит, ментальные тренировки считаются теперь пустой тратой времени... Да, процесс разложения в этой стране зашел слишком далеко! Сколько же усилий понадобится, чтобы наверстать упущенное, преодолеть людскую подозрительность и недоверие... особенно если учесть, что мастера Нечистого тоже не будут сидеть сложа руки. Погруженный в тяжкие раздумья, священник молча прошел в свою опочивальню, и страж в коридоре, заметив выражение его лица, даже не осмелился отдать салют.

– Наконец-то! – Лучар приветствовала его с порога. – Я заметила твое приближение по целому облаку мрачных мыслей, которое летело впереди тебя, пока ты шел по лестнице. Так что же на этот раз расстроило непобедимого воителя из великой северной державы?

– Ужасная трясина темных вражьих помыслов засосала меня, – Иеро непроизвольно улыбнулся, когда она встала на цыпочки, чтобы поцеловать его. – Но на этом мои печали не кончаются, потому что глупость и тупоголовость твоих... – Тут маленькая ладошка закрыла его рот.

– Знаю, знаю, не нужно даже напоминать! Жрецы непроходимо глупы и неспособны смотреть в лицо фактам, духовное и физическое разложение высшего сословия достигло небывалых размеров, все заняты только собой и, конечно, при этом никто не замечает, как вольготно чувствует себя в стране Нечистый... Все, или я что-то забыла?

– Нет, моя радость, ты ничего не забыла, но я как-то не собирался развлекать тебя такими разговорами накануне карнавальной ночи. Кстати, это твое праздничное платье? – На его лице появилось выражение безмерного восхищения перед полупрозрачным куском тонкой материи, в данный момент, похоже, являвшимся ее единственной одеждой.

– Болван! Это моя ночная рубашка! И как меня только угораздило связаться с таким неотесанным дикарем, который не в состоянии отличить жалкую тряпку от бального платья!

– Ну что ж, когда мы впервые повстречались, на тебе не было даже тряпки, – примирительно заметил Иеро. – Однако, посмотрев на тебя, я сказал Клоцу: «Клоц, дружище, неужели ты думаешь, что ей

действительно нужна одежда?» Можешь сама у него спросить, если не веришь.

Он упал в огромное мягкое кресло, и Лучар тут же уселась к нему на колени и ласково обняла за шею.

– Что-то беспокоит тебя, милый? – спросила она после минутной паузы.

– Ничего конкретного, – Иеро выбрался из кресла и, подойдя к узкому оконцу, уставился на город внизу. Оглушительный многоголосый шум городских улиц в этой башне был слышен лишь как далекое невнятное бормотание. – Просто я увидел сегодня голову одного из ваших речных чудовищ. Охранник сказал мне, что за последние годы их численность резко увеличилась. Вполне возможно, за всем этим тоже стоит Нечистый – тем или иным способом, но они могут справиться даже с такой задачей... Главное же в другом... Больше всего меня терзает инстинктивное чувство, что прямо здесь, под нашим носом, зреет какой-то ужасный заговор. Даже невинные шутки юного Амибала порой кажутся мне подозрительными. И, наконец, самое худшее: несмотря на все свое умение, я никак не могу разобраться в том, что же должно произойти.

– А по-моему, все твои страхи лишь от того, что ты попал в незнакомое окружение. Тебе нужно присутствовать на всех королевских приемах, тебя заставляют носить какие-то глупые наряды, тебе вообще теперь все время приходится быть на виду, а это значит – нервы, нервы и еще раз нервы. Хотя знаешь ли, – она покачала головой, – твои подозрения насчет Амибала не беспочвенны... Он, конечно, тоже дрянь, и многие об этом знают, но его титул лишь чуть пониже моего, и у отца сейчас есть планы насчет нашего юного герцога. Спасибо хоть, он не уродился в свою мамочку; его папаша – кузен Каримбаль – был просто глуповат, но Фуала – ох!

– А что же было не в порядке с Фуалой? – вяло полюбопытствовал Иеро, продолжая взирать на запруженные народом городские улицы. – Ведь, насколько я понимаю, она мертва... так же, как и ее муж.

– Это так, – сухо ответила принцесса. – Один из многочисленных любовников зарезал ее прямо в постели. Его потом привязали между двумя взбесившимися хопперами, и те разорвали беднягу пополам. Надо сказать, ее смерть принесла отцу только облегчение. Она редко появлялась при дворе, но я хорошо ее помню, и это совсем не удивительно – видит Бог, я больше никогда не встречала столь ослепительно красивую женщину! Только вот было в ней что-то дьявольское... Фуала постоянно пропадала где-то в южных лесах. Она отправлялась туда в одиночестве, или же, что случалось часто, брала с собою Амибала – на неделю, а то и больше. Возможно, я слишком сгущаю краски, и на самом деле она была просто грязной шлюхой, но ни я, ни отец никогда не доверяли ей. Отец всегда считал, что у этой женщины какие-то неумеренные политические амбиции – она вертела своим мужем как хотела, а он – дурак! – готов был сделать для нее все, что угодно. А ее наказания для рабов... это же сплошное изуверство! Нет, я не могу сказать о ней ничего хорошего. И Амибалу, конечно, тоже повезло, что она умерла... если она действительно умерла.

– Но ведь ты только что говорила мне, что ее зарезали. Как же понять твое последнее замечание?

Лучар ненадолго умолкла, и Иеро вдруг осознал, что ее почему-то смущает этот вопрос.

– Ты знаешь, – она повернулась в кресле, чтобы увидеть его глаза, – многие люди считали ее ведьмой, а ведьм невозможно убить просто так. Хотя... хотя, конечно, она мертва... просто она всегда пугала меня. От нее истекала такая сильная эманация зла, что даже сейчас от одних только мыслей о ней мне становится не по себе. Каримбаль умер через месяц после ее смерти. Говорят, от какой-то редкой болезни...

– Ну что ж, – примирительно произнес Иеро, – всегда есть люди, которые нам не нравятся. Кстати, этим торговцам-южанам тоже очень не понравится, если я не смогу хорошенько поприветствовать их из-за того, что опоздаю на королевскую аудиенцию. – Он соскочил с подоконника и быстрым шагом направился к двери. – Надеюсь в следующий раз увидеть тебя в более подобающем твоему титулу платье.

Лучар швырнула ему вслед подушку, но промахнулась.

* * *

Большой королевский бал действительно оправдывал свое название. Иеро и представить себе не мог столь великолепного зрелища: в освещенном разноцветными фонариками огромном зале беззаботно

кружились тысячи законопослушных королевских подданных, разодетых в умопомрачительные костюмы. Его собственный наряд из лилового и золотого шелка выглядел гораздо скромнее, чем облачения большинства сановников. Король Даниэл, восседавший на троне в пышном пурпурном одеянии с широкой, расшитой драгоценными камнями лентой через плечо, весело приветствовал гостей. Рядом с ним стояла Лучар, непонятным образом завернутая в совершенно фантастическое платье изумрудно-зеленого цвета. Из украшений на принцессе был только массивный браслет, подарок Вайлэ-Ри, ослепительно сверкавший на ее смуглой руке, а милое личико скрывала тонкая шелковая полумаска. Где-то неподалеку важно вышагивали по залу священники в своих просторных, богато изукрашенных мантиях – они тоже оказались здесь не случайно, а потому, что событие такой значимости требовало божьего благословения. Цвет дворянства Д'Алви, в нарядах, что едва не трескались под грузом подвешенных к ним драгоценностей, весело приплясывал под рожки и барабаны, выводящие какой-то экзотический варварский мотив, причем мужчины были разряжены ничуть не менее пышно, чем представительницы слабого пола.

У метсианского священника, попытавшегося внимательнее приглядеться к этому волнующемуся буйству красок, мгновенно разбежались глаза, и ему пришлось удовольствоваться лишь общим впечатлением гигантского праздника. Он словно в полусне пробирался между рядами танцоров, похожих на какие-то невиданные цветы, когда один из слуг легонько коснулся его руки.

– Срочное послание, ваше высочество. Его принес человек из вашей личной охраны. Пойдемте, он ждет вас в малом зале.

Иеро в удивлении поспешил за слугой, чье лицо показалось ему странно знакомым. Уже покидая зал, он послал Лучар мысленную весточку.

«Какое-то срочное послание, милая. Постараюсь не задерживаться.»

Принцесса в этот момент не спеша прогуливалась по крытой галерее дворца, усердно развлекала одного расфуфыренного аристократа, чья семья контролировала что-то очень важное. Ее шуточный ответ был наполнен теплом и нежностью:

«Поторопись, любовь моя, ведь тебя здесь дожидаются еще как минимум пять толстых дам, с которыми ты должен потанцевать, прежде чем сможешь сбежать отсюда.»

Иеро ухмыльнулся и вслед за слугой нырнул в маленькую боковую комнатку, примыкавшую к бальному залу. Все еще пребывая мысленно рядом с Лучар, он вдруг почувствовал стремительное движение у себя за спиной, но так и не успел обернуться. Страшный удар обрушился на него, и все вокруг погрузилось во тьму.

ГЛАВА 2. ОДИН

Довольно долго он пролежал без чувств, но в этом кошмарном полусне-полубреду перед ним проплывали образы, которые, как он понимал, были не просто фантомами его агонизирующего сознания. Сначала он увидел склонившуюся над ним физиономию Джозато, только теперь его разглядывал не уставший от канцелярских забот чиновник-жрец, а совершенно другой человек: его лицо источало ледянящий холод, его пронизательные острые глаза горели насмешкой и триумфом. Каким-то дальним уголком сознания Иеро автоматически отметил, что ни разу до до этой секунды ему не приходилось глядеть Джозато прямо в глаза. Как жаль, что он не додумался до этого раньше! У незаметного жреца, вечно прячущего лицо за кипой свитков, оказался взгляд Нечистого!

Иеро попытался пошевелиться, но его руки и ноги были привязаны к деревянной скамье. Одновременно с этим он вдруг осознал, что находится, по всей видимости, где-то в подземельях, уходящих, подобно лабиринту кроличьих нор, вглубь холма, на котором располагался королевский дворец. Он дернулся еще раз, и перед ним появилось еще одна физиономия. Челюсти священника свело от ужаса – на него смотрел Амибал Азо! Пухлые губы юного герцога искажала усмешка злобного торжества, в глазах светились абсолютная, всепоглощающая ненависть и, как почудилось Иеро, что-то еще – что-то, похожее на темное животное безумие. «Многие люди считали ее ведьмой, – промелькнуло в раскалывающейся от боли голове священника. – Она постоянно пропадала где-то в южных лесах. Она отправлялась туда в одиночестве, или же, что случалось часто, брала с собою Амибала...» – невзирая на боль, продолжала подсказывать память.

Что-то вдруг кольнуло его у правого локтя, и через несколько секунд в руках Джозато появилась опорожненная стеклянная ампула с длинной, покрытой свежей кровью иглой.

– Мы убьем его позже, – послышался тихий шепот. – Не сейчас. Говорят, что проклятый северянин научил принцессу передавать мысли, и если она почувствует не его смерть, а лишь непонятное молчание, мы сумеем выиграть время. Если же она начнет действовать... Нет, мы пока не готовы к такому повороту событий! Мне сказали, что наркотик подавляет ментальные силы, но нам все равно придется поторопиться – этот человек очень, очень опасен. Конечно, мы убьем его, но не здесь, а где-нибудь подальше от столицы – большие расстояния мешают обмену мыслями, и даже он не сможет пробиться к ее разуму за многие мили. Итак, он должен всегда оставаться под действием этого снадобья, тогда прикончить его нетрудно. Ты понял?

– О да, прекрасно понял! – молодой герцог соорудил гримасу. – Возвращаясь в королевские покои, нам обоим нельзя долго отсутствовать. Я позабочусь о нем и догоню тебя. Один из моих караванов на рассвете уходит на запад и...

Боль стала невыносимой, и Иеро, не сумев перебороть ее, вновь провалился в беспамятство.

Потом он еще несколько раз приходил в сознание, ощущая то невыносимый жар во всем теле, то, наоборот, какой-то неестественный ледянящий холод. Крепко связанный грязными веревками, он очутился в вонючем и противно поскрипывающем кожаном мешке, который, к тому же, все время мотало и раскачивало из стороны в сторону. Иеро подумал, что, должно быть, он находится на корабле, но это мысль почему-то оставила его равнодушным. Он попробовал мысленно просканировать окружающее пространство, но не смог этого сделать – его главное оружие казалось утраченным. Волей-неволей священнику пришлось смириться с тем, что слуги Нечистого одержали победу – и ментальную, и физическую. Чувства направления и времени тоже исчезли, и теперь он не имел ни малейшего понятия, куда его везут, где он находится, и какой сейчас день. Лежа в своем мешке, он смутно припоминал, что время от времени его кормили какой-то дрянью, которая тоже была напичкана наркотиками, и что он, не в силах сопротивляться, глотал эти склизкие комья. Странные уродливые рожи, иногда проскальзывавшие перед его помутненным взором, значили для него не более, чем любые другие фантомы непрекращающегося кошмара. Иногда в темное и вонючее убежище Иеро проникал солнечный луч, но это тоже уже казалось совершенно неважным.

Внезапно его унылое полубодрствование-полусон было прервано – воздух вокруг вдруг наполнился бессмысленными воплями, яростным ревом и стонами. Мешок опрокинулся, и чья-то тяжелая туша

рухнула на него сверху; туша конвульсивно дернулась, и часть связывавших Иеро веревок лопнула от резкого движения. Ноги священника придавило чем-то тяжелым, но, почти инстинктивно, он дернулся вперед и вверх и почувствовал, что на его ступни почти ничего не давит. Руки его все еще были связаны, но теперь Иеро мог легко освободиться от ослабевших пут.

«Нет! Ни в коем случае не делай этого! – подсказывал инстинкт. – Лежи тихо. Двигаться сейчас смертельно опасно.»

Рядом слышались быстрые крадущиеся шаги, потом донеслось легкое царапанье металла о металл и скрип кожаных ремней. Перекликнулись чьи-то хриплые голоса, затем раздался удаляющийся тяжелый топот выючных животных, и, наконец, наступила тишина. Иеро продолжал лежать неподвижно – его ослабевший разум изнемог лишь от того, что заставлял непослушные мышцы уподобиться камню. Постепенно, сам того не замечая, он провалился в глубокий беспробудный сон.

...Он пробудился, ощущая чудовищный голод и жажду. Ноги его действительно оказались свободными, чего нельзя было сказать о руках и глазах, которые еще закрывала какая-то грязная тряпка. Изловчившись, Иеро стянул с лица надоевшую повязку и принялся осматриваться, болезненно щурясь и моргая от яркого солнца. Вскоре выяснилось, что он лежит в небольшой, заросшей колючками ложбинке, а в бок ему упирается огромная туша, перекрывшая и так не слишком удачный обзор. Смерд разлагающейся плоти явственно подсказывал, что труп принадлежит какому-то животному. Напоследок он обнаружил, что все еще завернут в грязные шкуры, запах которых несколько не сделался лучше.

Иеро прислушался. В колючих кустах над его головой шелестел легкий ветерок; единственными другими звуками были только резкие крики дерущихся стервятников.

Мозг его постепенно освобождался от дурмана. Он бросил взгляд на запястья и, к своему удивлению, увидел, что связаны они не крепкими кожаными ремнями, а все теми же грязными тряпками. Очевидно, его тюремщики не помышляли о том, что пленник попытается убежать.

Освободившись, Иеро осторожно приподнялся.

Пять мертвых серых кау, выючных животных из Д'Алви, лежали на небольшой лесной поляне. Сам он выглядывал из-за трупа шестого, и обломок стрелы, торчащий в толстой шее быка, не оставлял сомнений в том, что послужило причиной его смерти. Вперемешку с кау валялись скрючившиеся в неестественных позах тела людей, причем и те, и другие были обобраны дочиста. Исключение составляла лишь жалкая упряжь животного, на котором везли Иеро – в таком виде она никак не могла пригодиться ограбившим караван бандитам.

Стайка небольших зверей с голыми лоснящимися мордами увлеченно копалась во внутренностях одного из покойников; завидев голову Иеро, зверьки предпочли скрыться в ближайших кустах. Когда последний из них нырнул в спутанную густую поросль, на поляне не осталось уже ничего движущегося. По-видимому, туши мертвых кау загораживали от священника пиршество крылатых любителей падали – их режущие ухо вопли не смолкали ни на секунду.

С усилием заставив свой едва проснувшийся мозг работать, Иеро представил, что же здесь случилось.

Итак, четверо похитителей везли его по лесу на спине одного из выючных животных; потом, на этой поляне – возможно, когда уже стемнело – они наткнулись на засаду. Бык, на котором он ехал, был убит почти мгновенно и, к счастью, не придавил его при падении. Бандиты не заметили его при торопливом обыске, потому что кожаный мешок оказался заваленным рваной упряжью, да и труп упавшего быка почти полностью загораживал его. Сняв с мертвых все приглянувшееся добро и забрав с собой оставшихся животных, бандиты быстро отступили в лес – возможно, опасаясь погони.

На подгибавшихся от слабости ногах Иеро потихоньку похромал к середине поляны. Крики стервятников стали громче, но, даже заметив человека, птицы не пожелали оставить своей трапезы.

Священник внимательно осмотрел трупы пленивших его людей, и ему сильно не понравилось то, что он увидел. Никогда раньше ему не встречались представители этой расы и сам их вид произвел на него тягостное впечатление – маленькие скрюченные тела, изжелта-белый нездоровый цвет кожи и такие же белые ломкие волосы. Узкоглазые, с массивными выступающими челюстями, их лица почему-то оказались

чисто выбритыми. Да, весьма интересно узнать, откуда у юного Амибала такие знакомые!

Эта мысль его утомила. Бесцельно уставившись на заросли колючих кустов, Иеро попытался, несмотря на слабость и головокружение, пробудить в своем мозгу все навыки и опыт, необходимые, чтобы выжить в этом странном месте. Потом медленно и осторожно он начал обшаривать поляну в поисках чего-нибудь, что могло бы ему пригодиться, однако бандиты проделали свою работу на совесть и уволокли абсолютно все – так, из оружия на поляне остался лишь обломок стрелы, торчавший в шее мертвого кау. К сожалению, из этого запоздалого осмотра ему не удалось выяснить ни кто такие его пленители, ни кто расправился с ними. Под конец священник признал, что, кроме оказавшихся на нем кожаных штанов и сандалий, он не располагает ни одним по-настоящему полезным предметом.

Тогда Иеро занялся изучением следов, в большом числе заполнявших поляну, и быстро отыскал ведущие в лес отпечатки грубых башмаков и рядом с ними – широких копыт кау. Он как раз остановился у края поляны, чтобы немного подумать, когда стервятники внезапно смолкли и, оторвавшись от еды, вытянули шеи – где-то далеко на востоке чуть слышно трубил рог.

Одна за другой тяжелые птицы поднимались в воздух. Священник недовольно поморщился – ведь трубач наверняка заметил, как над лесной чащей взмыли стервятники, а здесь, в этих гибельных джунглях, он мог встретиться только с недругами.

Рог протрубил снова, и на этот раз его одинокий призыв не остался безответным – южнее и севернее его подхватили другие рога. Значит, далеко на востоке какой-то отряд, развернувшись длинной цепью, прочесывал лес. Что же тут можно искать, кроме его благородной персоны?

Еще не осознав, что делает, Иеро схватился за ветку колючего кустарника, сломал ее и начал методично уничтожать следы своего пребывания на поляне. Покончив с этим делом, он повернулся и неспеша потрусил на запад, стараясь ступать по твердой земле, а там, где это не удавалось, пуская в ход колючую ветку.

Священник бежал уже с полчаса, неторопливо и осторожно, временами поглядывая под ноги. За его спиной по-прежнему перекликались рожки, и по их звукам он мог примерно определить, что расстояние между ним и преследователями не уменьшается.

Зашло солнце. В его умирающем свете Иеро показалось, что заросли колючек сильно поредели. Да и под ногами все чаще попадался песок или мелкие камушки, а трава и всякие ползучие растеньица совсем пропали. Даже цвет почвы стал иным, не желто-коричневым, а голубовато-серым.

Внезапно звук рогов изменился; сразу два из них выдули короткую резкую мелодию, и беглец понял, что, обнаружив место побоища, они трубят общий сбор. Нахмурившись, он устремился вперед. Было мучительно думать, что это, возможно, отряд, посланный Лучар на его поиски, и что сейчас он уходит все дальше и дальше от своих друзей, однако шансов на такой исход оставалось мало. Конечно, он не знает, куда направлялся тот странный караван, и, стало быть, ему неизвестно, где он теперь очутился, но ясно одно – везли его с большой поспешностью и увезти успели далеко. Вряд ли людям принцессы удалось за столь короткое время взять нужный след и примчаться сюда. К тому же голубоватый оттенок почвы и исчезновение растительности однозначно говорили о том, что вскоре он встретится с новыми опасностями. Он уже вдоволь насмотрелся на такие места у себя на севере; подобная смена пейзажа означала, что он приближается к голубой пустыне Смерти.

Совсем скоро ему пришлось убедиться в правильности своих подозрений: кусты расступились, и перед ним возникла простирающаяся до самого горизонта пустошь, засыпанная голубоватым поблескивающим песком. Позади по-прежнему уверенно перекликались рога – знак того, что погоня продолжается.

У него не было ни воды, ни пищи, ни оружия, но, после недолгих колебаний, священник углубился в сверкающую пустыню. В конце концов, подумал он, этот вариант более предпочтителен, чем возможность снова попасть в руки врагов. Да и какой здесь мог быть выбор? По крайней мере, хуже, чем тогда, ему уже не будет.

С приходом ночи рога смолкли, но он продолжал упорно шагать вперед, придерживаясь западного направления. Спотыкаясь от усталости, Иеро медленно переставлял ноги, концентрируя внимание лишь на

том, чтобы не свалиться. Один раз, не удержав равновесия, он опустился на колени; встать потом оказалось очень тяжело.

Кое-как он дохромал до пересохшего русла маленькой речушки; идти по ее каменистому дну было гораздо удобнее, чем по осыпавшимся под ногами голубому песку. Здесь Иеро устроил себе привал, чтобы перевести дух и заодно пососать небольшой округлый камешек. Без еды его тренированное тело могло протянуть долго, а вот вода, по всей видимости, вскоре превратится в серьезную проблему.

Он поднял голову, обзревая безрадостный пустынный ландшафт, освещенный призрачным лунным светом. К югу, насколько хватал взгляд, протянулись обширные полосы поблескивающего песка, перемежавшиеся с нагромождениями источенных ветром валунов. На севере и востоке пейзаж казался примерно таким же, а вот на западе какие-то темные вершины закрывали низко повисшие над линией горизонта звезды – возможно, цепь невысоких утесов или что-то в этом роде.

Невероятным усилием воли священник заставил себя подняться. Если где-то здесь и найдется относительно безопасное место, то скорее всего у этих западных скал. Там наверняка должны быть какие-то пещеры или, на худой конец, расселины, где он сможет укрыться от полуденного зноя. Возможно, при некотором везении ему удастся обнаружить воду и пищу, что, вообще-то, было бы очень кстати.

Он уже сделал несколько неуверенных шагов в выбранном направлении, когда до его ушей долетел какой-то неясный звук. Застыв, Иеро напряженно вслушивался в окружающую его тишину, в тысячный раз пытаясь сфокусировать свою ментальную силу и раздёрнуть опустившийся перед ним занавес мысленной слепоты. И в тысячный раз ему пришлось сдаться, хотя было так тяжело поверить, что все его способности, весь огромный талант утрачены навсегда, выхолощены наркотиками, и теперь он, лишенный этого последнего оружия защиты, вынужден прозябать в этом безжизненном месте. Подавив невольный вздох, Иеро осенил себя крестом и пробормотал короткую молитву. К сожалению, в последнее время ему приходилось пренебрегать своими прямыми обязанностями – ведь, в конце концов, он не только принц, но и священник. И, к тому же – хвала Господу! – пока еще живой священник.

Прихрамывая рысцой он затрусил к холмам на горизонте, стараясь не обращать внимания на жажду и непрерывное голодное урчание в желудке. При этом он продолжал внимательно вслушиваться в окружающее его голубоватое безмолвие, но, казалось, единственным звуком здесь было лишь мерное поскрипывание песка под подошвами сандалий. Однако эта обманчивая тишина уже не могла обмануть его; пусть он утратил свои ментальные таланты, но где-то в глубине мозга все еще трепетал клубок оборванных и почти бесполезных теперь нервных связей, выжженный центр телепатических способностей, которые раньше предупреждали его об опасности. Интуитивно он ощущал, что в темноте ночи таится что-то хищное и злое; в этом не могло быть никаких сомнений, и внезапное затишье подтверждало его подозрения красноречивее всяких слов. Кто-то или что-то охотилось за ним, и, пока он не в силах оказать преследователю достойное сопротивление, придется бежать. Бежать и скрываться!

Иеро вновь сосредоточился на ходьбе, заставляя двигаться утомленные ноги. Он не питал иллюзий насчет своего нынешнего положения; пустыня Смерти – совсем не то место, где можно радоваться жизни.

Тысячи лет назад огромные пространства суши были выжжены ядерными бомбами, и некоторые из них до сих пор сияли по ночам мертвенным голубоватым светом, оставаясь все еще смертельно опасными для всего живого. Та пустыня, в которой оказался Иеро, представляла собой не самый худший вариант, и к тому же, как все северяне, он мог внутренним чутьем определять источники сильной радиации и обладал определенной сопротивляемостью к ней. Здесь же он ощущал лишь то, что сверкающие голубые пески уже истощили свой смертоносный заряд, однако это совсем не означало, что ему не грозит медленная гибель от лучевой болезни. Возможно, она лишь откладывается.

Несмотря на отсутствие голубоватых огней на гребнях песчаных дюн, местность продолжала оставаться совершенно безжизненной, и, главное, не было никаких признаков того, что здесь вообще есть вода. До сих пор священнику не встретилось ни одного растения, отсутствовали даже лишайники – они не росли в пересохшем речном русле, на которое он наткнулся в ночной темноте. И все же радиация оставила здесь еще один след, кроме полного уничтожения всякой нормальной жизни. Вместо нее появилось нечто новое, странный результат чудовищных мутаций. Так что, хотя пейзаж и казался пустынным, Иеро чувствовал, что где-то совсем рядом с ним затаились живые существа; он ощущал это, несмотря на потерю

своих ментальных сил. Чувство безымянной угрозы постоянно давило на мозг, но он упорно продолжал хромать к вставшим на западном горизонте холмам. Он надеялся, что Господь не оставит его в беде.

Снова пришлось остановиться чтобы перевести дух, но теперь Иеро опустился лишь на колени, опасаясь, что, усевшись поосновательней, уже не сможет встать. И тут, откуда-то с южного направления, опять послышался этот странный звук. Сейчас он прозвучал гораздо громче и решительней – странный вибрирующий вопль, как будто где-то далеко в ночи на невысимо высокой ноте проблеяла гигантская овца. Несмотря на всю мыслимую и невыслимую тренировку, лоб Иеро покрылся холодным потом – что бы там не вопило в темноте, ему хотелось избежать знакомства с обладателем этого голоса. Он вновь перекрестился и, кое-как поднявшись на ноги, зашагал на запад. Тело его молило об отдыхе, но он продолжал свой путь – ведь эта визгливая тварь охотилась, и охотилась она, несомненно, за его персоной. Иеро не забивал себе голову вопросами, почему она вышла на его след и откуда вообще взялась в мертвых голубых песках; он просто знал, что это так, и, стало быть, надо пошевеливаться.

Подняв голову, он вдруг заметил, что темные гребни холмов, за последний час ставшие значительно выше, поднимаются уже по обеим сторонам от него. Слева из разлома в почве торчала какая-то странная островерхая штуковина, которая при более внимательном изучении оказалась чем-то похожим на отвратительный искривленный кактус. Да, возможно, он сумеет обнаружить здесь воду, если очень постарается! – мелькнула мысль. Он двинулся дальше, выжимая из своих истомленных мышц последние силы и жадно хватая ртом колющий ночной воздух.

Мир позади него заполнился злобным воплем, оглушающим и каким-то совсем чужим, даже в этой неприветливой пустынной местности. Взлетая на невысимо высокой ноте, он вызывающим тошноту и звоном отдавался в раскалывающейся от боли голове священника. На этот раз Иеро даже не остановился, сконцентрировав последние силы на том, чтобы перевалить через песчаную дюну, вставшую на пути.

Если бы ночь не оказалась такой светлой, он, вынужденный двигаться чуть ли не ползком, был бы совершенно беспомощен перед грозной опасностью. Но, по счастью, молодая луна высоко плыла в ночном небе, освещая узкий каменный каньон, мрачный и неприветливый – единственное надежное убежище в этой пустыне. Только бы у него хватило сил добраться туда!

Иеро пересек горловину ущелья и, напрягая каждый мускул, потащил свое непослушное тело дальше, под спасительную кровлю каменных сводов. Лунный свет уже почти не попадал сюда, но он видел достаточно, чтобы идти вперед. Ноги священника заскользили на отполированных временем камнях, и тут, в самой глубине открывшейся перед ним лощины, он заметил неясное темное пятно. Удвоив усилия, Иеро устремился в ту сторону. За спиной не раздавалось ни звука, но столь внезапно наступившая тишина не успокаивала его. Он знал: преследователь совсем близко, и если в течении нескольких минут ему не удастся отыскать надежное убежище, он погибнет.

На какое-то мгновение нежное личико Лучар всплыло перед его глазами. Неужели именно здесь ему суждено умереть? Неужели он никогда не увидит ласковую улыбку своей любимой? Стиснув зубы, Иеро продолжал карабкаться вверх по сужавшемуся проходу, глаза его без устали обшаривали каменные стены в поисках любого препятствия, укрывшись за которым он сможет отстоять свою жизнь. Но ни одной подходящей трещины не оказалось на гладких стенах ущелья, смыкавшихся все ближе и ближе, так что спустя минуту, вытянув руки в стороны, он нащупал с обеих сторон холодный камень. В отчаянии священник запрокинул голову, и вдруг взгляду его открылось то самое место, которое он столь безуспешно искал.

Впереди узкий проход резко изгибался налево и вверх, минуя небольшой скалистый отрог, примыкающий к южной стороне ущелья и похожий на покосившуюся крепостную башенку. Но самое главное – пик этой естественной колонны был обломан, из-за чего на ее вершине образовалась небольшая площадка! Опытному скалолазу без труда удалось бы вскарабкаться на самый верх этого странного образования, и Иеро, почувствовав прилив надежды, приступил к штурму каменной цитадели.

По высоте этот каменный столб оказался едва ли впятеро больше его роста, так что вскоре, с невольным вздохом облегчения, он перевалил тело через его верхний край и бессильно распластался на макушке.

Но отдыхать ему не пришлось. Он ничего не знал о той твари, что шла за ним по пятам, и если она

умеет лазать, то он своими руками загнал себя в смертельную ловушку! Обеспокоенный этой мыслью, Иеро принялся лихорадочно озираться по сторонам и вскоре обнаружил несколько увесистых булыжников, зарытых в мелкий песок и каменную крошку. Закусив губы, беглец с невероятным трудом освободил пару камней покрупнее и лишь после этого позволил себе слегка расслабиться. Повернувшись ко входу в ущелье, он прижался к шершавой макушке скалы, стараясь использовать последние отпущенные ему минуты отдыха.

Через несколько минут священник уже расслышал какое-то шевеление. Сначала то был неясный шум, как будто что-то массивное пробиралось вверх по тропинке, которой он прошел недавно, стараясь двигаться тише и незаметней. Иеро скрипнул зубами от ярости. Похоже эта тварь собиралась застать его врасплох! Ну нет! Киллмен Республики Метс не даст затравить себя подобно загнанному оленю! Тем более, что после многих дней позорного плена ему опять представилась возможность действовать.

Звуки приблизились. Один раз до Иеро донеслось какое-то слабое шуршание, словно чья-то огромная лапа случайно задела нетвердо лежавший каменный обломок. Теперь он мог слышать дыхание – глубокие хриплые вдохи и выдохи могучего и наверняка опасного зверя. Устремив взгляд в темноту, священник принялся терпеливо ждать появления своего ночного преследователя.

Когда это произошло, ему не удалось подавить невольный ужас при виде жаждавшего его крови существа, извергнутого бесплодными песками.

В неясном лунном свете он с трудом различил извивающееся туловище странного голубоватого оттенка, как будто смертоносные огни отравленной радиацией пустыни навсегда заклеили этот ночной кошмар. Мощное, словно у ездового быка, тело твари было посажено на четыре толстые лапы; лапы заканчивались огромными, растроеными и слегка загнутыми внутрь роговыми наростами, похожими скорее на когти, чем на копыта. На длинной, отливавшей синевой шее болталась уродливая голова с торчащими из-под отвислых губ бивнями; на макушке вместо ушей поднимались два костяных шипа, острых, как наконечники копий. Но самым пугающим в этом монстре были его глаза. Подобные искрящимся стеклянным шарам, они были лишены зрачков и светились холодным мертвенным пламенем.

Застывший на вершине каменного утеса человек теперь понял, кто охотится на него.

Он несколько раз натыкался на упоминания об оленях Смерти в древних рукописях Д'Алви. Много веков назад эти чудовища буквально терроризировали и без того немногочисленные южные племена, целыми стаями вырываясь из голубых песков и уничтожая все живое на своем пути. Теперь уже двадцать поколений людей считало этих монстров легендой.

Но сейчас, разглядывая челюсти «оленя», приспособленные вовсе не к жеванию травы, Иеро был склонен считать, что в старых рукописях слишком рано поставлен крест на этих тварях. По своим размерам лишь немного уступая Клоцу, это создание даже на первый взгляд казалось хищником; его клыкастая пасть предназначалась для того, чтобы крушить кости и терзать трепещущую плоть.

Пока священник, затаив дыхание, осматривал это живое ископаемое, монстр, приподняв рогатую голову, тоже заметил добычу. Ночной воздух огласился еще одним невероятной силы воплем, от которого у зарывшегося в холодный песок человека заломило все кости. На секунду он опустил веки, чтобы справиться с подступившей слабостью. Как только последние отголоски этого кошмарного боевого клича замерли среди скал, Иеро снова открыл глаза – как раз вовремя, чтобы увидеть, как существо распахнуло пасть, демонстрируя торчащие в несколько рядов огромные зубы. Затем оно бросилось на каменный столб.

Несмотря на то, что священник подготовился к атаке, чудище едва не застигло его врасплох – мощные лапы с невероятной силой подбросили тяжелое тело почти до самой макушки каменного постамента. Один неприятный миг Иеро с расстояния вытянутой руки смотрел в глаза демона пустыни, чье мощное смрадное дыхание швырнуло пригоршню песка ему в лицо; потом рогатый череп исчез, и снизу послышался гулкий звук удара.

С замирающим сердцем священник выглянул из-за края скалы, надеясь увидеть корчившуюся в предсмертных судорогах тварь, но она нисколько не пострадала; монстр плотоядно взирал на него своими жуткими глазами и неспешно готовился к новому прыжку. Кажется, неудача первой попытки отнюдь не

привела тварь в замешательство. Иеро припомнил, что в старых свитках упоминалось о почти полной неуязвимости этих созданий, которые даже могли прошибать каменные стены, ограждавшие поселения – прошибать так, словно перед ними был не камень, а соломенная циновка. Если прыжки чудовища не причиняют ему вреда, решил священник, то, как ни крути, ему самому придется позаботиться об этой твари и переправить ее в мир иной. Непонятно лишь, есть ли хотя бы малейшая надежда на такую удачу.

Монстр снова приподнялся, но на этот раз его движения были неторопливыми; длинные передние конечности вытянулись вперед почти до предела, острые когти-копыта, коснувшись скалы, тут же вонзились в нее словно абордажные крючья, а похожие на стальную проволоку сухожилия напряглись и хрустнули. Немигающие глаза «оленья» уставились прямо в лицо священнику, и за шумом его дыхания Иеро не сразу разобрал, как где-то под ним крушат горную породу две огромные задние лапы. Потом он с удивлением отметил, что массивное туловище твари потихоньку ползет вверх – видимо, закрепившись на почти отвесной стене монолита, могучий зверь подтягивался на передних лапах. Теперь все стало понятно: через пару минут он снова вытянет свои лапищи и дотянется до сидевшей на каменном столбе добычи. На этом, как подсказала самая хладнокровная часть сознания Иеро, все его злоключения будут закончены.

Священник, завороченный светом этих призрачных глаз, наклонился над краем скалы, словно во сне наблюдая, как правая передняя лапа медленно, но неотвратно потянулась в его сторону. Вдруг, последним усилием воли сбросив сонное оцепенение, он вскочил на ноги и занес над головой зазубренный каменный обломок.

Приникшая к стене тварь разинула утыканную клыками пасть, со свистом втягивая воздух для последнего победного вопля. И в тот же миг Иеро обрушил свое оружие на ее уродливую морду, вложив в удар все оставшиеся силы. Скользнув по истекающим слюной губам зверя, тяжелый снаряд устремился вниз по его темной глотке с силой и неотвратимостью снежной лавины, и где-то глубоко внутри, словно гигантский мясницкий топор, воткнулся в живую плоть. Страшный, леденящий кровь вопль разнесся над равнодушными скалами. Потом на землю снова обрушилось массивное тело, только теперь гулкий звук падения сопровождался непрерывным скрежетом и хрипом, пока существо, захлебываясь собственной кровью, в бешенстве молотило лапами по валявшимся вокруг камням. Наконец наступила тишина, и Иеро внезапно ощутил, как слабый ночной бриз играет в его волосах.

Постанывая от боли, он согнулся над краем утеса и посмотрел вниз. Он чувствовал, что сейчас потеряет сознание, но подчинился необоримому инстинкту – взглянуть на это существо и убедиться, что оно больше не сможет причинить ему вреда.

Одного взгляда как раз и хватило – жизнь, без сомнения, покинула хищную тварь. Длинная голубоватая шея «оленья» была вывернута под неестественным углом, а из проломленного черепа мутным черным потоком изливалась кровь. По всей видимости, каменный обломок, проткнув небо, вошел в мозг, превратив его в кашу. Грозного демона пустыни победила обычная сила гравитации.

Человек наверху попытался выдавить слова молитвы, но лишь хрипло прошептал пару фраз и в беспамятстве повалился на холодный камень. Это был даже не сон, а ответная реакция организма на полное моральное и физическое истощение; забытие, похожее на транс, в который не раз впадал Иеро, занимаясь ясновидением: он чувствовал сейчас, что не спит, но, тем не менее, был неспособен к сознательным усилиям. И только спустя несколько минут он, наконец, забылся настоящим сном без сновидений.

* * *

Пробуждение было внезапным, как будто что-то вытолкнуло его из глубины сна на поверхность. Все тело священника горело, язык казался сухой щепкой во рту, а спекшиеся губы никак не удавалось разлепить.

Взглянув вверх, на неистово пылающее в небесах светило, он вдруг осознал, что провалялся здесь, должно быть, много часов – когда каменный обломок сразил оленя Смерти, едва минула середина ночи, а сейчас, судя по солнцу, уже полдень. Превозмогая слабость, Иеро принялся массировать затекшие мышцы, одновременно загрузив работой и голову, хотя для того, чтобы думать, требовались почти физические

усилия.

Вода! Вода и какое-нибудь укрытие от солнца! Без первого и без второго он недолго протянет в этой негостеприимной местности. И начинать поиски нужно немедленно, пока энергия еще теплится в мышцах.

Отвратительное зловоние вынудило его заглянуть вниз, где у подножия утеса валялся полуобглоданный скелет его ночного гостя; внутренности и еще оставшееся на костях мясо продолжали исчезать с удивительной быстротой. Присмотревшись, Иеро заметил целую орду каких-то проворных зверьков, суетившихся у огромного тела твари. Напрягая глаза, он смог различить их заостренные головки с блестящими глазками-бусинками и короткие тоненькие лапки. Зверюшки, как ему показалось, представляли собой какую-то дикую помесь крысы и ящерицы, совершенно чуждую, как и погибший монстр, нормальной жизни, но отлично приспособленную к существованию в этих бесплодных землях.

Оглядевшись, Иеро внезапно наткнулся взглядом на второй каменный обломок, который так и остался неиспользованным. По форме этот похожий на кусок сталактита камень напоминал лезвие, и священник решил прихватить его с собой – на тот случай, если существа внизу окажутся не просто стаей пожирателей падали. Правда, спускаться вниз ему пришлось бы все равно – ведь воды на этом голом утесе нет, да и от палящих солнечных лучей здесь тоже никак не укрыться.

Он заткнул свой каменный нож за пояс, еще поддерживавший его драные кожаные штаны, и принялся осторожно спускаться с утеса, то и дело бросая взгляд на копошащихся внизу зверьков.

Когда священник одолел путь наполовину, они, наконец, его заметили. Их подвижные тельца на коротеньких лапках моментально окаменели, и только остроконечные мордочки с красноватыми горящими глазами медленно поворачивались, наблюдая за приближением человека. Хоть по своим размерам зверьки были не больше домашних кошек, их набралось тут в достаточном количестве, чтобы стая представляла угрозу для изможденного и почти безоружного человека. Иеро остановился на мгновение, прикидывая, могут ли эти малюсенькие клыки и когти оказаться ядовитыми. Если да, то такая деталь еще точнее будет отвечать картине жизни в этом чертовом пекле! Впрочем, разницы для него никакой – так или иначе, он должен слезть с утеса. И священник, вздохнув, продолжил спуск, держа одну руку на каменном обломке.

Стоило ногам коснуться земли, как он почувствовал волну злобы, что пронеслась через его разум. Секундой позже стая зверьков исчезла; брызнувшей во все стороны зеленоватой вспышкой они растворились в окружающем ландшафте. Иеро, облегченно выдохнув, прислонился к каменной стене. По всей видимости, эти существа сочли его столь же инородным, сколь он сам считал их чужими; и они не отважились напасть, ибо не были уверены в собственных силах.

Задыхаясь от невыносимого зловония, которым тянуло от растерзанного «оленьего» трупа, он торопливо заковылял вдоль скалы. За поворотом воздух стал чище, но зато кончилась спасительная тень, и Иеро почувствовал себя так, словно его поджаривали на сковородке. Эта жара могла убить его с той же легкостью, что и клыки проголодавшегося хищника – так что, возможно, эти крысы-ящерицы еще успеют полакомиться его плотью. Он упрямо зашагал вперед, но через час выбился из сил, успев, однако, выползти из приютившего его на ночь ущелья. Теперь перед ним простиралось низкое плато с довольно крутым обрывом с северной стороны. Зато в южном направлении тянулась бесконечная цепь невысоких, обглоданных ветром каменных пиков, резкие тени между которыми выдавали присутствие многочисленных оврагов и расщелин, подобных той, из которой он только что выбрался. В ослепительно голубых небесах по-прежнему яростно пылало солнце, роняя свои обжигающие лучи на эту проклятую Богом землю.

Священник повернулся лицом на юго-запад, к череде древних, почти сравнявшихся с почвой холмов, пролегающей примерно в миле от него. Напрягая зрение, он заметил где-то далеко тоненькую темную полоску, выделявшуюся на фоне общего сероватого цвета пустыни. Неужели там великий южный лес? Иеро тяжело вздохнул. Не все ли равно... Через пару часов он будет совершенно беспомощен, если не сумеет отыскать воду и убежище.

Он принялся внимательно обозревать ближайшие окрестности и, через несколько минут, слабая надежда вновь затеплилась в его сердце. Справа от себя он заметил низкий каменистый гребень, над волнистым краем которого, при полном отсутствии ветра, едва заметно клубился туман. Значит – если

уставшие глаза не сыграли с ним злую шутку – там может быть влага!

По-прежнему хромающей походкой он затрусил в выбранном направлении. Надеяться, пожалуй, не на что, размышлял Иеро на ходу; вполне вероятно, там какая-то грязная лужа, но нет никаких гарантий, что в ней настоящая вода, и что он не отравится, сделав пару глотков. Там вполне мог оказаться сернистый гейзер, кипящий соляной раствор или озерцо расплавленного металла, ядовитые испарения которого в миг отправят его на тот свет. О существовании подобных вещей он узнал не из древних хроник Д'Алви, а еще в бытность свою учеником в школе Аббатств.

Вскоре он добрался до самого гребня, над которым наблюдалось это, столь непривычное для пустыни, атмосферное явление. Склоны холмов были пологими и вполне годились для быстрой ходьбы, но, тем не менее, Иеро продолжал идти с чрезвычайной осторожностью. Он чувствовал себя настолько слабым, что удивлялся, каким образом его кости еще не рассыпались в прах и до сих пор ухитряются выдерживать вес непослушного тела. Лишь невероятное усилие воли не позволяло ему свалиться в темную пропасть подступающего безумия.

Медленно он взгромоздился на макушку гребня и замер, осматриваясь. Холодок радостного возбуждения пробежал по его обожженной солнцем спине, но он не двинулся с места, продолжая наблюдать.

Внизу оказалась небольшая яма или кратер, чьи стены когда-то очень давно были крутыми и гладкими, но за долгое время глубокие разломы и трещины избороздили ее отвесные склоны, а верхние зубцы просели и осыпались, оставив после себя груды камней. Дно этой впадины, присыпанное вездесущим песком, кое-где было довольно ровным; в иных местах, наоборот, топорщилось вставшими на дыбы кусками горной породы. На склонах, то здесь, то там, виднелись расположенные в беспорядке темные отверстия – входы в пещеры и неглубокие скальные ниши; под ними – обточенные ветром скальные карнизы. Но, самое главное, здесь была жизнь!

В самом низу, на ровном участке почвы, торчали плотные заросли каких-то кустов. Иеро не встречал ничего подобного раньше и лишь примерно смог разделить представителей здешней флоры на несколько видов. Одни показались ему похожими на неимоверно раздувшиеся пивные бочонки красновато-коричневого цвета с длинными узкими листьями, которые, начинаясь на самой верхушке, свисали потом до земли и безжизненно волочились по ней; другие напоминали огромные морские звезды, взгромоздившихся на мясистые толстые стебли. Куст таких растений можно было сравнить разве что с обезумевшей стаей ободранных зонтиков, зачем-то зарывшихся ручками в землю. Кроме того, во многих местах из земли торчали пучки изжелта-зеленой высокой травы с заостренными кончиками. Однако, за исключением растений, дно ямы показалось ему совершенно безжизненным. К тому же нигде пока не наблюдалось признаков какого-либо водоема.

Но вода здесь была; его тренированное тело легко улавливало ее живительное присутствие и тянулось туда, вниз. Неважно, что он не может увидеть воду; все равно он знает, что она тут, рядом – свежая, прозрачная, спасительная вода!

Иеро еще раз внимательно обозрел дно впадины. Несмотря на нестерпимую жажду, выучка школьных времен крепко засела в нем – ведь если внизу есть вода и эти странные растения, значит, в кратере наверняка существует и другая жизнь, а это – всегда опасность. Как раз рядом с такими оазисами гнездятся хищные твари, высматривающие добычу... Священник снова и снова оглядывал впадину, стараясь угадать, что может таиться в темнеющих в ее стенах пещерах и глубоких расселинах. Но все оставалось таким же до странности неподвижным и застывшим, как в первый момент.

Наконец он не выдержал и осторожно, шаг за шагом, принялся спускаться вниз, стараясь держаться поближе к высокой глиняной насыпи, начинающейся у верхнего края ямы и сбегавшей до самого дна, ни на мгновение не выпуская из вида странные растения. Почти преодолев уклон, священник вновь остановился, и стал внимательно оглядываться в поисках того, что он мог пропустить при предыдущем осмотре. Ведь даже в таком неудобном месте, кроме этих непонятных бочонков и зонтиков, должны обитать и какие-то другие живые существа – насекомые, например... Хотя – стоп! Да, что-то такое тут уже есть!

Прямо перед ним поднимался невысокий земляной холмик с сотнями крохотных ходов и выходов,

проделанных в его склонах; вокруг него во всевозможных направлениях сновали маленькие букашки. Впервые за много часов Иеро позволил себе улыбнуться. Этот непонятно каким образом оказавшийся здесь муравейник, был первой и единственной пока ниточкой, связывавшей его с родным миром. Завороженный, священник, открыв рот, наблюдал, как цепочка маленьких, но отчаянно смелых козявок марширует по песку куда-то прочь от своего дома. Машинально он отметил, что все муравьиные тропы проложены как можно дальше от всякой растительности.

Объяснялось это весьма просто. Стоило лишь колонне муравьев миновать какой-то невидимый барьер, отделяющий ее от ближайшего бочкообразного растения, как один из листьев метнулся вперед словно атакующая гадюка. Конец муравьиного построения как языком слизнуло, а лист, свернувшись в трубку, склонился к появившемуся на вершине бочонка отверстию. Пасть растительного хищника смачно сглотнула и, уже очищенный, длинный красно-коричневый хлыст вновь бессильно опустился на песок.

Иеро озадаченно уставился на растение-бочонок. По высоте оно не доходило ему колена, но дальше в яме росли настоящие великаны, чьи хлыстообразные листья возвышались над его головой, а стволы походили скорее на здоровенные бочки. Он снова устремил взгляд на спешивших куда-то муравьев, которые даже не заметили, что добрая четверть их марширующей колонны исчезла. После нескольких минут наблюдений священник убедился в том, что муравьи действительно стараются избегать любой растительности, вне зависимости от ее вида и размера. Несомненно, у них имелись на то серьезные причины.

Он поставил одну ногу на дно ямы, потом другую, и, поворачивая голову, обозрел окрестности с этого уровня. Здесь, внизу, жара уже не так сильно донимала его измученное тело, а воздух казался даже немного влажным. Но где же, черт возьми, вода?

Это маленькое богохульство позволило ему перебороть подступающую слабость и собраться для решительных действий. Опустившись на колени и очистив свой разум от всяких мыслей, он позволил интуиции указать дорогу к цели. Очнувшись после минутного транса, Иеро увидел, что его руки вытянуты на северо-восток. Он поднялся и захромал вперед, придерживаясь только что выбранного направления и тщательно огибая кустарник, встречавшийся на пути.

Он был уже настолько изможден и измучен, что его телом управляло скорее подсознание, чем разум; впрочем, он мог доверять своим инстинктам, уведившим его из опасной зоны, когда бочкообразный куст начинал зловеще изгибаться при его приближении или остроконечная трава с тихим шипением хищно устремляла стебли в его сторону. Таким образом, словно хранимый каким-то волшебством, Иеро шел от одной ловушки к другой, сворачивая чуть ли не на самом краю и, в то же время, твердо выдерживая намеченный маршрут.

Очень скоро он очутился в тени одного из утесов, подобно гнилому зубу торчавшего у края ямы. Возможно, для кого-то другого жара здесь показалась бы просто невыносимой; ему же, ушедшему из-под палящего ливня солнечных лучей, это напомнило переход из раскаленной духовки прямо под своды ледяного дворца; по всей видимости, именно это и привело его в чувство. Однако вряд ли Иеро почувствовал себя лучше – теперь он дрожал от холода и, к тому же, огромный утес над ним загораживал солнечный свет, так что разглядеть что-либо у его подошвы не представлялось возможным. Священник, выставив вперед руки, попытался проникнуть взглядом сквозь застилающую видимость темную дымку и вдруг понял, что стоит на краю обширной лужи с прозрачной чистой водой.

Она простиралась в обе стороны насколько хватал глаз, а дальний ее конец скрывался где-то в тенях. Камень под ногой Иеро отдавал приятным холодком, и он, отбросив предосторожности, с хриплым возгласом повалился в лужу.

Только железное самообладание спасло его от гибели – он позволил пересохшим губам сделать лишь один осторожный глоток и перевернулся на спину, чтобы влага постепенно пропитала воспаленную кожу. Многие, оказавшись на его месте и поглотив огромное количество воды, скоро отправились бы на тот свет – от внутреннего переохлаждения или от разрыва желудка – но Иеро опять выручил выработанный годами рефлекс на опасность. Что-то подсказывало ему, что сейчас он как никогда близок к смерти. Стиснув зубы, священник справился с желанием опустошить одним глотком все озеро.

Он пролежал в луже несколько часов, выпивая скупые, строго отмеренные порции влаги через

определенные промежутки времени. Вода была немного кисловата на вкус, зато абсолютно без вредных примесей. Если бы с ней что-то оказалось не так, его чувства, натренированные в распознавании различных ядов, не замедлили бы сообщить об этом. Но нет!.. Это была всего лишь обыкновенная вода, разве что с небольшой примесью соли. И Иеро, зажмурившись, блаженствовал в ней, с удовольствием ощущая, как она пропитывает его высохшие мышцы.

Постепенно разум возвращался к нему, и, в то же время, в нем просыпалась новая потребность, которую тоже следовало утолить; теперь он чувствовал, что просто умирает от голода и готов съесть все, что только попадется под руку.

Он бросил внимательный взгляд на нависающую над ним скалу, затем посмотрел вниз, на гранитное изголовье озера. Очевидно, эта каменная чаша выполняла роль своеобразного резервуара, где скапливались столь редкие в пустыне дождевые воды. Да, просто здорово, что он-таки добрал до нее! Или был завлечен сюда хитростью? Некоторое время Иеро обдумывал эту мысль, неожиданно пришедшую ему, затем покачал головой. С потерей ментальных талантов он стал больше рассчитывать на интуицию, а она пока что не подавала тревожных сигналов.

Наконец он впитал в себя столько жидкости, сколько мог удержать; покрывшаяся мурашками кожа и постепенно усиливающееся онемение конечностей вовремя подсказали ему, что пора выбираться из холодной ванны. Священник послушно вылез из лужи и уселся у ее края, прислонившись спиной к массивному валуну. Небо вдали потемнело, и он удивленно отметил про себя, что, по всей видимости, провалялся здесь почти весь день. Несмотря на стремительно выраставшие тени, солнце все еще дарило тепло, так что он вскоре согрелся и перестал дрожать.

Теперь, уже порядком восстановив силы, Иеро принялся наблюдать, как готовится ко сну населяющая кратер растительность, и на этот раз отметил гораздо больше интересных деталей. Воздух был совершенно неподвижным, однако казалось, что свежий ветерок легонько колышет стволы и листья засыпающих растений. Красноватые бочонки, скатав свои длинные листья-хлысты в спираль, бережно пристроили их у себя на макушке и моментально стали похожими на дородных матрон в накрученных на бигуди локонах. Столь агрессивная днем высокая трава почти полностью втянулась в землю, оставив на поверхности только острые кончики, а «морские звезды» каким-то образом сложились внутрь своих мясистых стеблей; наверху у них теперь качались лишь небольшие забавные хохолки. Весь вид этого странного мирка в кратере словно по волшебству переменялся, став еще более загадочным и непонятным.

Уже давно на притихшую впадину легким облачком упала темнота, но Иеро, устроившись за облюбованным им камнем, по-прежнему всматривался и вслушивался, сжимая в руке острый обломок сталактита, найденный на вершине скалы-башенки. И вскоре в ночной тишине раздались осторожные, едва различимые звуки – те самые, которые он так надеялся услышать.

Кто-то тихонько попискивал и скребся неподалеку от его каменного убежища. Привыкшие к темноте глаза священника различали какие-то маленькие тени, быстро шныряющие туда-сюда по остывшему песку. И вот, совсем рядом с ним, появилось небольшое, похожее на комнатную собачку существо. Оно вперевалку потрусило к одному из мясистых стеблей, внутрь которого спряталась «морская звезда» и, подрагивая хвостом, принялось сочно похрустывать мякотью. Иеро отметил, что в дневное время ничего подобного не случалось. Значит, ночью падающие в спячку растения-хищники становятся совершенно беззащитными. И теперь он мог убедиться своими глазами, что многие безнаказанно пользуются этим.

Самозабвенно набивающая желудок зверюшка, казалось, забыла обо всякой осторожности, и священник, долго ожидавший подходящего момента, ударил как молния. Маленький череп, хрустнув, раскололся, и еще подергивающееся тельце упало к его ногам.

Подобрав свою добычу, Иеро внимательно осмотрел ее. Мертвый зверек казался вполне нормальным на вид, его зубы напоминали резцы грызуна, а цепкий хвост, свернутый кольцом, смешно укладывался прямо на спину. Ушные отверстия были совсем скрыты в толще меха, а небольшие круглые глаза глубоко посажены на заостренной мордочке.

Разумеется, как сразу определил священник, убитое им животное было млекопитающим; его теплая кровь, что струилась из раны, на вкус была почти такой же, как у него самого. Иными словами, ужин находился у него в руках, и теперь оставалось лишь его съесть.

Многие знатоки придворного этикета сейчас ужаснулись, увидев, что вытворяет их принц, но Иеро, прослуживший немало лет среди Стражей Границы, в таких условиях, которые позволяли выжить лишь самым крепким и приспособленным, умел вовремя отказаться от цивилизованных привычек. Когда ему очень хотелось есть, он ел – ел то, что попадалось в данный момент под руку. Если у него не было огня, чтобы приготовить мясо, он ел его сырым.

Одним рывком содрав со спинки животного шкуру, священник вонзил крепкие зубы в мясистый загривок. Прожевать такое жесткое мясо было довольно непростой задачей, но это его не тревожило. Главное, есть чем набить желудок – и, по всей видимости, он сделает это еще не раз. Проглотив несколько кусков, Иеро пробормотал благодарственную молитву, а затем снова начал работать челюстями. Куски жилистого и не слишком вкусного мяса тем не менее скользили по пищеводу с удивительной легкостью. Если бы оно оказалось непригодным для еды, то неприятная тяжесть в животе уже давно известила бы об этом, и тогда пришлось бы как можно скорее отправить его обратно. Однако желудок не возражал, и вскоре к Иеро стали возвращаться утраченные силы. Завернув остатки своей трапезы в ободранную шкурку, он поднялся и стал придирчиво осматривать близлежащие склоны в поисках подходящего ночлега. Он наелся и утолил жажду, и теперь у него было лишь одно желание – забиться в безопасную щель и поспать.

Его глаза обежали залитую лунным светом чашу кратера, где одиноко темнели силуэты дремлющих растений, и остановились на правом склоне, в более светлых каменных стенах которого зияло несколько отверстий. По песчаному дну все еще изредка сновали маленькие юркие тени – видимо, гибель одного из ночных пожирателей овощей осталась незамеченной. Несомненно, в темноте скрывались и другие охотники за теплым мясом, так что ему придется вести себя с предельной осторожностью. Закинув за плечо окровавленную шкурку и поудобнее пристроив каменный обломок, Иеро бесшумно зашагал к чернеющим впереди отверстиям. Через несколько десятков ярдов лужа по правую руку от него закончилась, и одновременно истончился, слившись с верхним краем кратера, карниз огромного утеса, закрывавший это небольшое водохранилище от солнечных лучей. Священник глубоко втянул свежий ночной воздух, прислушиваясь к наполняющим его шорохам. Очевидно, обитатели этого тихого оазиса еще не почувствовали, что их компания пополнилась новым членом, причем гораздо более опасным, чем все остальные вместе взятые.

А этот последний ощущал себя несколько утомленным, хотя вот уже несколько часов его не покидало чувство душевного умиротворения. Впервые за много дней на него никто не охотился, и он, наконец, перестал быть пленником или дичью для идущих за ним врагов, с которыми он сейчас не мог бороться на равных. Он сам победил пустынного демона, сам нашел воду и пищу и, уже совсем скоро, найдет себе подходящее укрытие. Он выжил; Господь не отвернулся от своего слуги, за что он бесконечно благодарен Ему. Однако, глубоко в душе, Иеро испытывал и законное чувство гордости. Наставники Аббатств не могли, подобно Богу, сотворить из глины живое существо, зато умели найти нужного человека и научить его справляться с любой ситуацией. А этого как раз и желают Бог и Церковь – научить людей бороться до конца и не поворачивать на полпути. Очень простое пожелание – и, как большинство таких пожеланий, весьма трудновыполнимое.

Иеро остановился перед первым углублением и осторожно заглянул внутрь. Слишком мелкое, даже не пещера, а, скорее, каменная ниша. Второе и третье оказались всего лишь узкими разломами в скальной поверхности, а вот четвертое уже почти удовлетворяло его требованиям. Достаточно широкий ход вел в закругленной формы пещерку, где он мог без особых неудобств вытянуться во весь рост; в то же время входное отверстие было настолько небольшим, что не составляло труда забаррикадировать его в случае необходимости. Дальний угол пещеры был завален грудой мусора, сухими ветками, булыжниками и костями. По всей видимости, раньше здесь обитал какой-то хищник, но, судя по запаху, бывший хозяин давно оставил свою нору. Иеро старательно заложил вход валявшимися на полу ветвями, так что осталась только маленькая дыра для поступления свежего воздуха. Выбрав из мусорной кучи веточки помягче и обрывки шкур, он соорудил себе изголовье, выкопал в песке удобные углубления для туловища и ног и, наконец, предался столь долгожданному отдыху. Чувства его оставались настороже, и священник полагал, что проснется вовремя, если какой-нибудь слишком ретивый зверь вдруг захочет свести с ним знакомство.

Впервые за многие дни его тело расслабилось, мышцы и сухожилия больше не болели от

непосильной нагрузки, но сон почему-то не шел к нему. Впрочем, он даже не пытался приблизить этот момент – любой отдых, даже с открытыми глазами, был благом для измученного тела. Хотя мышцы его оставались истощенными и усталыми, но мозг и нервная система сумели восстановиться быстрее. В таком случае, решил Иеро, он может отважиться на несколько небольших экспериментов, ибо в его положении нельзя пренебрегать даже малейшим, самым крохотным своим преимуществом. И если сейчас у него есть время, чтобы восстановить хоть какой-то из утраченных талантов, этим, несомненно, стоит заняться.

Сначала он попытался высвободить свое сознание и отправить его в пространство за пределами приютившей его на ночь тесной пещерки. Стараясь вновь собрать воедино крупницы былой мощи, священник снова и снова пробовал установить ментальный контакт с крохотными аурами населяющих дно кратера зверюшек, прочесть их несложные мысли, нащупать в крошечной мгле едва различимые искорки их индивидуальностей, отличающие живое от неживого.

Возможно, в конце концов ему удастся восстановить все или хотя бы часть своих прежних способностей. Интересно, вернется ли к нему боевое ментальное искусство, нажитое таким тяжким трудом? Не выдадут ли эти бесконтрольные попытки его настоящего местоположения? И что произойдет, если Нечистый снова обнаружит его? Сумеет ли он себя защитить?

К сожалению, ответов на подобные вопросы у него не было. Впрочем, как и выбора; несмотря ни на что, он должен вновь овладеть своим утраченным искусством.

Но через некоторое время ему все же пришлось остановиться, признав тщетность своих попыток. Он мог видеть и слышать, ощущать вкус пищи и запахи, но врожденная способность к телепатии, развитая годами тяжелого обучения, похоже, ушла навсегда. Так же, как и те навыки, которые он приобрел самостоятельно, то мастерство, которое позволило ему победить не одного адепта Темного Братства, не одного могучего врага.

Стон вырвался из груди Иеро. Какая несправедливость! Нечестно отобрать у человека его самое мощное оружие, загнать его в ловушку и оставить без сил, так что он не может даже защищаться! Будь ты проклят, Нечистый, вместе со всей своей дьявольской наукой!

Но вдруг, словно очнувшись, он прекратил оплакивать свою несчастную судьбу. И что это на него нашло? Да, пусть он потерял свои ментальные способности, но все остальное у него осталось! Разве аббат Демеро не предупреждал, что великий грех считать себя объектом особой Божьей милости? Иеро вспомнилось строгое лицо его сурового наставника, и мимолетная улыбка тронула его опаленные солнцем губы. «Да, учитель, – благодарно подумал он, – я снова человек!»

Пусть способности, заработанные такой дорогой ценой, исчезли, но разве можно сбрасывать со счетов его необычайное, просто фантастическое везение! Одурманенный, связанный и совершенно беспомощный он, тем не менее, умудрился вырваться из лап врага. Его мозг, пусть больше не обладающий телепатическим даром, чист и ясен; ничто и никто не мешает ему строить планы на завтрашний день. И самое главное – ничто и никто не мешает ему отомстить!

Его пылающие гневом глаза превратились в узенькие щелки. Кое-кто еще заплатит ему сполна! Заплатит дорогой ценой!

Незаметно Иеро уснул, и навеянные последними страшными днями сновидения милосердно не тревожили его.

Маленький оазис в пустыне, приютивший странника, жил своей ночной жизнью; дурманяще благоухали растения, а под ними разыгрывались столь обычные для этого мирка старые драмы с участием все тех же актеров, охотников и их жертв. На какой-то миг что-то очень большое и темное закрыло звезды далеко на севере, но царица-ночь спрятала крохотную пещерку под своим фиолетовым плащом, и пролетевшему мимо кошмару так и не удалось вторгнуться в сон измученного беглеца.

ГЛАВА 3. ЗОВ И ПОГОНЯ

Отразившись от гладкой каменной стены, тонкий солнечный лучик проник в полутемную пещеру и упал на заросшее щетиной лицо спящего в ней человека. Тот пробудился с легким вздохом и, зевнув, выглянул из своего убежища сквозь дырочку в закрывавшей входной лаз куче хвороста.

Перед его глазами открылась примерно та же картина, что и днем раньше – странные травы и кустарник уже развернулись и с наслаждением подставляли листья теплему утреннему ветерку. Некоторые из них выглядели чуть помятыми и обкусанными, но ни одно не казалось умирающим. Однако сейчас Иеро гораздо больше заботили собственные нужды. Он быстро обследовал остатки вчерашнего ужина и, без особого удовольствия, принялся жевать холодное и жесткое сырое мясо. Кулинарные достоинства этой пищи его не волновали; надо было задать работу урчавшему от голода желудку.

Закончив есть и бережно сложив последние кусочки мяса в шкуру, путник отправился на свидание с водяной лужей, где смог вдоволь напиться и смыть с тела приставший за ночь песок. Здесь же, присев на корточки, он внимательно осмотрел остатки своей вчерашней трапезы – прожорливые муравьи за ночь отскоблили брошенные у лужи куски шкуры и кости дочиста. Выбрав из этой кучки все полезное, Иеро занялся исследованием валявшихся поблизости камней и вскоре подобрал несколько отличных обломков кремня. Примерно через час он был готов покинуть приютивший его оазис, но только уже получше экипированным, чем в тот момент, когда полубесчувственные ноги привели его к затаянному туманом кратеру.

На голове его теперь красовалась широкая круглая шляпа, сделанная из обглоданных муравьями ребер, переплетенных листьями, а с плеча свешивались кожаный бурдюк и сумка: бурдюк – с водой из лужи, сумка – с остатками мяса, костяными иголками и тяжелыми кремневыми лезвиями. Он даже умудрился кое-как побриться наиболее острым каменным осколком. Но, самое главное, в заветной суме хранился увесистый кусок какого-то минерала, который, ударяясь о кремень, высекал обильные искры. Значит, если удастся отыскать подходящее топливо, у него будет огонь.

Остановившись на обращенном к западу крае кратерного гребня, Иеро обернулся и посмотрел вниз. Вдруг он почувствовал странную признательность к этому небольшому клочку земли. Когда он страждущим пришел сюда, оазис дал ему пищу, воду и предоставил надежное убежище. Священник склонил голову в благодарственной молитве и, повернувшись, перешагнул через верхушку гребня. Сбежав по пологому откосу вниз, он волчьим скоком устремился прочь от гостеприимной ямы. В правой руке он сжимал свой каменный меч, толстый конец которого был теперь превращен в удобную рукоять. К сожалению, несмотря на устрашающий вид этого оружия, им можно было наносить только колющие удары.

Пройдя несколько шагов, Иеро обнаружил, что снова попался в духовку. Яркие лучи солнца, отражаясь от камней и искрящегося песка, слепили его привыкшие к тени глаза. Тем не менее, вид протянувшейся к западу пустыни обнадеживал одиноко бредущего путника. То там, то здесь из многочисленных трещин торчали какие-то древесные побеги, в основном, высохшие и бесплодные, но кое-где попадалась и зелень. Стали появляться разнообразные кактусы, под колючей оболочкой которых можно было обнаружить сочную мякоть, содержащую влагу. Так что пустынная местность впереди определенно оживала. Иеро продолжал строго держать выбранное направление, пытаясь одновременно как можно подробнее припомнить не раз виденные им карты этого района.

Положение звезд, которые он наблюдал вчера ночью, лишь немного отличалось от виденного им в Д'Алви, так что, вполне возможно, он находился сейчас на той же широте. Однако ему пришлось проделать большой путь с похитителями, ведь Джозато говорил, что его хотят увезти как можно дальше от границ королевства. А потом – вновь напичкать наркотиками и перерезать глотку! Они понимают, что о его физическом уничтожении мгновенно станет известно близким людям – например, Лучар. А если он просто исчезнет, то они будут удивлены, напуганы, но сохранят надежду и, возможно, не предпримут каких-нибудь решительных действий... Ну, ладно, хватит об этом! Итак, все тот же вопрос – где он теперь?

Запад! Его везли почти строго на запад, подальше от границ королевства. Он снова представил себе карту местности: судя по звездам, если похитители и отклонились на юг, то очень незначительно. Поэтому,

повернув сейчас на север, он должен вскоре выйти на равнину. Там ему могут встретиться люди, возможно – дружелюбные, возможно – нет. А это значит, что на север путь для него закрыт; слишком велика вероятность, что в конце его ждет новая засада.

Ему оставалось только признать, что Амибал, Джозато и колдуны Нечистого, их возможные советчики, разработали отличный план. И, так как люди они предусмотрительные, трудно сказать, что будет предпринято, когда от его тюремщиков, этих бледнокожих гномов, не придет ни одного послания. Вполне вероятно, у них возникнут сомнения насчет его гибели. Ведь трубившие в рога так и не нашли его труп! И прямо сейчас, быть может, по цепи вражеских гонцов летят новые сообщения, новые приказы взять его след... Если, конечно, это уже не сделано.

Но где же они начнут его искать? Ну, естественно, на севере – оттуда он впервые появился, туда он, в случае чего, и отправится за помощью. И они решат, что ему никогда не придет в голову повернуть на юг, прямо в лапы Нечистого и его приспешников. Так что, судя по всему, другого выгодного маршрута у него не остается.

Что ж, он, конечно, пойдет на север, но не сразу и не той дорогой, на которой будут его ждать. Ему надо отклониться далеко к западу, в те области, что еще не отмечены на картах, и уже потом, оторвавшись от преследователей, повернуть на север и встретить врагов там, где они меньше всего его ожидают.

Придется пока расстаться с надеждой поскорее увидеть Лучар, хотя ему становилось больно от одной только мысли об этом. Несмотря на потерю своей ментальной силы, он был уверен в главном: она жива. Теперь они связаны настолько прочно, что если бы с ней что-то случилось, он бы наверняка почувствовал это. Нет, она определенно жива, и пока ей ничто не угрожает! Рядом с ней верный Митраш, а в случае чего придут на помощь эливерены. У нее остался Клоц, который, раз хозяина нет рядом, будет ее слушаться. И, в конце концов, у нее есть венценосный отец, а ему Иеро успел рассказать достаточно, чтобы тот держался настороже. При любом раскладе молодому герцогу и продажному жрецу предстоит еще немало потрудиться, чтобы уничтожить королевский дом Д'Алви.

Но беда придет на побережье, если она уже не там. Как принц и престолонаследник, Иеро пытался поднять свое новое королевство против Нечистого, и теперь все его начинания пошли прахом. Однако не стоит забывать, что он еще и эмиссар далекой северной Республики в этих странных государствах полуденного юга. Поэтому его первейшая обязанность – борьба с врагом; он не должен складывать оружия ни на секунду. И если его утраченные ментальные силы не возвратятся... Что ж, придется обойтись без них и отыскать что-то другое. Пока кровь еще течет в его жилах, он должен идти вперед, жертвуя всем для выполнения той миссии, которую возложили на него отцы Церкви и брат Альдо.

Час за часом полунагой бронзовокожий человек неспешной рысью преодолевал милю за милей, опалемый беспощадным огнем, льющимся с небес. Острые глаза священника не упускали ни одной, даже самой незначительной детали окружающего ландшафта. Появились маленькие серо-коричневые птички, тарасившиеся на него с высоких каменных глыб, а различных кактусов и растущих в пустыне кустов стало встречаться еще больше. Медленно, почти незаметно синеватый оттенок почвы сменялся обычным, серовато-желтым. Семейство каких-то зверюшек озадаченно уставилось на него из вырытых в пологом склоне холма нор, но, казалось, его присутствие не особенно встревожило крохотных грызунов. Оглянувшись, он увидел, что зверьки, позабыв о странном существе, возвратились к прерванным занятиям. Это наблюдение его обрадовало; теперь он знал: раз человека не боятся, значит, люди здесь встречаются очень редко.

Единственное, что ему сейчас необходимо, это остаться незамеченным, и каждая пройденная миля уводит его все дальше и дальше – туда, где он сумеет затеряться в бескрайних степях, в безбрежных джунглях, и, наконец, пропасть из поля зрения врагов. Поиски союзников можно отложить на будущее; в данный момент главное – спрятаться, исчезнуть, раствориться в воздухе, не оставив никаких следов.

Когда день начал клониться к закату, Иеро принялся подыскивать себе убежище на ночь. Пища больше не являлась проблемой – в его кожаном мешке, кроме вчерашнего мяса, лежали теперь несколько плодов кактуса с тщательно отскобленной колючей кожурой. Эти кактусы встречались даже на севере, в лесах Канды, и Иеро хорошо знал, что растущие на них колючие шарики на самом деле весьма питательны и вдобавок недурны на вкус. Вскоре после полудня ему повезло наткнуться на гнездовые птицы или

ящерицы, где он с удовольствием полакомился крупными, похожими на куриные, яйцами. Да и вообще метсианские Стражи Границы могли выжить почти что в любой местности, и сейчас, когда перед ним простиралась земля, намного плодороднее только что пройденной пустыни, Иеро уже не боялся умереть от голода и жажды. Но раз тут есть жизнь, значит, есть и хищники. Стало быть, с приходом ночи нужно подыскать убежище, чтобы случайно не попасть кому-нибудь на ужин.

Часом позже он мог считать себя полностью обеспеченным и в этом смысле. Ему удалось обнаружить невысокий каменный холмик, одна из сторон которого уходила вверх под прямым углом, и на этой отвесной стене имелся небольшой выступ. Совсем маленький – но не настолько, чтобы человек не сумел улечься на нем, спрятавшись под нависавшим сверху карнизом. Забившись в эту узкую щель, Иеро тут же обнаружил, что выступ изогнут наподобие чайной ложки, и что углубление наполнено старым пеплом и полусгоревшими сучьями. Скрючившись под низкой каменной крышей, он разжег свой маленький костер, подкармливая пламя наскоро собранными сухими ветвями. По крайней мере, в таком убежище он мог позволить себе запалить огонь; только с юга, и то с довольно близкого расстояния, можно было разглядеть чуть заметное мерцание костра.

Если бы не пушистые усы, его сейчас можно было бы принять за какого-нибудь индейского охотника, устроившегося на ночлег, как и много тысяч лет назад, на каменном столбе где-то посреди необъятной прерии. Священник проглотил свой скудный ужин, состоявший из обжаренного на костре мяса и плодов кактуса, но так и не притронулся к фляге. Пока он не особенно нуждался в воде, и ее стоило поберечь. Эта довольно неприятная на вкус жидкость все равно оставалась водой, величайшей ценностью в засушливых степях. Перед ним лежали стебли кактуса. Брошенные в костер, они могли послужить надежной защитой от любого хищника, который в поисках добычи рискнул бы забраться под манящую каменную крышу.

Повернувшись, чтобы набрать еще веток, священник внезапно заметил кое-что еще, пропущенное им при первоначальном кратком осмотре. В слабых отсветах костра на потолке и стенах ниши виднелись какие-то странные рисунки, настолько блеклые и выцветшие, что, даже присмотревшись, он ничего не сумел разобрать. Еле заметные черточки на камне смутно напоминали ему фигурки людей и животных, но каких животных и каких людей? Столь неожиданно обнаружив, что не ему первому пришло в голову использовать это место для ночлега, Иеро почему-то приободрился.

Он оглядел раскинувшуюся перед ним равнину, залитую ярким лунным светом; где-то вдали ее поверхность скрадывала повисшая над землей туманная дымка. В небе безмятежно сияли звезды, а застывший под ними черно-серебристый пейзаж, полный резко очерченных контуров, казался священнику искаженным зеркальным отражением того красочного мира, по которому он путешествовал днем.

Неподалеку завыл волк, и его зов был мгновенно подхвачен еще целой дюжиной глоток. Иеро с минуту напряженно вслушивался в этот ночной концерт, пока не стало ясно, что серые охотники идут не по его следам. Взлаивания здешних волков совсем не походили на жуткий вой их северных собратьев, но стая была многочисленной и опасной. Наконец Иеро облегченно улыбнулся – волки явно гнали какого-то зверя, причем далеко в сторону от его убежища. Когда звуки погони окончательно стихли, он притушил костер, оставив лишь тлеющие угли, и устало откинулся на подстилку из веток. Он знал, что проснется вовремя, чтобы поддержать угасающий огонь.

Тихо лежа в темноте, священник некоторое время пытался предугадать, что ждет его в будущем, прекрасно сознавая всю тщетность и нелепость этих попыток – его Сорок Символов и магический кристалл остались в Д'Алви. Впрочем, если бы они и были с ним, чего бы он добился с их помощью, потеряв свой дар? Нет, теперь гадательные фигурки для него лишь груда бесполезного хлама... Нужно свыкнуться с мыслью, что завтрашний день, как для большинства живущих на земле людей, полон неопределенности... Он должен с благодарностью принимать те испытания, которые посылает Господь...

Наконец он задремал в пол-глаза, оставаясь по-прежнему настороже. Сначала никакие сновидения не тревожили его сон, но вот пальцы священника судорожно сжались, а на скулах заиграли желваки. Однако это не разбудило его – грудь Иеро продолжала мерно вздыматься, а глаза оставались закрытыми. Казалось, все замерло на искрящейся в лунном свете равнине, и ни один угрожающий крик не разорвал прозрачный ночной воздух.

И все же где-то глубоко в подсознании мирно спящего человека замерцал сигнал тревоги. Возможно,

его ментальные способности были подавлены лишь частично, и теперь нервные окончания встревоженно подрагивали, бились, пытаясь о чем-то предупредить оглохший и ослепший разум.

Иеро видел сон. В этом сне он летел над удивительным и странным местом, какой-то холмистой долиной. Там было множество холмов – пурпурных, курящихся туманом, что вставал из зеленых ложбин, зажатых между пологими склонами; их округлые, причудливой формы вершины поросли густым лесом. Странные курганы; ничего общего с привычными каменистыми холмами родного севера... Священник вздохнул во сне и пошевелил затекшей рукой. Непонятное сновидение потихоньку ускользало из дремлющего сознания, но почему-то он был теперь твердо уверен, что еще увидит эти пурпурные холмы. Они казались очень красивыми.

Поднявшись задолго до солнечного восхода, Иеро отправился добывать себе пропитание. Ночной холодок все еще давал о себе знать, но священник быстро согрелся, разыскивая свежие следы. Наконец, на небольшой полянке, затененной кронами невысоких деревьев, он обнаружил – еще один добрый знак! – отчетливые отпечатки маленьких копыт. Следы оказались совсем недавними и, принявшись, Иеро смог даже уловить слабый мускусный запах в том месте, где зверь потерся боком о шершавый древесный ствол. Он бесшумно двинулся по следу, одновременно отметив, что, по всей видимости, это маленькое копытное чувствовало себя здесь вольготно – то и дело зверь останавливался, чтобы полакомиться пригоршней-другой свежих зеленых листочков. Священник прибавил шаг и вскоре уже увидел животное – небольшую антилопу с забавно торчащими рожками и полосатой спинкой.

Что ж, решил он, настало время проверить новое оружие. Иеро принялся мастерить его, как только вступил в полосу кустарников, но закончить работу ему удалось лишь к вечеру, как раз перед тем, как он устроился на ночлег на каменном уступе. Для священника это оружие являлось в самом деле новым и непривычным, хотя, как он вычитал в одной из летописей Аббатств, люди пользовались им еще десятки тысяч лет назад. Широкий кожаный ремень, висевший у него на плече, с обоих концов разделялся на три хвоста поменьше, к каждому из которых был прочно привязан округлый камень. Пробираясь сквозь заросли, Иеро нетерпеливо перебирал ремешки своего боло, в который раз стараясь убедиться, что камни надежно закреплены и не выпадут из узла в самый неподходящий момент.

Итак, подкравшись к своей жертве на максимально близкое расстояние, он с криком выскочил из-за куста и, раскрутив кожаный шнур над головой, мощным рывком метнул его под ноги остолбеневшему от удивления животному.

Когда же антилопа наконец сообразила, что пора спасаться бегством, ремень прочно обвил ее передние ноги, и бедный зверь, не успев закончить прыжка, с треском повалился в кусты. Священнику осталось лишь сделать несколько шагов и оглушить его ударом каменного меча. Разделявая добычу, он не раз бросал уважительные взгляды на свернувшийся рядом кожаный ремень.

Через несколько минут Иеро уже шагал обратно к своему холму, повесив на плечо завернутые в шкуру куски мяса. Правда, ему пришлось немного повозиться и закопать внутренности животного, чтобы не привлекать сюда любителей падали со всей округи, хотя он и не особенно опасался здешних хищников, охотившихся при дневном свете.

Снова усевшись в расщелине, священник развел небольшой костерок и, нарезая мясо тонкими полосками, принялся коптить его над огнем. Закончив с этой работой, Иеро отделил от черепа антилопы маленькие изогнутые рога. Несмотря на то, что каждый из них оказался не длиннее его предплечья, он был уверен, что найдет им какое-нибудь применение. Наконец, уложив все запасы в новый, более просторный кожаный мешок, он старательно уничтожил все следы своего присутствия в этом месте. Заодно, воспользовавшись передышкой, путник тщательно осмотрел свои сандалии – потертые поношенные, они, однако, еще имели вполне приличный вид и не требовали серьезной починки. Вскоре он опять бодро шагал на запад, продираясь сквозь заросли низких деревьев и буйно разросшихся кустарников.

Так пролетело четыре дня. Колючие, лишенные листьев кустарники постепенно уступали место более зеленой, пышной и высокой растительности, и раскинувшаяся перед ним равнина, все еще такая же открытая и плоская, стала теперь походить скорее на прерию, чем на выжженную солнцем бесплодную полупустыню. Появилась вода – сначала в виде изредка попадававшихся по дороге грязных луж, потом – мелких, быстро несущихся по песчаным руслам мутноватых потоков. Да и сама поверхность почвы теперь

пошла на подъем – незаметно, зато неуклонно.

По пути Иеро больше ни разу не встретил следов человека. Казалось, заброшенный лагерь на скалистом карнизе был единственным свидетельством того, что люди когда-то посещали этот район. Припоминая уроки в школе Аббатств, священник с трудом мог поверить, что несколько тысяч лет назад здесь обитало столько людей, что его народ остался бы незамеченным среди всей этой огромной массы. И в очередной раз он опять ужаснулся при мысли о том, какие чудовищные перемены принесла в этот мир Смерть. Однако, что бы ни случилось в прошлом, сейчас поздно сокрушаться по поводу старых грехов, тем более, что человечество уже заплатило за них чудовищную цену. И теперь этот ужас собираются возродить на земле Нечистый и его Темное Братство! Губы священника упрямо сжались. Он знал, что приложит все силы, а если надо – отдаст жизнь, чтобы их план не стали реальностью.

Но, хотя признаки человеческой деятельности в этих местах отсутствовали, жизнь была здесь ключом. Странник мог легко раздобыть свежее мясо на обед и несколько раз сам чуть было не послужил обедом, если б не его постоянная бдительность и осторожность.

Антилопы на этих равнинах бегали целыми табунами, причем настолько огромными, что Иеро предпочитал порой благоразумно уклоняться от встречи с таким количеством острых рогов. Попадались и олени, в основном – безрогие самцы, которые также сбивались в стада в это время года.

Были здесь и совершенно незнакомые звери, как правило – небольшие, но иногда встречались гиганты, которых священник, не жалея времени, обходил их как можно дальше. Некоторые из замеченных им исполинов отдаленно напоминали парза, то ночное чудище, что несколько месяцев назад, еще во время его путешествия на юг, с шумом и грохотом вломилось в их лагерь. На мордах у них красовались длинные трубообразный отростки, толстые ноги оканчивались широкими разлапистыми ступнями, а изо рта торчали внушительных размеров бивни – изжелта-серые и хищно загнутые вниз. На берегах все более полноводных потоков путник несколько раз видел стада животных, по своим размерам не уступающих хоботным, но более приземистых, с огромными головами и пастью, полной кривых зубов. Несмотря на то, что эти существа казались ему довольно миролюбивыми пожирателями водорослей, священник старался все же не раздражать их своим присутствием. Однажды, где-то очень далеко, он заметил небольшое стадо странных длинноногих животных, передвигавшихся, как и его попрыгунчик, огромными мощными прыжками, и счел их какими-то дальними родственниками своего пушистого скакуна. Эта внезапная встреча направила его воспоминания в новое русло. Он с печалью подумал о Сеги с Клоцем, их сильных ногах и широких спинах, затем его мысли незаметно вернулись к Лучар, и ему вновь пришлось собрать все свое мужество, чтобы по-прежнему идти вперед, удаляясь от нее с каждым шагом.

Так как на травоядных обитателей равнины постоянно охотились всевозможные хищники, ночи Иеро предпочитал проводить на деревьях повыше, хотя однажды какая-то похожая на кота-переростка тварь добралась до него и там. Увесистый шлепок каменным обломком по голове заставил ее злобно корчиться; немного очухавшись, древесная кошка, злобно рыча, удалилась, решив, вероятно, поискать себе более легкую добычу.

Пожалуй, можно сказать, что судьба хранила Иеро от встреч с действительно опасными хищниками. Кроме уже упомянутой твари, здесь водились кошачьи и покрупнее – например, царственного вида полосатый красавец с коротким пушистым хвостом и заостренными, похожими на саблю клыками, украшавшими массивную нижнюю челюсть. Размеры его были настолько велики, что он мог охотиться на любых травоядных животных, за исключением разве что самых огромных. Заметив, что эти саблезубые исполины больше всего любят устраивать засады у водопоя, Иеро стал особенно внимательно осматривать прилегающую местность, прежде чем войти в озерцо или речушку и наполнить водой свой кожаный мех. Попадались также и волки – крупные звери, довольно похожие на хорошо знакомых ему северных волков, только чуть пониже в холке и с менее густым мехом, немного непривычного для его глаз рыжевато-оттенка. И, наконец, здесь целыми стаями бродили маленькие шакалоподобные хищники, которые так громко выли и лаяли, что Иеро успевал задолго до их появления оказаться на каком-нибудь дереве.

Конечно, он мог теперь позволить себе остановиться на несколько дней, чтобы передохнуть и изготовить лучшее оружие, но дело заключалось в том, что ему совсем не хотелось останавливаться. Чье-то чужеродное влияние, медленно, едва уловимо нарастающее в мозгу священника, заставляло его без

передышки идти вперед, делая привалы лишь в случаях крайней необходимости. Он охотился на всяких мелких зверюшек, встречавшихся ему по пути, а по ночам, если не приходилось забираться на дерево, жег маленькие костры, провяливая мясо в дорогу. Однажды утром, взглянув на солнце, Иеро автоматически отметил, что, должно быть, отклонился к югу несколько больше, чем рассчитывал, но это наблюдение почему-то не взволновало его. Кто-то – или что-то – ненавязчиво, чуть заметно направлял и контролировал все его действия и помыслы, однако это неощутимое влияние не затрагивало жизненно важных рефлексов. И потому, продолжая стремительно двигаться вперед, он оставался по-прежнему бдителен и осторожен.

На шестой день после ночевки на засыпанном пеплом карнизе Иеро выбрался на гребень небольшой возвышенности, откуда, напрягая глаза, смог различить где-то на юго-западе тоненькую синюю полоску. Мысль о том, что цель, столь часто являвшаяся ему в сновидениях, уже совсем близка, заставила сильнее забиться его сердце. Да, скоро он увидит эти прекрасные холмы, побродит по их отлогим склонам и лесистым вершинам... Это странное желание, безраздельно завладевшее всем его существом, не имело ничего общего с первоначальными планами священника, но любые мысли о том, что он все сильнее и сильнее отклоняется от своего маршрута, просто не вызвали ответной реакции. Таинственный рыболов умело забросил удочку, и ничего не подозревающая рыбка крепко попала на крючок.

Другое обстоятельство, внезапно обеспокоившее Иеро, казалось ему гораздо важнее, и, к тому же, требовало немедленной реакции – он обнаружил, что за ним следят!

Несколько раз по дороге путник замечал странные вещи. Вот и сейчас – солнце уже клонится к закату, день миновал, но почему-то он снова ощущает странное напряжение. Сегодня дважды птицы целыми стаями – ни с того, ни с сего! – срывались с веток за его спиной, а он не настолько глуп, чтобы не замечать их тревогу. Да, он не видел и не слышал ровным счетом ничего, что могло бы облить его подозрения в какую-то более осязаемую форму, но зато он постоянно *ощущал* чье-то присутствие за спиной. Пусть верно служившая ему ментальная мощь иссякла, но чутьем охотника Иеро знал, чувствовал это – как любое животное знает о том, что его преследуют.

Священник скорее склонялся к гипотезе, что за ним идет один из здоровенных степных волков; кошачьи, насколько он понимал, никогда не охотились по запаху. Однако не стоило сбрасывать со счетов и тот факт, что за ним мог увязаться какой-то совершенно незнакомый и опасный зверь; необъятные просторы материка, в древности называвшегося Северной Америкой, теперь кишели поистине бесконечными по своей природе и разнообразию жизненными формами.

И все же Иеро пребывал в недоумении, так как порою его преследователь вел себя странно. Во-первых, кем бы он ни был, он явно не спешил нападать, и иногда священник чувствовал его присутствие совсем слабо, как будто тот останавливался или вообще начинал удаляться от него. Но потом все его инстинкты опять принимались отчаянно бить тревогу, словно охотящееся за ним существо, взяв след, снова пускалось в погоню, двигаясь с удивительной быстротой. Такое поведение было совершенно несвойственным хищнику. Значит, человек? Он не видел ни струйки дыма, ни проблесков далекого пламени во мраке ночи, но само по себе это еще ничего не значило; его преследователь мог обращаться с огнем так же аккуратно, как и он сам.

Наконец Иеро пришел к выводу, что все, что он может пока предпринять – это стараться вести себя еще осмотрительнее и ждать удачного момента. Ведь тот, кто идет за ним, когда-нибудь непременно окажется близко, и ему представится возможность взглянуть на преследователя, а это лучше сделать это из надежного укрытия. Поэтому, продолжая шагать к постепенно выраставшим на горизонте холмам, Иеро постоянно вертел головой то в одну, то в другую сторону, присматривая подходящее для засады место.

Большую часть этой ночи он провел на дереве, вслушиваясь и всматриваясь, но к его удивлению в звуках ночной прерии не было ничего необычного. Вопли хищников и их жертв, далекий топот копыт, шорох травы – все то же, что он слышал раньше, прошлой и позапрошлой ночью. Стадо огромных хоботных пронеслось мимо его дозорного пункта, и Иеро, стараясь не дышать, прикинул к ветке. Несмотря на то, что он всегда выбирал для ночлега наиболее мощные деревья – а сегодняшний гигант отнюдь не являлся исключением – ему не хотелось проверять, сможет ли разъяренный зверь повалить его. Через некоторое время священника насторожил страшный рев, весьма отдаленный, но, тем не менее, заставивший дрожать и сотрясаться землю. Он моментально представил себе некую сценку, в которой огромный саблезубый кот

сцепился с одним из тех животных, что недавно пробежали под его деревом. После этих звуков ничто больше не потревожило священника, и под конец, крепко привязавшись к ветке, он заснул и проспал так почти до самого утра.

С рассветом он был уже на ногах. Высматривая одним глазом признаки погони, а вторым – поглядывая на дорогу, Иеро бодро шагал к заветным холмам, стараясь по мере сил не оказаться слишком далеко от какого-нибудь высокого дерева или термитника. Последние начали появляться все чаще и чаще, причем священник сразу оценил всю привлекательность этих сооружений в качестве надежного укрытия и места для засады или наблюдательного пункта.

Ближе к полудню он все-таки не удержался и влез на один из этих холмов, чтобы осмотреться и заодно перекусить вяленным мясом и ягодами.

Небольшая стайка птиц, с испуганным писком взметнувшаяся в воздух примерно там, где он еще совсем недавно проходил, заставила его отложить недоеденный кусок. Аккуратно спрятав мясо обратно в сумку, Иеро пристроился за одним из бугристых наростов на макушке термитника, решив, что таинственный преследователь наконец-то решил познакомиться с ним поближе. Священник бросил еще один быстрый взгляд себе за спину – пара высоких деревьев неподалеку послужит прекрасным местом для отступления, если по каким-либо причинам ему придется сменить позицию.

Заросли кустарника впереди заколыхались, словно чье-то массивное туловище осторожно раздвигало колючие ветки. Сидя на верхушке термитника, Иеро заранее напряг мускулы, готовясь к прыжку и немедленному отступлению, если выяснится, что со зверем ему не совладать. Судя по треску и шорохам, которые производило это чудище, продираясь сквозь кусты, габариты у него были солидные.

Вдруг яркий солнечный луч ударил ему в лицо, отразившись от чего-то блестящего, и в этот момент существо, кончив хрустеть обломанными ветками, робко выступило из зарослей. Священник, не веря своим глазам, в изумлении уставился на незадачливого пришельца; затем счастливая улыбка заиграла на его губах. С большим трудом он подавил желание испустить громкий радостный вопль.

По песчаной насыпи, словно направляясь после прогулки к своему уютному стойлу, неспешно прыгал его пушистый скакун. На его спине болталось высокое седло, с боков свисали кожаные поножи; к седлу были приторочены весьма объемистые баулы, из которых торчали всякие острые и блестящие предметы, столь неожиданно привлечшие внимание Иеро. Попрыгунчик Сеги наконец-то нашел своего хозяина!

Впрочем, даже если бы тот сразу не узнал своего скакуна, что само по себе выглядело бы странным, то вид его любимого копы, закрепленного на седле хоппера, мог развеять любые сомнения.

Иеро слез с термитника и медленно двинулся по насыпи, тихонько подзывая прыгуна. Заслышав его, Сеги удивленно заложил одно ухо за спину, но остался на месте, не выказывая никаких признаков беспокойства и, по-видимому, не собираясь удирать от приближавшегося к нему загорелого человека в оборванных штанах. Когда Иеро подошел совсем близко, попрыгунчик наклонил голову и тщательно обнюхал его. Потом, удовлетворенный осмотром, он уселся на свой пушистый хвост, глядя решительно и гордо, словно говоря: «Ну вот, моя работа закончена. Посмотрим, что теперь сделаешь ты.»

Довольно долгое время Иеро простоял в молчании, уткнувшись лицом в мягкое плечо своего скакуна. За подобную удачу стоило помолиться еще раз – Господь послал ему царский подарок из бесплодной пустыни! Помахивая длинными ушами, Сеги терпеливо ждал, пока его хозяин справится с волной внезапно нахлынувших чувств и прикажет, что делать дальше.

Наконец, словно проснувшись, священник ласково потрепал пушистый бок хоппера и принялся разбирать его ношу.

Вначале он вытащил из мешка копьё с тяжелым плоским наконечником и крестообразной распоркой, закрепленной позади лезвия; похожие копы когда-то изготавливались в средневековой Европе. Иеро аккуратно высвободил его из чехла и положил на траву. Развернув следующий пакет, он даже присвистнул от восторга – здесь находилось все его боевое снаряжение! Там был даже его старый короткий меч с клеймом древнего и теперь уже давно забытого государства, подаренный ему на окончание школы Аббатств. Перекинув через плечо широкий кожаный ремень и ощутив за спиной приятную тяжесть, Иеро вновь почувствовал себя счастливым и полным сил.

Итак, копье, меч – да, еще и кинжал! – отличный шестидюймовый кинжал с обоюдоострым лезвием и рукояткой из оленьего рога. Затем рядом с оружием на траве оказались кожаный пояс и небольшая, но удивительно тяжелая коробочка из дубленой кожи, открыв которую, Иеро обнаружил свой магический кристалл и гадательные символы. И, наконец, последними из мешка были вынуты два увесистых пакета с сушеным мясом, специально приготовленным для долгих путешествий. Теперь он не сомневался, кто послал ему все это!

Но где же ее письмо? Проворные пальцы странника принялись дюйм за дюймом исследовать кожаную сбрую хоппера. Однако после беглого осмотра ему удалось обнаружить лишь небольшую фляжку – очень полезный предмет для любого путника. Черт возьми, да где же оно? Ведь он прекрасно знает, что послание должно быть где-то здесь, совсем рядом!

Стоп! Иеро заложил руки за спину и попытался рассуждать логически. «Думай головой, дубина, – убеждал он себя. – Предположим, Сеги убили бы... – Тут попрыгунчик сунул свой холодный нос прямо в волосы священника и возмущенно фыркнул. – Как бы ты поступил на ее месте, учитывая такую возможность? Неужели стал бы прикалывать это чертово письмо к левому уху хоппера, чтобы его мог найти и прочитать кто угодно?»

После долгих поисков он, наконец, обнаружил вожаденное послание – малюсенький мешочек из хорошо промасленной кожи, в который был засунут небольшой клочок бумаги. Сам кожаный футляр, размером не больший ногтя, оказался упрятанным в дальний уголок под седельной покрывкой.

Дрожащими руками священник развернул бумажный лист и, не обращая внимания на нещадно палящее с небес светило, погрузился в чтение. Над его головой через равные промежутки времени трепетали розовые ноздри прыгуна, вбирая разнообразные запахи, которые нес легкий ветерок. Однако в них не таилось никакой угрозы, поэтому голенастые ноги Сеги оставались по-прежнему расслабленными, в то время как его хозяин снова и снова перечитывал несколько торопливых строчек, набросанных на смятом листке бумаги.

«Дорогой мой! – стояло сверху, – я верю, что ты жив. Не знаю только, где ты, и что они с тобой сделали. Кто виноват во всем этом, мне, конечно, понятно: раз ты не умер, а я никак не могу прикоснуться к твоему сознанию, значит, без Нечистого здесь не обошлось. Я бы с радостью послала к тебе Клоца, но он убежал той же ночью. Конюх говорит, что он страшно бился и ревел в своем стойле, а когда его попытались успокоить, сломал ворота и мгновенно исчез в темноте. Стражники утверждают, что незадолго перед рассветом видели его на северной дороге. Наверное, тоже последовал за тобой, так что будь готов к встрече. На балу один из гостей пытался убить короля. Этот человек так и не заговорил. Отец ранен серьезно, но выживет. Мой кузен Амибал куда-то подевался, и никто не может сказать, где он теперь находится. Джозато тоже исчез, и даже верховный жрец ничего не знает о нем. В казармах пока все спокойно, а Митраш теперь постоянно со мной. Он просил передать тебе, что уже разосланы люди на поиски, и что он сообщил обо всем друзьям. Да хранит тебя Господь, любимый! Я оставила в мозгу Сеги еще одно сообщение для тебя. Если он сможет тебя найти, он это сделает. Возвращайся скорей ко мне. Твоя Л.»

Иеро был рад, что никто, кроме Сеги, не видит его сейчас. Кто бы мог преставить, что опытный суровый киллмен, один из самых отчаянных лесных рейджеров севера, будет стоять и плакать в три ручья над письмом от любимой женщины?

Протирая мокрые от слез глаза, он еще раз поблагодарил Бога за то, что у него есть такая жена. Она ведь еще совсем ребенок! И в то же время с каким самообладанием она поступила в этой нелегкой ситуации! Раз Иеро жив, значит, надо попытаться помочь ему. Раз сбежал Клоц, нужно послать второго скакуна – неважно, что это лучший из хопперов королевства. Иеро восхищенно покачал головой. Он мог поспорить, что охрана во дворце уже удвоена, и все войска приведены в боевую готовность. Да, и как проникательно она подметила исчезновение молодого герцога и главы канцелярии верховного жреца! Кажется, заговорщикам будет непросто добраться до нее! Митраш ведь разослал сообщения, не так ли? Это тоже хорошо. Иеро не сомневался, что совету эливеренов уже известно обо всех последних событиях. Стало быть, сейчас брат Альдо и его соратники могут, правильно оценив обстановку, сделать ответный ход.

Да, прочитав это письмо, священник почувствовал, что у него гора свалилась с плеч! Даниэл и Лучар

теперь в безопасности, а все королевство – настороже. Он получил ту помощь, которую она могла ему оказать, и все остальное уже зависит лишь от него самого. Правда, судьба Клоца немного его беспокоила. Куда он мог подеваться? Иеро еще раз погладил Сеги. Этот попрыгунчик действительно сотворил чудо! Обремененный тяжелым седлом и поклажей, он прошел сотни миль, терпеливо следуя за своим пропавшим хозяином. И, что совсем удивительно, выглядел он просто отлично. Даже если принять во внимание все то, что Иеро слышал о силе и выносливости этих животных, странствие Сеги поражаало воображение. Ведь он, должно быть, тоже пересек голубую пустыню, несколько дней обходясь без воды, а потом вынужден был скрываться от многочисленных степных хищников. И так, почти не останавливаясь, он двигался вперед и вперед, пока, наконец, его нерасторопный хозяин не отыскался... Трудно сказать, подумал про себя священник, смог ли повторить такое опытный человек? Неужели он, Иеро Дистин, достоин такой безграничной преданности?

Ему потребовалось несколько секунд, чтобы вновь вскарабкаться на термитник и обозреть окрестности. Затем Иеро ослабил ремень, удерживающий стремяна-футляры для ног, уселся в седло и, ласково потрепав шею хоппера, послал его вперед. Сеги пряданул ушами и, все ускоряя бег, припустил к встававшей на горизонте цепи холмов. Эти странные курганы по-прежнему манили священника в свои объятия, и потому он бездумно гнал своего скакуна на юго-запад, навстречу тому, что лежало за поросшими лесом склонами.

ГЛАВА 4. СОВЕТ ТЕМНОГО БРАТСТВА

Где-то глубоко под землей, в мрачном помещении с могучими каменными стенами, россыпью разноцветных огней загадочно мерцал гигантский экран. Светящиеся стеклянные плафоны, вделанные в холодный камень, бросали тусклые отблески на идеально отполированную поверхность большого круглого стола, сложенного из черных мраморных плит. Вокруг стола, на небольших возвышениях – так чтобы хорошо был виден сияющий экран-карта – были расставлены четыре черных кресла с ножками какой-то странной, нелепо изогнутой формы и множеством непонятных значков и символов, вырезанных на их широких спинках и подлокотниках. Немного поодаль стояло еще одно кресло – такого же цвета, но большее по размерам и еще богаче украшенное. Оно, однако, до сих пор оставалось пустым.

В остальных креслах развалились четыре долговязые фигуры в серых балахонах. На первый взгляд можно было принять их за близнецов, настолько похожими друг на друга казались эти люди. Все безволосые или выбритые настолько чисто, что на черепах у них не оставалось ни малейших следов растительности; у всех молочно-белая, словно никогда не видевшая солнца кожа. Заглянув в их глаза, любой человек вскрикнул бы от ужаса – эти бездонные серые омуты, в которых пылал лишь холодный злобный огонь, напоминали зрачки случайно оживших мертвецов. Бледные болезненно-белые лица оставались совершенно бесстрастными; их расплывчатые черты с трудом позволяли судить о возрасте участников совещания и, вместе с тем, наводили на мысль о чем-то бесконечно древнем и давно забытом о самом понятии «возраст». Только помаргивание этих ужасных глаз и едва заметные движения рук, касавшихся гладкой поверхности стола, придавали этим застывшим в креслах восковым манекенам какое-то подобие жизни. Все их внимание было приковано к мерцающему экрану, и только изредка то один, то другой наклонялся и шептал что-то своему соседу или, едва шевеля пальцами, царапал какие-то пометки на лежавших рядом клочках бумажки. Высший Совет адептов Нечистого напряженно работал.

Хотя с первого взгляда казалось, что Темные Мастера имеют совершенно одинаковую внешность, присмотревшись, можно было заметить и кое-какие различия. Кроме того, у каждого на груди висело по цветному медальону – сгусток немыслимо закрученных и застывших нитей из какого-то странного, холодно поблескивающего вещества. Красный, желтый, голубой и зеленый – но почему-то ни один из этих оттенков не радовал глаз; медальоны неуловимо переливались в неярком свете ламп, словно жадные и хищные глаза неведомых чудовищ. Зеленый казался наиболее отвратительным; он выглядел мерзкой пародией на свежий и насыщенный цвет весенней листвы. Вряд ли можно было ожидать иного – в том мире, какой собирались установить на земле собравшиеся за этим столом, свежей весенней листве не отводилось места.

Висевший над головами адептов экран походил на паутину разноцветных проводков, изгибающихся под какими-то невероятными углами; их прихотливый узор постоянно менялся и казалось, что эта сеть, полная какой-то странной и отвратительной жизни, выплескивает в пространство эманацию зла. На судорожно корчившихся нитях беспорядочно вспыхивали маленькие огоньки, ни секунды не остававшиеся на месте. Не составляло труда понять, что четверо в креслах прекрасно разбираются в том, что творится на экране, читая появлявшуюся на нем информацию с той же легкостью, с которой обычный человек пробегает глазами печатный текст. Никто, кроме особо избранных, не знал языка Великого Экрана, на котором отражались все секреты и начинания Темного Братства, его самые глубоко лелеемые планы. Невероятно долгое время собравшимся здесь адептам приходилось изучать этот язык, постигать его тайные глубины – всей жизни простого смертного едва хватило бы для выполнения такой задачи. Но теперь они были Мастерами, первыми в своих Кругах, и Великий Экран – уста самого Нечистого – говорил им, что надо делать и как делать.

Наконец обладатель зеленого медальона отвернулся от светящейся панели и внимательно оглядел своих соседей. Если владелец голубого медальона каким-то образом казался наиболее молодым из собравшихся, то закутанный в серую робу повелитель Зеленого Круга выглядел самым старым, хотя было бы нелегко изложить причины для подобного вывода.

– Я собрал вас здесь, следуя заповедям Высшего Совета, где любая мысль имеет свой вес, а любое знание – свою цену.

Эта традиционная фраза походила скорее на ритуальное приветствие, на некую формальность, с

помощью которой объявлялось о начале очередного заседания. Голос говорившего, тонкий и вибрирующий, был также лишен всякой эмоциональной окраски. Только какой-то нечеловеческий, неестественный холод присутствовал в этом голосе, звенящем, словно мчащаяся под откос глыба льда.

– Итак, как самый старший среди нас, я обращаюсь к брату С'дане, предводителю Голубого Круга нашего ордена. Те события, о которых сейчас пойдет речь, разворачивались, в основном, на подотчетной ему территории, поэтому он и его ближайшие помощники целиком и полностью несут ответственность за все, что там случилось. Прошу заметить, что я упоминаю об этом не с целью обвинить брата С'дану в нерешительных действиях и ошибочной оценке сложившейся ситуации. Мое первоначальное заявление, по существу, является лишь констатацией факта; я также имею на это соответствующий приказ, – добавил человек с зеленым медальоном, заметив нетерпеливое движение вождя Голубого Круга.

В глазах сидевших за столом вспыхнули огоньки любопытства, и адепт с зеленым медальоном, потерев бровь, кивнул головой в сторону пустого кресла на возвышении.

– Да, – продолжал он, – мне, С'лорну, первому среди мастеров Зеленого Круга, в моей южной твердыне было доставлено послание. Послание от Безымянной Силы, от того, кого сейчас нет с нами, но кто существовал всегда и будет существовать вечно. Любой из нас мог получить его, и мне остается лишь догадываться, почему для исполнения своей воли Он выбрал именно меня. Я думаю – а я долго размышлял над этим вопросом во время путешествия – что данное поручение было возложено на меня, поскольку из всех нас я живу в наибольшем удалении от места нашей встречи. Вот уже много поколений мы, да и те, кто воспитал и выучил нас, не считали необходимым проводить подобные встречи во плоти. Сейчас, видимо, такая необходимость встала особенно остро, раз уж мне пришлось заставить вас добираться сюда столь неудобным способом. Наш Безымянный Властитель, Избранный из Избранных, владеет многими секретами. Возможно, у него есть более исчерпывающее объяснение, но нам придется довольствоваться тем, что сказано выше. – С'лорн потер свои бледные ладони. – Ну, что ж, пусть брат С'дана введет нас в курс дел.

Предводитель Голубого Круга внешне выглядел совершенно спокойным. Пока что суд над ним еще не объявлен; остальные могут лишь наблюдать и делать для себя какие-то выводы. Это совет равных, и именно таким образом он и был учрежден – чтобы избежать междоусобиц, постоянно возникавших между сторонниками Нечистого, и подчас сводивших на нет все их кропотливо разрабатываемые планы. Да, все они равны по своему положению, но бескорыстную помощь ему никто здесь не окажет – их так воспитывали с самого детства; к тому же, это правильно – каждый должен справляться со своими проблемами самостоятельно. И хотя последние события серьезно пошатнули авторитет С'даны, другие мастера не будут относиться к нему враждебно из-за постигших Голубой Круг неудач. Другое дело, если он проявит хоть малейшие признаки слабости или сомнения...

Кроме того, все портили эти неведомые инструкции, поступившие якобы от самого Безымянного. Могут ли они содержать указания насчет его бездарного руководства той злополучной карательной экспедицией?

Неуловимая дрожь пробежала по спине Верховного мастера Голубого Круга.

– Первым событием, к которому я хотел бы привлечь ваше внимание, – начал он, – была странная смерть мастера С'нерга из Красного Круга. Довольно долго его тело не могли отыскать, хотя мы уже знали, что он либо убит, либо взят в плен, потому что его маяк по-прежнему двигался по карте. Вскоре после этого мы понесли новые потери, в основном – животными. Все они тоже были убиты. Это послужило нам повторным предупреждением – если, конечно, считать, что гибели одного из высоких братьев оказалось недостаточно, чтобы вызвать тревогу.

Никто не шевельнулся и не попросил слова, однако нужные акценты были расставлены: все поняли, что Голубой Круг отнюдь не первым принял на себя удар противника.

– Потом это существо, этот дикарь с севера, надолго исчез в трясине Пайлуда, в тех местах, где даже мы не осмеливаемся появляться. И все же мы навели на его след обитающее там создание, которое сами не слишком хорошо понимаем и которого опасаемся, хотя иногда и используем в своих целях. Насколько мне известно, пришелец его убил.

Пауза. Прозвучала еще одна ключевая мысль.

– Тогда мы начали уже серьезно беспокоиться. Каким-то образом преодолев болото, дикарь быстро приближался к границам моего Круга. К тому моменту мне уже приходилось самостоятельно рассчитывать его вероятный маршрут, потому что он уничтожил маяк С'нерга – видимо, догадавшись о его функциях. Так или иначе, я устроил на него ловушку и захлопнул ее.

Но тут нам был преподнесен сюрприз! Мы поймали всего лишь размалеванного дикаря-священника из этих северных Аббатств. Грязного лесного бродягу, наполовину солдата, наполовину охотника; обычно именно таких головорезов они и посылают куда-нибудь со своими дурацкими поручениями. Его спутников, двух животных и девчонку-рабыню, которую он отбил у местного племени каннибалов как раз в тот момент, когда они собирались ее съесть или скормить своим священным птицам, мы даже не стали преследовать. Трудно представить, что эта разношестная компания могла так переполошить наших людей! – С'дана поочередно оглядел сидевших перед ним мастеров, как будто взвешивая очередную фразу, прежде чем произнести ее вслух.

– И вот здесь, признаю, я допустил ошибку. Если наш Великий План хоть как-то пострадал по моей вине, я готов нести любую ответственность за этот просчет. Я просто не мог поверить, что захваченный нами дикарь, пусть даже весьма смелый и опытный воин, окажется тем, кем он оказался! Я решил тогда, что Аббатства – или сам этот священник – обнаружили в Городах Смерти какое-то новое знание, машину или странный наркотик, позволяющий усиливать ментальный дар. Поэтому пленник был отправлен в твердыню на острове Манун, где мы собирались не спеша вытянуть из него все секреты.

Свет ламп отразился от блестящего черепа мастера Голубого Круга, когда он недовольно покачал головой.

– Мы ошиблись снова. Этот человек обладал врожденными телепатическими способностями, причем настолько мощными, что со временем они могли бы привести его сюда, в эту комнату – как привели всех нас. И основным нашим промахом является то, что мы недооценили силу и изобретательность жалкого служителя всеми забытого божка!

Неподдельная страсть, прозвучавшая в тоне говорившего, заставила С'лорна зашипеть от ненависти, но он моментально взял себя в руки, увидев, что мастера Красного и Желтого Кругов согласно кивнули.

– То, что случилось потом, вам хорошо известно, – продолжал С'дана. – Дикарь бежал! Бежал с Острова Смерти, захватив свое оружие и убив еще одного брата! Предводитель моих Ревунов-телохранителей каким-то образом почувствовал тревогу и бросился за ним, но тоже был зарезан, хотя я лично обучал и тренировал его не один год. А теперь вздумайте, братья! Мы до сих пор не знаем, как все это было сделано! Все наши знания, все наши информарии не дают ответа! Да, несомненно, во время побега этот человек пользовался своим ментальным даром и с его помощью убил одного из братьев, это ясно. Но без помощи наших машин – да и с их помощью тоже! – способны ли мы сделать нечто подобное? Вы прекрасно знаете ответ.

– Что же дальше? Опираясь больше на догадки и предположения, мы снова выследили этого убийцу-священника, этого пера Иеро Дистина, о котором теперь мы знаем так много. Оказывается, он отыскал свою девчонку-оборванку и животных, использовав направленный мысленный сигнал. Как ему удалось сделать это, не разрушив собственный мозг, нам опять же неизвестно. Что было потом? Потом целый отряд наших слуг, посланный вдогонку за беглецами на одном из новейших кораблей, приводимых в движение силами Смерти, вся корабельная команда и один из наших высших братьев, С'карн, который командовал отрядом и был отнюдь не слабым противником для кого угодно, исчезли. Все – я повторяю, все! – исчезли!

Теперь пауза была дольше, пока С'дана пытался справиться с охватившей его яростью. На лицах остальных мастеров застыло выражение озабоченности. Казалось, даже глава Зеленого Круга С'лорн глубоко потрясен последними словами.

– Мы делали все, что могли. Мы выпустили столько защитных экранов, сколько успевали выдавать наши мастерские. В районе Внутреннего моря мы подняли на ноги всех своих людей, все посты. Мы предупредили об опасности наших братьев из Желтого Круга и, в конце концов, я сам отправился к южной

границе наших территорий. Ибо я к тому времени уже понял, какую угрозу несет нам этот человек, играющий своей ментальной силой словно разрядами молний. Да, тогда я уже понял это!

– То, что произошло дальше, известно нам уже из менее надежных источников. Насколько можно представить, случилось следующее: каким-то образом священник умудрился пересечь Внутреннее море. При этом ему еще раз пришлось сражаться; его судно – непонятно, где и каким образом он его раздобыл – догнал пиратский корабль, команду которого мы давно контролируем. Вызвав на поединок капитана пиратов, он зарубил его; кроме того, зарубил еще и глота – а ведь эту породу мы считали одной самых перспективных! После поединка команда пиратского корабля немедленно сдалась; даже страх перед Темным Братством не мог заставить их нарушить морской закон, согласно которому нельзя причинять ущерб победившему в такого рода схватке.

– По возмущениям ментального поля мы снова вычислили их вероятный путь и послали еще один корабль с тайной базы на южном побережье. Наш корабль настиг и уничтожил судно священника, но, к сожалению, было уже слишком поздно. Нам досталась лишь груда дымящихся обломков, застрявших на рифах, а вся команда парусника успела сойти на берег и растворилась в дремучем лесу, который мы никогда раньше не посещали.

– Но это еще не все, братья, – голос С'даны, который и так нельзя было назвать особенно благозвучным, теперь стал похож на шипенье приготовившейся к броску кобры. – Вместе с ним на корабле находился эливер! С каких пор, я спрашиваю, эти презренные поклонники букашек, эти глупцы, что копаются в грязи и нянчатся с разными тварями, эти доброхоты, утешающие слабых и кормящие голодных – аггр! – с каких пор эти мерзавцы стали совать нос в наши дела?!

Животная ярость огненно-красной волной захлестнула сознание С'даны, но отчаянным усилием Верховный мастер Голубого Круга вновь овладел собой.

– Так вот, один из них был на корабле вместе со зверьем, женщиной и священником. Его видели. Какой-то старик – вероятно, весьма высокого ранга в их иерархии, потому что он мог контролировать даже огромных морских животных. Вполне возможно, что именно он приложил руку к исчезновению нашего корабля на севере.

– Затем я отправился в Ниану, чтобы попросить у сидящего здесь рядом со мной брата С'диги из Желтого Круга совета и помощи. И так как я полностью передал ему контроль за операциями, то прошу его самого рассказать о том, что мы задумали, и что из этого получилось.

Довольный тем, что отчет завершен, С'дана облегченно откинулся на спинку кресла. По его высокому бледному лбу медленно стекали струйки пота.

С'дига, находившийся слева от него, некоторое время сидел в молчании, размышляя, с какого места ему следует продолжить рассказ, затем поднял голову и заговорил.

– То, что мы попробовали предпринять, насколько я теперь понимаю, нужно было сделать гораздо раньше, – глаза Темного Мастера недоверчиво бежали лица коллег, как будто он ждал какого-то вызова с их стороны. – Мы рассуждали следующим образом: во-первых, почему этот священник вдруг ни с того, ни с сего оказался столь далеко на юге? Во-вторых, сам ли он решился на такое отчаянное путешествие, или его кто-то послал? Не скрою, С'дана сумел убедить меня, что это отнюдь не ложная тревога, и что теперь нашим великим планам может грозить серьезная опасность. И, наконец, в третьих: даже если дикаря никто сюда не посылал, то что он здесь ищет? Примите во внимание, что тогда мы еще не знали о сопровождавшем его эливерере; эти сведения пришли к нам намного позже.

– Итак, выделив три главных вопроса, мы приступили к обработке имевшихся у нас данных. Как нам стало известно, пришелец захватил все записи и карты погибшего С'нерга, на которых помечены те места, где Смерть ударила с особой силой – центры древней цивилизации. Возможно, он искал одно из таких мест? При той скудной информации, которой мы тогда располагали, эта мысль казалась нам весьма вероятной. Разведчики Голубого и Красного Кругов обшарили весь север, но им, к сожалению, требовалось определенное время, чтобы составить полные отчеты, а временем мы как раз и не располагали. Поэтому нам пришлось в какой-то мере действовать наугад... правда, мы стянули свои подразделения, людей и всех имевшихся под руками рабов-животных, поистине с удивительной скоростью. К тому моменту, когда

дикарь снова дал о себе знать, мы собрали уже порядочные силы под командованием полудюжины высоких братьев. В полученном нами донесении сообщалось, что дикарь сошелся в ментальном поединке с какой-то странной жизнью, обитающей в том районе. Что это за существо, и с чем еще придется столкнуться нашим отрядам, мы не знали. Слишком много отличных разведчиков бесследно исчезают в этих лесах – и, соответственно, качество имевшейся у нас информации оставляло желать лучшего.

– Мы внимательно изучили карты наших южных территорий и на одной из них нашли весьма любопытную пометку – вход в подземное хранилище, построенное людьми во времена до Смерти. Из многих сотен подобных сооружений, обнаруженных разведчиками и ожидающих своей очереди для изучения, только этот объект находился в пределах интересующего нас района, – С'дига с некоторым вызовом оглядел присутствующих.

– Да, ни С'дана, ни я сам не присоединились к нашей армии. Возможно, если рассматривать сложившуюся ситуацию с нынешних позиций, нам обоим стоило сделать это. Но, тем не менее, я не собираюсь ни перед кем оправдываться за свое решение. В самом деле, зачем мы тогда подбираем и учим своих помощников? И если сейчас кто-то усомнился в нашей преданности Плану, я требую заявить об этом!

Никто не двинулся с места, и, слегка понизив голос, мастер Желтого Круга продолжил:

– Нашему отряду было нанесено самое сокрушительное поражение за всю историю Темного Братства. Последние ментальные сообщения от братьев говорили о том, что они нашли нужное место и спускаются вниз. Больше посланий от них не поступало.

– Много дней спустя один из разведчиков со всей осторожностью осмотрел это место. Растительность там либо захирела, либо погибла, а из чудовищных разломов в почве вытекала горячая слизь и поднималось отвратительное зловоние. Непохоже, что такие разрушения могли быть вызваны силами Смерти, потому что мы умеем определять последствия ее применения. Очевидно, наш враг использовал какой-то из еще более древних секретов погибшей расы. На этом моя история кончается. – С'дига замолчал и бесстрастно уставился на полированную поверхность стола.

Его соседи тоже безмолвствовали. Хотя они не услышали сейчас ничего нового, столь подробно и точно изложенное повествование об их величайшей неудаче угнетающе подействовало на всех. Но вот чей-то голос нарушил затянувшееся молчание:

– Зато я, братья, могу продолжить эту историю, – мастер Зеленого Круга С'лорн улыбался, если так можно было назвать мерзкую ухмылку, перекосившую его лицо (это, впрочем, совсем не означало, что высокий мастер собирается пошутить – подобные ухмылки не имели ничего общего с чувством юмора). – Не считите за труд выслушать последние новости из моих южных владений. Кстати, многие из них были доставлены только сегодня, с моим специальным нарочным. Не скрою, они немного поднимут ваше настроение.

Сообщив это, С'лорн возбужденно подался вперед, пальцы его длинных белых рук соприкоснулись друг с другом на полированном мраморе столешницы.

– Вы все, должно быть, знаете, что вскоре после уничтожения нашего отряда, дикарь-священник объявился в Д'Алви, пустив прахом несколько лет кропотливой работы слуг и союзников Братства. Более того! Та оборванная девчонка, маленькая лесная крыса, которую он подобрал где-то на севере, на самом деле оказалась единственной дочерью короля этой страны – и, стало быть, законной наследницей престола! Такого поворота событий никто не мог предугадать! Пройдоха-священник окрутил эту девку, женился на ней и стал, фактически, полновластным правителем королевства!

– Но в большинстве случаев успехи этого шустрого северянина объясняются либо невероятно удачным стечением обстоятельств, либо, как мне ни прискорбно признавать, серьезными просчетами в действиях наших собратьев. – С'лорн внимательно оглядел остальных мастеров, отмечая реакцию каждого на только что сказанные им слова. – Я заранее приношу извинения тем из вас, кого я мог обидеть своим заявлением. Но в свете последних событий мое мнение о ловкости этого потрясателя основ, этого пера Иеро Дистина, несколько изменилось. Прежде всего я решил понять, кто же он такой. Насколько мне известно – из ваших же источников – он состоит на службе у северных Аббатств, а я ведь очень мало знаю о том, что это за Аббатства и чего они добиваются. Я подумал, что самым разумным будет считать его некой

естественной флюктуацией, странным телепатическим мутантом, которые еще изредка появляются то там, то тут. И как только наш священник подпал под одно из определений строгой классификации, сразу стало ясно, как его одолеть.

– Собрав братьев Зеленого Круга, я вместе с ними разработал свой собственный план. Вы знаете, что у нас есть весьма могущественные союзники в Д'Алви – даже среди людей так называемой «королевской крови», не говоря уж об их храмах, которые просто нашпигованы нашими соглядатаями, занимающими там большинство ключевых постов. Нужно еще отметить, что как раз к тому времени в моих секретных лабораториях завершились испытания некоего препарата, способного подавлять ментальную активность мозга, причем даже весьма тренированного... видите ли, у нас была возможность провести и такие эксперименты...

Остальные трое прекрасно понимали, сколько братьев, вызвавших неудовольствие Верховного Мастера, стали жертвами этих опытов, но никто не вымолвил ни слова. Подобные дела ничего не значили, если требовалось вырвать инициативу из рук противника.

– Я выбрал место встречи с союзниками из Д'Алви как можно дальше от столицы королевства, – продолжал мастер Зеленого Круга, – потому что мне хотелось, чтобы предмет нашего интереса не ощущал около себя никакой ментальной активности. Я хотел, чтобы он не смог обнаружить ничего подозрительного среди окружавших его людей – и он действительно так ничего и не обнаружил!

– А теперь слушайте меня внимательно, братья. Сегодня я могу с полной уверенностью сообщить, что пер Иеро Дистин, этот лже-принц и возмутитель спокойствия, мертв!

Кто-то из мастеров не сумел подавить облегченного вздоха. Но то был явно не С'дана, на холодном лице которого не дрогнул ни единый мускул.

– Этого ментального монстра просто-напросто оглушили ударом по голове, вкатили огромную дозу нового препарата и, в сопровождении доверенной охраны, отправили подальше от города. Священника убили не сразу, иначе его жена, эта высокородная шлюха, почувствовала бы, что он мертв, и приступила бы к решительным действиям. Тогда большинству наших агентов в Д'Алви пришлось бы туго... Но теперь уже не остается никаких сомнений: пер Иеро абсолютно, целиком и полностью мертв! Все! Эта фигура сошла с игровой доски, и мы можем, как прежде, свободно планировать наши дела, не опасаясь, что он снова сумеет нам помешать.

На этот раз тишина была уже не такой долгой – вкрадчивый голос С'даны моментально оборвал наступившее молчание, но в нем не было и тени радости, а только ледяной холод.

– Прежде, чем мы окончательно удостоверимся в твоей правоте, старший брат, я, как единственный из вас лично видевший этого человека, смиренно прошу дать ответ на некоторые вопросы. Где и каким образом он был убит? Кто опознал труп? Могу ли ваши союзники показать нам тело? И, если оно действительно у них, то что они собираются с ним делать? Когда я услышу ответы на эти маленькие вопросы, я, вне всяких сомнений, сочту себя удовлетворенным.

Слабый румянец выступил на мертвенно-бледных щеках обладателя зеленого талисмана. Было совершенно ясно, что подобная просьба застала его врасплох, и поэтому старший мастер сейчас всеми силами пытается подавить новый всплеск раздражения. Наконец, собрав всю свою волю, С'лорн заговорил заметно дребезжащим голосом:

– Предводитель наших союзных сил в Д'Алви воспитывался мною с детства. Его доверенные люди увезли одурманенного священника далеко на запад, пользуясь тайными тропами, не известными никому, кроме них. Он отправил с пленником своих самых преданных слуг, причем двигались они двумя партиями: первая везла священника, а вторая следовала за ней в некотором удалении. Это оказалось совсем нелишней предосторожностью, потому что вторая партия наткнулась на изрубленные тела первой. Все – я повторяю, все! – были убиты, и я не вижу оснований сомневаться в словах гонцов, что принесли мне эту весть. Пока неясно, кто именно их убил, но, по всей видимости это могли сделать бандиты, скрывающиеся в западных пустошах. Ну? Теперь вы удовлетворены моим ответом?

– Да, удовлетворен, – медленно произнес С'дана. – Но я еще раз предупреждаю вас всех – и да простит мне старший брат мою, быть может, неуместную настойчивость – что этого человека неимоверно

трудно уничтожить. И я окончательно поверю в его смерть, когда услышу, что один из высших братьев самолично осмотрел его тело и признал его мертвым. Скажу вам честно, мне не очень нравится то, что я услышал... хотя, возможно, я и ошибаюсь. Можете мне поверить, я, как и вы, от всей души надеюсь, что мои подозрения неосновательны.

— Если то, что я сообщил, не подтвердится, — отрубил С'лорн, явно раздраженный тем, что кто-то пытается приуменьшить его триумф, — я готов нести ответственность! А сейчас надо думать о другом, поскольку этот северянин являлся деталью какого-то более общего плана. Итак, перед нами целая организация, целая страна, открыто бросающая нам вызов... нам, чьи деяния и имена всегда были скрыты от врагов. Никто не подозревал о нашем существовании, за исключением разве что эливенеров... Но сам смехотворный девиз этого ордена — «Да не уничтожишь ты ни Земли, ни всякой жизни на ней» — служил для нас надежной защитой от любых посягательств. Так мы думали, зная об их пассивности. Ничего, пусть они пока болтаются у нас под ногами, рассуждали мы в своей гордыне, а потом, когда Великий План начнет осуществляться, мы сотрем их с лица земли вместе со всеми остальными бесполезными людишками!

— Но теперь, — голос Верховного мастера дрогнул, — что мы узнаем? Оказывается, они отбросили все свои ложные заповеди и активно помогают нашим врагам! Хуже некуда! Только то, что они всегда казались такими беспомощными и убогими, сдерживало в прошлом нашу карающую длань! А они, ловко изображая слабых и немощных, изучали нас! Изучали внимательно и вдумчиво и, должно быть, намного дольше, чем мы можем себе представить. И это знание, отданное ими в руки тех, кто умеет ненавидеть по-настоящему, будет смертельным оружием против нас!

Сделав небольшую паузу, С'лорн продолжал:

— Да, священник мертв, но те, кто послал его, живы. Вы говорите, братья, что он пришел с севера, из этих Аббатств, которые, как вы считали, находятся под вашим неусыпным контролем. Но на самом деле оказалось, что объединенные под властью Аббатств северные государства — Республика Метс и Атвианский союз — представляют собой серьезную угрозу для наших планов. Конечно! Где гарантия, что оттуда не хлынет орда таких же убийц? Значит, нам самим нужно действовать быстро и слаженно. Угроза с севера должна быть устранена — раз и навсегда! И я чувствую, что именно поэтому мне и было предложено возглавить совет.

Остальные трое, склонив головы, внимательно слушали новый план владыки Зеленого Круга.

* * *

Совсем в другом месте, невероятно далеко от мрачных подземелий слуг Нечистого, слегка колыхалась на ветру роща могучих сосен или очень похожих на них деревьев. Кора их огромных, таранящих небо стволов была иссечена трещинами и покрыта зарослями седого лишайника. В самом центре рощи находилась поляна правильной круглой формы, покрытая толстым ковром из опавших сосновых игл. В серебристом свете луны ее поверхность казалась совершенно голой, потому что ничего не росло на этом ковре из иголок, хотя он выглядел необычайно свежим и чистым.

Ни один звук не нарушал тишину опустившейся ночи, за исключением отдаленного уханья вылетевшей на охоту совы и слабого шелеста ветвей, колеблемых шаловливым ветерком. И все же усыпанная сосновыми иглами поляна отнюдь не была пустой. Здесь тоже проходил своеобразный высший совет. Буро-коричневые мохнатые туши неопределенных очертаний удобно разлеглись на колючем ковре, и только горящие во тьме глаза отличали их от поросших мхом каменных валунов. Незаметно, в такт дыханию, вздымались крутые медвежьи бока, пока старейшины племени выслушивали мысленный отчет застывшего в центре поляны разведчика.

Мысли, едва ли доступные существам иной природы, неторопливо кружились в мохнатых головах. Терпеливо и внимательно старейшины изучали доставленную информацию. С давних пор они таились от всех остальных разумных рас этого мира, и теперь, когда от одного решения зависело все их будущее, они не собирались торопиться.

Ночь медленно истончалась, пока мысленные импульсы неспешно перетекали от одного

подключенного в цепь разума к другому. Луна скрылась за облаком, а когда она возникла на небосводе снова, маленькая фигурка Горма исчезла из центра круга, но кольцо огромных бурых тел осталось на месте. Их крутые бока по-прежнему неторопливо вздымались.

* * *

В самом сердце непроходимых джунглей, столь же далеко от поляны медвежьего совета и подземелий Нечистого, как эти места находились друг от друга, раскинулось небольшое тихое озерцо. По его отлогим берегам прихотливо изгибали свои ветви зеленые великаны таких размеров, что по сравнению с ними гиганские северные сосны казались лилипутами. Толстые канаты лиан и прочих лесных паразитов застывшим дождем свешивались с этих могучих древесных башен. В сонном мареве горячего полдня заунывно жужжали тучи насекомых и изредка раздавались звонкие трели суетящихся на ветвях птиц.

По натопанной тропинке к озерцу осторожно подходил огромный черный зверь. Остановившись в ближайших кустах, он принялся внимательно обозревать пустынный берег, в то время как его широкие влажные ноздри втягивали сырой озерный воздух. На бугрящемся могучими мышцами плече животного краснели кровоточащие рубцы, след какой-то свирепой схватки. Венчающие его голову тяжелые разлапистые рога были также выпачканы еще не запекшейся кровью. И все же зверь не выглядел испуганным – просто казалось, что он обладает врожденным чувством осторожности.

Наконец решив, что под темным покрывалом вод не таится никакой опасности, зверь бесшумно вошел в озерцо и поплыл к противоположному берегу, продолжая ловить широко расставленными ушами каждый подозрительный звук.

Выбравшись из озера, Клоц встряхнулся, разбрасывая брызги, и все так же бесшумно припустил вперед по тропе, на север.

* * *

Иеро пробудился на рассвете и, широко раскрыв глаза, с наслаждением потянулся и зевнул. Вот и еще одна ночь позади. С ветви ему открывался прекрасный вид на саванну, только кое-где обзор закрывали редко растущие купы деревьев, на одном из которых он и заночевал. С каждой пройденной милей почва становилась все выше и выше, а древесные стволы прибавляли в обхвате, хотя между отдельными оазисами буйной растительности по-прежнему оставались еще довольно приличные расстояния. Присев на своем ложе, священник мог любоваться кочующими по степи табунами маленьких грациозных животных, похожих на антилоп. С восходом солнца они спешили укрыться в колючих зарослях, спасаясь от донимающих их кровососов и от вездесущих хищников, подстерегавших свои жертвы среди бескрайнего моря пожелтевшей травы. Стада животных покрупнее возвращались на пастбища после ночного водопоя.

Священник склонился над просветом меж ветвей и издал протяжный вибрирующий крик.

Моментально из зарослей колючего кустарника показалась длинноухая голова, и вскоре попрыгунчик, выглядевший так же бодро, словно он провел эту ночь в своем усталом мягкой соломой стойле, уже стоял под деревом.

Иеро спустился вниз и, разбросав кучу веток, вытащил из норы между корнями деревянное седло и всю прочую амуницию, спрятанную там с вечера. Каждое утро он испытывал необычайное облегчение при виде того, что Сеги, как и прежде, жив и здоров.

– Все дело в том, парень, – сказал Иеро, почесывая хоппера между ушей, – что ты представляешь для меня серьезную проблему. И мне было бы гораздо спокойнее, если б ты находился сейчас где-нибудь подальше отсюда. Не правда ли, хорошая благодарность после всего, что ты для меня сделал? – Длинный розовый язык шершавой теркой прошелся по его лицу, и священник, отплевываясь, расхохотался.

Однако все это было шуткой только отчасти. Безопасность Сеги в самом деле глубоко тревожила его хозяина и, к своему сожалению, он не видел никаких способов, чтобы хоть как-то улучшить ситуацию. Если человек ночью мог забраться на дерево, то попрыгунчик, выросший на открытой равнине, оставался совершенно беззащитным. Да, пока еще ему хватало открытого пространства, но по мере приближения к

холмам прерия постепенно превращалась в лес, а в лесу Сеги будет труднее спастись от кровожадных ночных хищников. Пусть он даже не станет убегать от них – его огромные задние лапы сами по себе были прекрасным оружием – но для того, чтобы размахивать ими, прыгать и производить иные маневры, тоже нужно место. А на это как раз рассчитывать не стоило.

Единственное, что Иеро мог сделать – каждый раз при остановке на ночлег снимать с Сеги всю упряжь, чтобы хоть как-то облегчить ему свободу передвижений. Не раз он просыпался в надежде, что попрыгунчик ушел, отправился к своему далекому дому и относительной безопасности. Если уж Сеги смог добраться до него под седлом и с полной нагрузкой, то, двигаясь налегке, он имел куда больше шансов благополучно закончить это рискованное путешествие.

Но хоппер не уходил. Что бы там Лучар еще не заложила в его бесхитросный мозг, впридачу к естественной симпатии к хозяину, порвать такую сильную связь Сеги был не в силах. Он нашел нужного ему человека и теперь явно предпочитал оставаться с ним. И никакие уговоры и приказания не могли заставить его повернуть назад. Однажды ночью Иеро, рискуя сломать себе шею, спустился с дерева, на котором спал, и попробовал незаметно убраться подальше. Однако, прислушавшись, он обнаружил, что его лопухий скакун, словно ни в чем не бывало, шлепает за ним по тропинке, подвергая себя еще большей опасности. После этого происшествия священник прекратил все попытки каким-либо образом избавиться от привязчивого Сеги. Раньше с помощью телепатического внушения он бы в два счета справился с подобной задачей. Но теперь...

Вздыхнув, Иеро рассеянно почесал теплый бок животного; за последние дни он здорово привязался к своему пушистому спутнику. Там, в Д'Алви, Сеги был для него лишь занятой игрушкой, не более, теперь же между ними возникла прочная привязанность. Конечно, мозг попрыгунчика сильно проигрывал в сравнении с разумом Клоца; к тому же, Иеро воспитывал лорса много лет... Однако он начинал испытывать к Сеги столь же теплые чувства.

Он достал еду и принялся завтракать. Интересно, где же теперь Клоц? И жив ли он? Следующая мысль, автоматически всплывшая в его сознании, была тут же подавлена. Нет, сейчас совсем не время, чтобы терзать себя воспоминаниями о далекой возлюбленной...

* * *

Несколькими часами позже Иеро остановил Сеги и, прикрывая ладонью глаза, стал всматриваться в открывающийся впереди пейзаж. Там – правда, еще на приличном расстоянии – сплошной стеной вставал лес. Насколько путник мог понять, перед ним лежала теперь западная оконечность великих джунглей юга. И те деревья, которые до сих пор встречались ему по пути и которые у него на севере считались бы просто огромными, на самом деле были всего лишь жалким подлеском, обозначающим приближение к настоящему древесному царству – самым дремучим и самым опасным джунглям на всей планете. Порожденная Смертью радиация необычайно подстегнула рост всевозможных представителей флоры южных лесов. Под ее воздействием незаметные прежде растения принимали поистине чудовишные формы и размеры. Возможно, этому способствовал еще один фактор, который древние называли парниковым эффектом. В общем, так или иначе, южная оконечность североамериканского материка теперь оказалась покрытой непроходимым тропическим лесом совершенно невиданной пышности и разнообразия.

И за этими деревьями, возбужденно думал Иеро, всего на расстоянии одного дневного перехода, лежат его пурпурные холмы. Как бы он хотел сейчас прогуляться по их живописным склонам, курящимся синими туманами! Только прирожденная доброта к животным не позволяла ему гнать бедного попрыгунчика во весь опор, вперед и вперед, навстречу пурпурно-синей мечте.

Обладай Иеро хотя бы четвертью своих прежних ментальных сил, для него не составило бы труда понять, что он действует сейчас не по своей воле, и что навязчивая идея, заставляющая его в течение многих дней отклоняться от выбранного маршрута и двигаться на юго-запад, внедрена ему в голову весьма умело и деликатно. Но о телепатическом таланте он помнил лишь то, что несколько недель назад расстался со всеми своими умениями – чтением мыслей, установкой защитных экранов, ментальным предвидением и способностью к мысленным битвам. Он снова и снова пытался каким-то образом

восстановить потерянные навыки, но все было тщетно. Наркотик Джозато поработал на славу, сведя его ментальный дар к возможностям новорожденного младенца.

Сделавшись ментальным слепцом, Иеро вполне резонно полагал, что для всех остальных телепатов он выглядит «пустышкой» – а это, как выяснилось, было совсем не так. Наркотическое зелье вытравило его былые способности, и для большинства живых созданий, в том числе и для слуг Нечистого, он теперь являлся пустотой, «ментальным нулем»; ведь даже Лучар, столь крепко привязанная к нему, не смогла обнаружить его мысленной ауры. Попрыгунчик же, руководствуясь своим прекрасным обонянием, шел за ним по запаху, и всякая хорошо тренированная собака-ищейка могла сделать то же самое.

Но, кроме слуг Нечистого, существовали и другие порожденные Смертью создания, обладавшие способностями к телепатии, и об этом Иеро, без сомнения, знал по собственному опыту. Правда, он совершенно не предполагал, что одно из таких созданий сумеет проникнуть в самый глубокий и неповрежденный слой его мозга.

Весь день священник со своим скакуном медленно, но неуклонно продвигался к лесу, стараясь, по возможности, обходить кучи опавшей листвы и завалы из сухих веток. С каждой пройденной милей делать это становилось все труднее и труднее. На поверхности почвы появились складки; сначала мелкие, они постепенно становились все глубже и рельефней. Пока что эти неглубокие канавы не являлись серьезным препятствием для прыгуна, однако было ясно, что вскоре они превратятся в обширные овраги, берущие начало на склонах холмов. По ним, как по канализационным трубам, стекала вода во время дождей.

С приходом ночи Иеро разбил лагерь в одной из таких промоин, по дну которой лениво струилась маленькая речушка. В склоне оврага, довольно высоко над уровнем воды, он обнаружил вместительную каменную нашу, где ему удалось устроить даже своего хоппера. Загнав Сеги внутрь, он завалил вход кучей хвороста.

Пушистый скакун прекрасно чувствовал себя в таком убежище; закусив какой-то травой и сползающими по каменным стенкам лианами, он улегся в углу и принялся флегматично пережевывать свою жвачку.

Луна этой ночью не взошла, но звезды светили ярко. Большую часть времени Иеро провел без сна, изучая темную изломанную линию высившихся на горизонте холмов. Это, должно быть, очень старые горы, решил он наконец, одряхлевшие и прилизанные ветром. По крайней мере, молодые северные хребты по своему виду сильно отличались от того, что было сейчас перед его глазами. Там, где ветер нанес достаточно почвы, склоны холмов щетинились лесом. Впрочем, несмотря на возраст, подходы к горным вершинам отнюдь не были простыми – среди макушек деревьев словно клыки дракона поднимались голые каменные утесы, преграждающие дорогу наверх. Мысли Иеро вновь возвратились к попрыгунчику. Как же ему заставить Сеги уйти домой? Ведь здесь, в этой гористой, заросшей лесом местности хоппер лишится своего основного средства защиты – быстроты; тут крепкие быстрые ноги его не спасут. Значит, хозяину придется работать за двоих, уменьшая и без того скромные шансы выбраться отсюда живыми.

Дважды за эту ночь негостеприимные обитатели джунглей пытались добраться до их убежища. В первый раз чей-то гневный рык заставил прыгуна, вращавшего глазами от страха, прижаться к дальней стене пещерки. К его чести надо отметить, что Сеги не запаниковал и целиком положился на воинское искусство своего хозяина. Начни он метаться по этому крошечному пятачку земли или попробуй выбраться наружу, все могло бы кончиться гораздо печальнее.

Иеро, пригнувшись и взяв оружие наизготовку, застыл у закрывающей вход баррикады. Внезапно и абсолютно бесшумно из-за сложенного из ветвей барьера протянулась огромная когтистая лапа, покрытая редкими пучками ярко-алого меха. С точки зрения священника этого было вполне достаточно!

Подхватив на широкое копейное лезвие несколько жарких углей из костра, он ловко высыпал их на столь неожиданно вторгшуюся в их убежище конечность. Наступило секундное молчание; затем лапа исчезла, и с внешней стороны баррикады донесся еще один оглушительный вопль, сопровождаемый треском сухих веток, которые в ярости крушил обладатель громкого голоса. Вскоре вопли и взвизгивания затихли в ночи, и Иеро позволил себе облегченно вздохнуть. Повидимому, его неосторожный ночной гость отправился к реке, залечивать свои ожоги.

Потом священник несколько часов дремал, привалившись к теплому боку попрыгунчика и просыпаясь только для того, чтобы подбросить хвороста в огонь. Ночь вокруг звенела криками и шорохами; когда чуть слышное шарканье чьих-нибудь огромных лап раздавалось рядом с укрытием, Иеро сразу же пробуждался от дремы и на шаривал в темноте копье. Хищники, однако, не решались ломиться сквозь преграду из веток и предпочитали бродить вокруг – их явно отпугивал огонь, а также незнакомый запах человека и его скакуна.

В результате Иеро так и не удалось выспаться – и, как оказалось, к лучшему; утратить он бдительность хоть на минуту, и вторая атака вполне могла увенчаться успехом.

Священника насторожил какой-то странный звук, то становившийся громче – так, что журчание протекающей рядом речки делалось совершенно неслышным, – то, наоборот, замиравший вдали. Звук приходил откуда-то сверху и был похож на негромкое хлопанье паруса на корабле, что повторялось с необычайной быстротой и ритмичностью. Этот вкрадчивый шорох настолько гармонировал с непрекращающимся рокотом джунглей, что Иеро удавалось различать его лишь тогда, когда весь остальной шум на какие-то мгновения смолкал. Попрыгунчик же, даже если и заметил странный звук, определенно не придал ему никакого значения. Забившись в угол, он сонно таращился в огонь, пережевывая свою вечную жвачку.

Перед самым рассветом Иеро вдруг услышал хлопки совсем рядом; почти инстинктивно он подбросил еще несколько веток в догорающий костер.

Звук неожиданно превратился в оглушающий рокот, и биение огромных крыльев подняло небольшой ураган на маленьком клочке земли, где скорчились человек и попрыгунчик. В свете ярко разгоревшегося пламени Иеро наконец-то смог разглядеть, кто на этот раз вторгся в его убежище, и глаза его расширились от ужаса.

Прямо над ним нависло искаженное демоническое лицо – остrokонечные, покрытые слюной клыки, горящие глаза-лампы, пороссячье рыло вместо носа и треугольные, словно вырезанные из жесткой лоснящейся кожи, уши-локаторы. Сморщенное голое тельце этого ночного призрака поддерживала в воздухе пара огромных кожистых крыльев. Словно в насмешку, голова чудовища, по своим размерам и форме напоминавшая небольшой винный бочонок, была посажена на маленькое и костлявое туловище.

Острые челюсти щелкнули перед лицом Иеро и, моментально отпрянув, он поднял копье. Летучая тварь рванулась ему наперерез, ветер от ее гигантских крыльев заставил пламя в костре взметнуться еще выше. Обезумевший от страха попрыгунчик жалобно пищал в углу. Но на этот раз священник был начеку.

Его копье описало короткую стремительную арку и, несмотря на поразительную увертливость монстра, впилося ему в плечо, там, где одно из крыльев соединялось с уродливым телом. Вскрикнув на невероятно высокой ноте, ночной призрак конвульсивно забил крыльями и через мгновение сгинул в темноте каньона. Обернувшись на восток, Иеро заметил на небе тоненькую светлую полоску – длинная ночь закончилась.

Уперев копье в землю, священник медленно опустился на колени, вознося благодарственную молитву за спасение от сил тьмы, молясь за будущее всех достойных людей, каждой наделенной разумом и добротой твари Божьей, за красоту и свежесть благословленной Господом земли. Он просил Бога укрепить его дух для новых испытаний и не оставлять своей милостью тех, кто ему так дорог. Наконец, осенив себя последним крестным знаменем, Иеро устроился на холодном камне и уснул, как только его голова коснулась земли.

Сеги, с первыми лучами солнца забывший все свои ночные страхи, насторожил длинные уши и потянулся к свисавшим со стены молодым зеленым побегам. Наступила его очередь нести караул.

ГЛАВА 5. ОТШЕЛЬНИК С ТУМАННОГО ОЗЕРА

Иеро проснулся с головной болью. Нет, он не чувствовал себя больным, а лишь немного разбитым и заторможенным. Некоторое время, сидя под крапывающим мелким дождем, он размышлял, не сырая ли погода явилась причиной его мигрени, и наконец решил, что дождь тут ни при чем; день был вовсе не холодный, скорее наоборот. Раньше ему случалось ночевать и не под такими ливнями, но головной боли или иных недугов он не ощущал. Возможно, какие-нибудь гнилостные испарения поднялись утром над рекой и отравили его сон. Невероятное дело! За тридцать с лишним лет своей жизни он привык к тому, что здоровье не является поводом для тревоги. В сравнении с древними временами, такая ситуация была совершенно обычной; в мире после Смерти болели сравнительно мало. Разумеется, кое-где еще сохранились очаги всяческой заразы, результат применения бактериологического оружия, но посещать такие районы было строжайше запрещено, да по своей воле туда никто не рвался; наоборот, все старались избегать запретных мест. Так что за всю свою жизнь Иеро пару раз подхватывал простуду, но кроме этого не болел ничем. А сейчас виски у него словно сжимает обруч... Нет, это было невероятно!

Священник раздраженно помотал головой, будто стараясь вытрясти внезапно одолевшую немочь. В висках по-прежнему ныло. Может быть, он чувствовал не мигрень, а так, легкое недомогание, но с непривычки расстроился – надо же, собственный организм ополчился против него! Если ломота не пройдет сама собой, придется что-то делать... Ему не могло прийти в голову, что боль вызвана внешней причиной, той силой, что на протяжении многих дней упорно тащила его сюда. Такое предположение казалось просто невероятным.

С трудом запихивая в себя завтрак, Иеро мрачно размышлял о событиях прошлой ночи и о том, куда ему в следующий раз пристроить Сеги. Пожалуй, сегодня им повезло, но кто знает, что случится завтра? С другой стороны, можно путешествовать в темное время суток – хоппер, конечно, выдержит – но заниматься такими экспериментами в незнакомой местности, где полно хищников, наверняка рыть себе могилу. Священник вспомнил о крылатом кошмаре, навесившем его прошлой ночью, и тут же сделал еще одну мысленную пометку на память. Если не считать гигантских чаек, у которых он в свое время отбил Лучар, прежде никто и никогда не пытался напасть на него с воздуха. Но птицы на побережье скорее всего находились под телепатическим контролем шамана белых дикарей, а эта тварь действовала по собственной инициативе. Да, теперь ему придется стать еще осторожнее!

Седлая прыгуна, Иеро искоса поглядывал на лежащий впереди узкий зев ущелья, но, кроме каких-то маленьких птичек, гонявшихся за насекомыми в мутноватом утреннем тумане, там не просматривалось ровным счетом ничего. Хор ночных голосов давно утих, и только изредка чей-нибудь далекий вопль или рык напоминали о том, что обладатели голодных желудков никуда не исчезли и ждут ночи в своих берлогах. Птички благозвучно чирикали, и, вместе с едва заметным плеском льющейся воды, то были единственные звуки, нарушавшие тишину ущелья.

Однако Иеро внимательно оглядывался по сторонам, когда разобрал баррикаду и выпустил Сеги наружу. Сейчас лишь вывороченные с корнем кусты напоминали о летающем чудище, решившем полакомиться всадником и его скакуном. Священник уселся в седло, и прыгун послушно припустил вперед по сужавшемуся ущелью. В конце его виднелись высокие деревья и можно было надеяться, что склон там более пологий и удобный для восхождения.

Много часов спустя Иеро уже так углубился в лабиринт оврагов и лесных дебрей, что, совершенно потеряв ориентацию, продолжал ехать наобум. Боль в голове постепенно усиливалась, но он не обращал на это внимания. Постороннему зрителю сейчас могло показаться, что всадник выглядит как-то странно; отсутствующее выражение глаз говорило о предельной концентрации, словно он отчаянно пытался объяснить – или внушить себе – некую мысль.

Зато его скакун явно беспокоился. Дождь перестал, зато густой, как сметана, туман окутал путников сплошной серовато-белой массой, и пробираться сквозь него приходилось почти наощупь. Огромные, покрытые мхом валуны важно выплывали из белесоватой дымки и проваливались туда же, когда попрыгунчик проносился мимо. Деревья по большей части сменились гигантскими зарослями похожих на лопухи растений и папоротниками, чьи макушки плавали где-то в тумане, высоко над головой. Почва стала сырой, болотистой и негромко хлюпала под лапами Сеги. Несчастный хоппер совсем извелся от страха –

его большие глаза непрерывно вращались, а длинные уши нервно подергивались то в одну, то в другую сторону.

Впрочем, любое существо, с ментальным даром или без него, чувствовало бы себя здесь неуютно. Что до священника, то он, казалось, впал в транс и, в то же время, какой-то частью сознания хладнокровно регистрировал все происходящее – например, сейчас они ехали по дну глубокого каньона, который, постепенно повышаясь, вел куда-то вверх. Весь трагизм ситуации заключалась в том, что подобные факты лишь оседали в его памяти, но разум не обрабатывал их – «обратная связь» отсутствовала. Любые тревоги попрыгунчика ласково, но непреклонно подавлялись, и дрожащий, но по-прежнему послушный зверь двигался туда, куда направлял его человек. Преданность хозяину и годы постоянных тренировок пока что держали в узде его животные инстинкты, настойчиво предупреждавшие об опасности.

Через несколько часов земля – или та мокрая смесь из раскисшего мха и грязи, которую можно было назвать землей – пошла под уклон, и небольшие мутные ручейки дождевой воды заструились в попутную сторону.

Тишина больше не давила. Кроме их собственного дыхания, убаюкивающего поскрипывания кожаного седла и хлюпанья почвы под лапами попрыгунчика, сквозь туман не доносилось абсолютно никаких звуков. Лишь изредка гулкие шлепки срывающихся с веток капель достигали ушей священника. Казалось, они навсегда затеряны в этом молчаливом, затянутом белесоватой дымкой мире, неподвижном, статичном, навеки отданном во власть серых туманов и гигантских влажных лопухов. Движение здесь выглядело как некий вызов сложившемуся укладу жизни, а уж о громких звуках и говорить не приходилось. Только ленивые, заросшие мхом валуны, да глядевшие в сонные лужи огромные папоротники имели право обитать в этом далеком от солнца уголке мира.

И все же путники продолжали идти вперед по топкой тропинке, змеившейся среди отполированных водами камней, где даже вездесущий мох не мог найти опору. Клубы густого тумана кольцами обвивались вокруг них, поглощая все звуки, словно укутывая их в толстое ватное одеяло.

Но вот инстинкт подсказал Иеро, что они выезжают на открытую местность. Обволакивающий их туман нисколько не поредел, но какое-то внутреннее чувство не позволяло священнику усомниться в возникших ощущениях. Нет, они определенно находятся уже не в узком овраге! Скорее, внутри огромного котлована в сердце страны холмов... И здесь кто-то его поджидает – так же, как и многих других, пришедших сюда до него... Все они одолели десятки миль, чтобы попасть в это место, ибо так пожелал властитель державы туманов.

Иеро заставил Сеги остановиться и бездумно оглянулся вокруг. Туманная завеса медленно поднялась, и он увидел воду.

Прямо перед ним раскинулось небольшое горное озеро, и мгла, клубясь над водой, отступала к дальнему берегу. Они стояли на вытянутой низкой косе, глубоко вдававшейся в неподвижную водную гладь. Почва под ногами уже не выглядела мокрой смесью грязи и мха; наоборот, это было что-то ощутимо плотное, надежное, хотя и не такое твердое как камень. Священник поглядел вниз и увидел россыпь маленьких белых предметов; одни из них были округлыми, другие щетинились изломами и острыми углами, а вдалеке лежали и более крупные экземпляры, размером с его руку и даже с поваленный древесный ствол. Вдруг что-то сдвинулось в его голове, и он, на секунду прикрыв глаза, распахнул их снова.

Кости! Вот это что такое! Перед ним, от берега до берега, простиралось огромное кладбище!

Сколько живых существ из внешнего мира внесло свою лепту в этот чудовищный могильник, не мог бы сказать никто – даже, пожалуй, сам обитатель горного озера.

С первого взгляда было ясно, что эта таинственная тварь не имеет никаких пристрастий, касавшихся ее рациона. Просторные, выпуклые, увенчанные метровыми бивнями черепа травоядных исполинов валялись на берегу вместе с более плоскими и вытянутыми черепами антилоп; торчавшие из-под мха челюсти хищников с острыми клыками подтверждали, что и они нередкое блюдо в меню хозяина джунглей; останки рептилий, земноводных и млекопитающих мирно лежали здесь, разделив общую судьбу и, наконец, соединившись в вечном сне. В смерти! Единственным свидетелем этого вечного союза была разъедающая их плесень, а единственной эпитафией – молчание.

Человек и прыгун тоже молчали. Сеги перестал дрожать и погрузился в какую-то странную апатию, Иеро же просто сидел и ждал – неподвижная бронзовая статуя на бронзовом скакуне. Две головы, одна над другой, зачарованно уставились в черную воду, словно заранее соглашаясь ждать столько, сколько будет нужно. Ждать терпеливо и покорно, совсем как те холмы, что пленяли мечтой о вечном спокойствии...

Туман мелкими каплями оседал на головной повязке Иеро, в то время как его зрачки не отрывались от озерной глади, и даже проблеск сомнения не мелькал в их темной глубине. Слуга, склонившись, ждал послания от своего господина... И когда оно, наконец, пришло, человек вздрогнул от удивления. Оно звучало у него в голове!

«Привет тебе, Двуногий! Ты слишком долго шел сюда, если считать в тех интервалах, в каких ты и тебе подобные измеряют время. Создание, на котором ты сидишь, помогло тебе добраться к озеру быстрее. А теперь оставь свое животное. Оно уже послужило нашим целям, и теперь бесполезно для тебя. Иди по берегу направо, там ты сможешь отдохнуть и подкрепиться. Ты знаешь, что нам обоим предстоит многое обсудить.»

Как только этот беззвучный голос раздался в сознании Иеро, он испытал внезапный шок; казалось, отравленные наркотиком нервные окончания в ментальном центре его мозга вдруг воспрянули, затрепетали, вновь готовые чувствовать и воспринимать. Пока что они не подчинялись сознательному контролю, но главное, они жили! Священник мог ощущать ментальную ауру говорившего с ним существа, мог хладнокровно подсчитать свои потери, и, кроме этого, он чувствовал, что разум его вырывается из гнетущего плена; он больше не был заключен в темнице собственного разума. И все же он должен был подчиниться.

Иеро спешил. Прыгун продолжал неподвижно сидеть на корточках, словно большая пушистая кукла; его широко распахнутые глаза бессмысленно уставились в одну точку, как будто он не видел перед собой ничего. Человек медленно побрел вдоль берега, лавируя среди куч особо крупных костей. Его проснувшийся мозг напряженно работал, сравнивая, анализируя, отбирая.

Очевидно, голос, услышанный им, не принадлежит человеку. В то же время он казался совсем не похожим на голос Дома, и все их сходство заключается лишь в чувстве холода и ощущении огромного возраста говорящего. В остальном же Дом походил на водоворот кипящей ярости, ненависти ко всему, что не похоже на него, что не желает присоединиться к нему, чтобы затопить мироздание ливнем разумных спор. А этот разум, наоборот, спокоен и безмятежен, как горное озеро, что раскинулось сейчас перед ним. Голос этого существа звучал остраненно, как бы издали, не завидуя человеку и не презирая его, будто его обладатель находился в стороне от потока жизни, не желал тратить свои силы на такую мелочь, как эмоции и чувства. И если что-то подобное чувствам у него имелось, то они были запрятаны весьма глубоко.

Все еще не оставляя попыток разгадать природу своего таинственного собеседника, а заодно стараясь унять пустившиеся вскачь мысли, Иеро продолжал карабкаться по грудам старых костей, поросших скользким мхом. Наконец он очутился на небольшом уютном пляже, покрытом галькой, и подошел к берегу. Над озером все еще курились туманы, и лучи появившегося из-за туч светила окрашивали призрачную дымку над водой во все оттенки радуги.

Священник присел на покрытую мхом кочку и задумчиво уставился на гряду мокрых темных камней. Сейчас голос хозяина озера молчал, и мозг Иеро регистрировал только гулкую пустоту; впрочем, было ясно, что владыка туманной страны никуда не исчез, а потому – малейшее неверное движение, и человек вновь окажется под жестким ментальным контролем. С той стороны, откуда только что пришел священник, раздался всплеск, но каких-либо других звуков не последовало, и Иеро оставалось лишь гадать, что же там случилось. Но вот знакомый уже голос снова зазвучал в его сознании:

«Ну что ж, Двуногий, я читаю в твоих мыслях, что ты не голоден и не хочешь пить. Хорошо. Очень хорошо. Это значит, что мы можем спокойно побеседовать.»

Станный голос вещал не словами, скорее – непрерывно сменявшимися друг друга образами, что было совсем непохоже на ту прямую мысленную речь, которой пользовался Иеро при общении с Гормом и Клоцем. Казалось, это существо владеет мысленной речью с недавних пор и еще не успело как следует в ней попрактиковаться; однако, в силу огромных возможностей своего разума, оно умудрилось быстро

наладить взаимопонимание с человеком.

«Ты можешь говорить со мной, Двунюгий. Разумеется, мысленно – только так, и только со мной. Здесь нет никого, с кем бы ты мог разговаривать звуками, как делают существа твоего вида. Поэтому ты будешь говорить только со мной и ни с кем больше.»

Мозг Иеро дрожал от напряжения. Очень осторожно он попытался использовать мысленную речь, в то же время установив какое-то подобие ментального экрана, чтобы собеседник не смог проникнуть в самые глубины его сознания.

«Кто ты? – спросил он, – и чего ты хочешь? Почему я не могу тебя увидеть? И что это за место?»

Он мог бы поклясться, что различает не лишнее иронию удивление своего собеседника, на которого сразу свалилось столько вопросов. Он также понял, что в сознании хозяина озера нет ни угрозы, ни той ауры враждебности, которая всегда отличала связанных с Нечистым тварей. Но разум священника уже сосредоточился на том, что пыталось сообщить ему это существо. Он действительно мог говорить ментально, но только с ним; его способности восстановились в узком диапазоне, вне которого он был по-прежнему глух и слеп ко телепатическим излучениям внешнего мира.

«Слишком много вопросов, – снова зазвучал голос. – Нельзя отвечать на все сразу, поэтому я попытаюсь установить очередь. Во-первых, в свое время мы, конечно, увидим друг друга. Поверь, у меня есть серьезные основания, чтобы не показываться тебе сразу... хотя ты очень нетерпелив, как, видимо, большинство из вас? – Пройгнорировав свой вопрос, существо продолжало: – Это место, где я обитаю, и другие мне не известны. Возможно, я никогда не узнаю и не увижу их. Я привел тебя сюда, постепенно притягивая твой разум, каждую минуту наращивая силу своего призыва. Я сделал это потому, что увидел, как непохоже твое сознание на те, с которыми мне до сих пор приходилось иметь дело. Множество восходов и закатов луны минуло с тех времен, когда первый из двунюгих появился здесь. Это случилось так давно, что даже я уже сбился со счета... Но неважно; очень немногие из твоего племени приходили сюда, но их крохотные разумы казались темными и полными страха. Я не смог достучаться до них, и я дал им мир. То, что содержалось в их мыслях, было наполнено кровью, ужасом и жестокостью – точно так же, как у диких зверей. Поэтому, как и все остальные, они ушли.»

Еще раз внимательно посмотрев на громоздящиеся со всех сторон холмики костей, священник почувствовал, как неприятный холодок бежит по его спине. Интересно, что означают эти слова: «дал им мир», «они ушли»? Куда ушли? И зачем?

Однако наблюдавшее за ним существо тут же уловило его страх, и удивленный священник понял, что никакие ментальные щиты не помогают против разума такой колоссальной силы.

«О нет, не бойся! – произнес голос с внезапной симпатией. – Ты не сумеешь мне помочь, если будешь напуган, как и твои предшественники. Я не причиню тебе вреда. Когда я почувствовал всю силу твоей мысли, даже несмотря на то, что мозг твой был изуродован и подавлен, я постарался привести тебя сюда. А ведь ты был очень далеко, Двунюгий, так далеко, что я едва сумел дотянуться до твоего сознания! И, чтобы заставить тебя свернуть с дороги, мне пришлось немало потрудиться. Ты знаешь, после этого я даже утомился, а такого со мной никогда не случалось.»

Наступила пауза. Было похоже, что собеседник Иеро старательно подбирает нужные слова и образы, чтобы объяснить то, что ему еще никогда не приходилось объяснять.

«Итак, я обнаружил твой мозг и выяснил, что он закрыт, заблокирован для любого контакта, и даже я не могу установить связь с большого расстояния. Но тот, кто закрыл твой мозг – а я вижу, что это сделали без твоего согласия – не учел, что на свете существую я! – Иеро показалось, что он различает некий оттенок гордости в беззвучном голосе. – Я нашел такое место, которое не закрыто барьером. Как вы говорите, щель или маленькую дырочку. И сквозь нее я послал свою собственную мысль, призывая тебя сюда. Мне пришлось потратить массу энергии, и я сильно проголодался. Даже сейчас, приняв пищу, я все еще голоден, и потому должен найти себе еще еды, прежде чем мы побеседуем снова. Ты тоже можешь отдохнуть и принять пищу. Иди туда, где ты оставил свое животное и заведи все нужные тебе вещи. Потом возвращайся на это же место и отдыхай. Мы сможем поговорить с тобой чуть позже. И не бойся ничего. Ни один хищный зверь не появится у моего озера, если я не пожелаю, и никто не уйдет отсюда, пока я не

разрешу.»

Все! В сознании Иеро опять наступила тишина. Он припомнил последние слова своего невидимого собеседника, и невольно вздрогнул. «Никто не уйдет отсюда, пока я не разрешу...» Неужели такова и его судьба – погибнуть здесь, на берегах безымянного озера, в пасти неведомой твари? Умереть, не закончив своего дела и не увидев Лучар?

Священник медленно осенил себя крестным знаменiem. Если когда-нибудь он нуждался в Божьей помощи, то, кажется, этот час настал! Но не страх близкой смерти и даже не горечь одиночества заполонили сейчас его душу. Его мучило другое: неужели он преодолел так много препятствий, прошел бесчисленное количество миль лишь затем, чтобы встретить здесь позорный и глупый конец?

Внезапно мысли его возвратились к событиям прошлого, недавнего и далекого, и почему-то это принесло ему утешение и вновь вселило надежду в сердце. Он вспомнил свою родину, оставшуюся далеко на севере, и начало своего пути, затем одну за другой перебрал все свои удачи и промахи, вспомнил о побежденных врагах и найденных друзьях – и, наконец, о той единственной женщине, которую спас от смерти и полюбил. Этого оказалось достаточно, чтобы дух его воспрянул. Ведь он пока что жив, а потому не стоит считать себя приговоренным к смерти! Настоящий воин всегда знает, когда нужно сражаться, а когда – выжидать. Сейчас надо потянуть время. Это странное существо еще не причинило ему никакого вреда – наоборот, оно предлагает ему поесть и отдохнуть. Что ж, он сделает и то, и другое.

Иеро повернулся и зашагал в обратном направлении, туда, где остался прыгун и вся его поклажа. Дождь кончился, и рассеянного солнечного света стало немного больше, но карабкаться по холмам скользких от влаги костей было по-прежнему неудобно.

Наконец он увидел в тумане знакомые контуры – похоже, что уставший от долгого ожидания попрыгунчик прилег на землю. Вот только куда подевались его длинные задние лапы? Странно... И вдруг ужасное предчувствие холодной иглой кольнуло его сердце. Иеро со всех ног ринулся к маячившему в туманной дымке силуэту, уже не замечая, чьи костяки и черепа он топчет. Добежав до сероватой кучи камней, которую он принял по ошибке за своего скакуна, священник, тяжело дыша, опустился на засыпанную костями землю. На ней, прямо у его ног, лежали седло, упряжь, копьe и все остальное снаряжение. Только от Сеги не осталось ровным счетом ничего! Его добрый пушистый скакун исчез, растворился в воздухе, непонятно каким образом сняв с себя всю эту хитрую, надежно закрепленную амуницию. На ней почему-то остался тонкий слой прозрачной, лишенной запаха слизи.

Иеро выхватил из ножен меч и отчаянно махнул им в сторону безмолвного озера. Теперь он понял, что было причиной всплеска. Теперь он знает, кто мог оставить липкие следы!

«Будь ты проклят! – закричал он на единственно доступной ему ментальной частоте. – Хватит прятаться! А ну, вылезай из своей грязной лужи и попробуй справиться со мной, а не с бедным беззащитным животным! Ну, давай же, иди сюда, безмозглый моллюск! Выходи, я жду!»

Сам того не замечая, последние слова он выкрикивал уже вслух. От бессильной ярости из глаз у него брызнули слезы. Надо же, так подло убить беззащитного попрыгунчика! В том, что у Сеги не было ни малейшего шанса спастись от неминуемой гибели, Иеро не сомневался.

Никакого ответа. Темное озеро оставалось таким же спокойным, над его зеркальной поверхностью все также курился поблескивающий туман, и ничего не нарушало царившую у берегов тишину. Дальний край обширного водоема был скрыт висевшей в воздухе переливчатой дымкой, и единственным источником движения являлись лишь суетливо сбегавшие по кустикам мха водяные капли.

Он все еще дрожал от ярости. Ведь это была его ошибка – он слушал пустую болтовню, в то время как его единственный друг был хладнокровно убит и съеден Бог знает каким чудовищем. Но скоро его гнев сменился холодной решимостью. Ладно, что сделано, то сделано, но он еще доберется до этого хвастливого водяного червяка! Его бедный скакун доверял ему до самой смерти... и к смерти он его и привел... Теперь, когда мозг священника освободился от гипноза, он с легкостью вспомнил, сколько раз Сеги пытался предупредить его о таившейся впереди опасности. Но нет, обманутый и одураченный, он, Иеро Дистин, словно послушная марионетка, лишь погонял скакуна, желая добраться до этих проклятых холмов... И вот что из этого вышло!

Ну что ж, пожалуй стоит внять совету этого существа, поесть и отдохнуть... Иеро вытащил из седельных сумок сушеное мясо и корни и медленно сжевал их, глядя на черную поверхность воды. Покрытый костями берег был достаточно красноречив, явно намекая, что его пленитель появится из озера. Сейчас он не мог выманить этого монстра из воды, а потому оставалось лишь готовиться и ждать. Ждать, пока сожравшая Сеги тварь проголодается снова и вылезет на берег. В том, что это рано или поздно случится, священник не сомневался; судя по валявшимся вокруг костям, аппетит у подводного жителя был отменный.

Потоптавшись на заросшей мягким мхом поляне, он выбрал наиболее сухое место, где и растянулся, положив копьё себе на грудь, а меч – под правую руку. Справившись с первым приступом гнева, он чувствовал теперь, что это оружие мало чем будет полезно. Но оно служило как бы символом его готовности, знаком того, что он не отступил и не сдался. Уже засыпая, священник поднял перед собой копьё с распоркой, образующей крест, и пробормотал молитву, еще раз помянув добрым словом преданно служившего ему зверя.

Из глубин озера кто-то внимательно прислушивался к этим словам. Кто-то чужой – но, как и каждое из творений Господних, невероятно уставший от своего одиночества.

Когда Иеро пробудился, стояло уже позднее утро. Мгла над озером заметно поредела, и усыпанный костями берег просматривался в обе стороны на значительно большее расстояние. Неба по-прежнему не было видно, но прорывавшийся сквозь низкую завесу облаков свет имел приятный золотистый оттенок.

Священник потянулся и зевнул, но, при воспоминании о том, что случилось тут вчерашним вечером, холодная ярость вновь охватила его. Присев на корточки и удобно пристроив копьё на сгибе локтя, Иеро посмотрел на воду, серую в разгорающемся сиянии утра. И к его безмерному удивлению на первый же ментальный окрик последовал незамедлительный ответ:

«Я понимаю, что каким-то образом причинил тебе боль, – зазвучал в голове путника бесплотный голос. – Я видел это в твоих мыслях, пока ты отдыхал. К сожалению, когда ты спишь, я не могу делать подобные вещи с той же легкостью, но я уловил, что ты почему-то сердись на меня. Да, я убил твое животное, но я не думал, что это так тебя расстроит. Похоже, вы каким-то непонятным образом связаны друг с другом, но это существо совсем не походило на тебя, и вы никак не могли быть равными партнерами. Оно несло тебя как груз и делало это не по собственной воле... нет, ты использовал его, как мелкое животное использует более крупное и сильное. И твоя жизнь совершенно не зависит от этого животного; просто с его помощью ты мог передвигаться быстрее. – Наступила короткая пауза, как будто голос пытался облечь в слова некую новую мысль. – Вот почему я не понимаю источника твоего гнева, но постараюсь сделать все, чтобы загладить свою вину. Объясни мне, в чем же она состоит.»

Все раздражение Иеро мгновенно испарилось по причинам, малопонятным для нетелепата. Сейчас он *знал*, что его собеседник говорит совершенно искренне. Его восприимчивый мозг был слишком хорошо натренирован, чтобы не отличить истину от лжи, и он понимал, что эта невидимая тварь не пытается его обмануть. Все, что было сказано, с точки зрения озерного монстра было абсолютно правильным, верным и неоспоримым. Владыка озера в самом деле был удивлен и расстроен необъяснимым поведением человека; связь между скакуном и всадником являлась для него чем-то совершенно непонятным, ибо он не ведал, что дружба, любовь, покровительство и сострадание. Этот мудрый, древний и холодный разум по-настоящему недоумевал, пытаясь найти правильный ответ.

Задумавшись, Иеро уронил копьё в мягкий мох, а потом увидел, как недалеко от берега темная вода пришла в движение. Похоже, незримый голос наконец-то обретет своего владельца! И, согласно данному обещанию, этот владелец счел возможным показаться на свет Божий.

Серо-коричневая блестящая масса внезапно выросла над поверхностью воды. Под ней тут же показались два огромных круглых глаза с желтыми ободками и коричневой радугой, и удивленный священник понял, что эта колоссальная туша – всего лишь голова животного гигантских размеров. Прямо над глазами из головы чудовища медленно вытянулась пара мягких, похожих на рожки усиков. Ни носа, ни ушей, ни подбородка с первого взгляда заметно не было; Иеро различил лишь вытянутый щелью, длинный и узкий рот.

Как только огромные глаза заметили потрясенного человека, голова начала быстро подниматься

вверх на мощной колонноподобной шее. Наконец, она застыла на такой высоте, что Иеро, не спускавшему взгляда со странного существа, пришлось откинуться назад. Достигнув берега, гигант стал медленно и плавно выползать на посыпанный костяной крошкой песок, но когда его чудовищное тело вылезло из воды примерно наполовину, движение прекратилось, и монстр застыл в неподвижности. Только ручейки мутной воды торопливо стекали по его темно-коричневым бокам.

«Ну вот, теперь ты видишь меня, Двуногий. Но, в отличие от других, которые побывали здесь, ты не боишься.»

Задирав голову так, что заломило шею, Иеро разглядывал застывшего перед ним титана. Да, если даже не принимать во внимание всю его ментальную мощь, он может раздавить огромного самца-бафера как муравья! И к тому же непонятно, какая часть его тела все еще скрывается под водой... Быть может, ему нравится отдыхать, высывая на берег лишь самую малую часть своего туловища? Кроме торчавших над глазами подвижных усиков, никаких других выростов, напоминающих конечности, на обозримом участке тела этого гигантского моллюска не оказалось.

Наконец, прикрыв глаза, чтобы хоть как-то переварить увиденное, Иеро решился снова заговорить с ним. Правда, теперь его мысленный «голос» звучал немного сконфуженно:

«Так кто же ты? И как тебя зовут? Существо, которое ты убил, было моим другом. Оно доверяло мне и пришло сюда по моему настоянию, хотя и не желая этого делать. Ты знаешь, что такое друг? И что такое доверие?»

«Опять слишком много вопросов, Двуногий.» – Теперь, когда Иеро мог видеть своего собеседника, ему казалось, что мощный ментальный голос моллюска долгим эхом отзванивает в его голове. Конечно, это была лишь иллюзия.

«Видишь ли, на самом деле я никогда не задумывался над тем, кто я такой, – продолжал гигант. – Сколько я себя помню, я был всегда один. Я понимаю, что когда есть множество существ одного вида, то нужно как-то отличать одного от другого. Но таких, как я, больше нет. Поэтому можешь звать меня, как тебе удобно». – Существо на мгновение задумалось.

«В том, кто я такой по происхождению, я до конца не уверен. Моя память уходит в прошлое очень далеко, Двуногий, в те времена, когда я сам – трудно себе представить! – еще не начал думать, а только чувствовал. И это значит, я был точно таким же, как и все остальные лишённые разума существа, которые теперь служат мне пищей, и чьи кости покрывают землю вокруг нас.»

Иеро невольно попытался прикинуть, сколько же могло понадобиться времени, чтобы нагромождать здесь чудовищные горы костей.

Обитатель озера уловил его мысль.

«О, да... И даже больше, чем ты думаешь! Ведь те кости, что сейчас перед тобой, еще совсем свежие. Весь берег и все, что спрятано под травами и мхом, состоят из костей. Когда я еще только начинал расти и кормиться по-настоящему, здесь не было ничего, кроме голого камня.»

Пораженный священник, раскрыв рот, уставился на мутноватые воды озера. В самом деле, сколько времени должно пройти, чтобы вокруг этой котловины появились валы костей – по утверждению гигантского моллюска, отходы его трапез?

«Так много, – продолжил тот, снова безо всякого труда читая мысли Иеро, – что даже я не могу определить в точности. Хотя я не испытываю особой потребности как-то отсчитывать время, зато способен кое-что припомнить. И главное, что я помню о том времени – это страх! Даже я когда-то познал страх и боялся. В небе вспыхнула огромная молния, за ней – несколько молний поменьше. Земля дрожала, и горы рушились... А потом пришла большая жара. Это была очень странная жара, совсем не похожая на ту, что обычно наступает после дождей, которую я хорошо знаю. Воды озера стали такими горячими, что мне пришлось покинуть их и искать убежище под скалой. Когда же я снова отважился высунуться наружу, то оказалось, что жара прошла, и озерные воды по-прежнему холодны и приятны на вкус. Но все это помнит мое тело, а не мой разум. Ты понимаешь меня, Двуногий? И как раз тогда я смог впервые подумать: „Я есть, я существую!“ Я был не больше тебя по размерам и носил с собой кое-что, что позволяло мне

защищаться от врагов. Очень, очень давно это было... Я научился находить много еды, и я рос так быстро, что вскоре эта вещь стала мне мала, но все же я сохранил ее. Она – единственное, что у меня осталось на память о тех временах... Она и сейчас со мной и, возможно, когда я покажу тебе ее, ты сделаешь правильный вывод о том, кем я был, и кем я стал теперь.»

По гигантской шее моллюска пробежала легкая дрожь, и священнику вдруг почудилось, что вверх по его широкой серо-коричневой спине ползет небольшой бугорок. Когда бугорок оказался на уровне глаз Иеро, покрывающая его кожа будто разломилась надвое, явив на свет скрытое под ней. Поблескивая в лучах утреннего солнца, в небольшой кожной складке лежала маленькая, золотистая, закрученная спиралью раковина.

Когда края складки снова зашевелились, и кожа сомкнулась, скрывая от чужого взора сокровище обитателя горного озера, Иеро с трудом удержался от улыбки. Он наверняка бы захохотал, если бы не был так потрясен. Улитка! Властитель пурпурных холмов, этот могучий титан, древний, как сама Смерть, оказался обыкновенной улиткой!

Но, несмотря на свою бесхитростную родословную, это существо не заслуживало презрения – ведь оно владело мудростью тысячелетий! Иеро не сомневался, что все эти молнии в небесах, трясущиеся горы и странная жара, которую смутно помнил властитель озера, были ни чем иным, как результатом ядерных бомбардировок. Выходит, что пять тысячелетий, минувших с эпохи Смерти, гигантский мутант обитал здесь, рос, набирался знаний и опыта, постоянно оттачивая свой разум. И в то же время он был так одинок! Трудно себе представить, что это значит – прожить столько лет одному! Внезапно священник почувствовал острую жалость к застывшему перед ним моллюску. Вот оно, живое доказательство заповеди эливенеров, утверждавших, что любая жизнь имеет смысл! Но какой именно смысл в жизни этого существа?

Пока он размышлял на эти темы, огромные, лишенные век глаза пристально изучали его фигуру. И когда гигант заговорил опять, его голос был по-прежнему был бесстрастен.

«Итак, Двуногий, я попытался рассказать тебе, кем я был. И я надеюсь, ты меня понял. Но между нами все еще стоит проблема, связанная с тем существом, что принесло тебя сюда на своей спине. Я использовал его в качестве пищи. Сначала я снял с него все предметы, которые, как мне казалось, принадлежали тебе и, стало быть, могли тебе пригодиться. Потом я заставил его войти в воду. Оно просто уснуло и, уверяю тебя, не почувствовало боли. Тогда я поел. Я всегда делал так, с той поры, когда впервые осознал, что существую. Я не хотел – да и сейчас не хочу – причинять тебе вред. И если бы я мог вернуть твое животное к жизни, то непременно бы сделал это. Я думаю, ты уже смог убедиться в моих добрых намерениях, но повторю еще раз: я привел тебя к озеру совсем не для того, чтобы посягнуть на твою жизнь. Единственное, чего я жажду – это контакт с подобным мне разумом.»

Не без внутреннего сопротивления Иеро пришлось отложить свои кровожадные планы. Глупая смерть бедного попрыгунчика в самом деле была недоразумением; гигантский моллюск не лгал ему, ибо этот бесстрастный разум, чуждый человеческих эмоций, просто не умел лгать, а если бы и умел, то зачем ему это? Зачем ему скрывать свои намерения? Тем более, что все остальное, рассказанное им, выглядело правдоподобным. Если эта Божья тварь просуществовала здесь пять тысячелетий в полном одиночестве и не сошла с ума от скуки, то лишь потому, что жизнь ее поддерживала неутолимая тяга к знаниям. В том числе, и к знаниям об окружающем мире, который почти не соприкасался с маленькой, затерянной среди холмов котловиной. Иеро, сам такой же собиратель знаний, мог лишь симпатизировать желанию первого ученого из племени моллюсков пообщаться с кем-нибудь из людей. Подобная цель могла оправдать даже то, что подходящий для диалога мозг был силой притянут на эти туманные берега.

«Ты говоришь, что убил моего зверя по неведению, – мысли быстро мелькали в голове священника. – Что ж, я верю тебе! Но, к сожалению, существует еще один момент. В то время, когда ты нашел меня, я направлялся к северу по неотложным делам. Причина моего странствия очень важна; если я не смогу повлиять на ход событий, то мои враги – да и твои тоже, ибо эти люди ненавидят все живые существа – осуществят свои планы. Ты заставил меня отклониться от нужного маршрута и убил моего скакуна, а это может привести к весьма печальным последствиям. И я полагаю, что раз уж ты не можешь воскресить мое животное, то должен помочь мне как-то иначе и компенсировать нанесенный вред.»

«На это мне нечего возразить, – последовал ответ, – но, тем не менее, я сказал тебе правду. Так мне

кажется, ибо у меня нет способа измерения истины. Но я готов допустить, что ты владеешь таким способом, и я согласен с твоими словами. Сейчас я скажу тебе кое-что важное. Поэтому слушай меня внимательно.»

Властитель озера замолчал, но Иеро уже привык к этим недолгим паузам, понимая, что существо пытается привести свои мысли в порядок, чтобы потом без остановки выдать следующую порцию. Он, оказывается, не любит беспорядка, этот уединенный разум!

– Солайтер! *) – это имя сорвалось с внезапно дрогнувших в улыбке губ священника.

Холодный оглушающий голос гигантского моллюска снова загрохотал у него голове:

«Ну вот, ты уже дал мне имя в привычных тебе звуках. И я, тот, кто никогда не нуждался в имени, принимаю его! Итак, отныне я буду Солайтером!» – И, к изумлению человека, это имя возникло в его мозгу, написанное буквами его родного алфавита!

"Я научился от тебя многому, очень многому, – продолжал титан. – Я подробно исследовал твой разум, пока ты спал, и я чувствую – а это уже само по себе нечто новое для меня – чувствую, что ты понимаешь, насколько мне *нравится* узнавать что-то новое!"

Этот взрыв энтузиазма вызвал громкое звенящее эхо в голове священника.

«А теперь послушай меня внимательно, Иеро, – и снова светящиеся буквы появились прямо в мозгу еще не пришедшего в себя от удивления человека. – Конечно, существует определенный риск, но, уверяю тебя, он очень мал. И если ты по-прежнему веришь мне и чувствуешь, что я не собираюсь причинять тебе вред, я могу сделать для тебя одну вещь. Я могу исправить твой разум.»

Иеро пришлось присесть на мягкую подушку из мха, потому что ноги внезапно перестали держать его.

«Исправить мой разум? – Мысли священника понеслись галопом. – Но все мои способности исчезли! Слуги Нечистого уничтожили их с помощью какого-то снадобья. Именно поэтому я и сижу здесь с тобой, вместо того, чтобы вести своих людей в битву! И ты ведь сам сказал мне, что с большим трудом нашел лишь маленькую щелку в той куче мусора, в какую превратился мой мозг! Ты можешь это исправить? Что ты имеешь ввиду?»

Уверенный голос Солайтера успокоил его.

«Исправить! Я предлагаю именно это, мой... – он немного заколебался, – мой неожиданный друг. С тех пор, как небесные огни – те, которые твой народ называет „Смертью“ – пробудили сознание в моей плоти, у меня было достаточно времени, чтобы многому научиться. Я не только бездумно пожирал животных, которых мне удавалось сюда завлечь, я делал с ними и другие вещи, такие же, как с некоторыми растениями. И название тому, что я с ними делал – исследование!» – В мозгу Иеро опять вспыхнули сверкающие буквы.

"Твое тело и твоя кровь не слишком сильно отличаются, скажем, от плоти зверя, что привез тебя сюда. А я *исследовал* многие тысячи таких животных. Я смотрел в их мозг и узнавал то, что мне хотелось узнать. И так я научился делать разные вещи со своим собственным телом. Это было необходимо. Когда огни Смерти отгорели над этим озером, появилось множество огромных зверей, которые охотились на тех, которых я приманивал, и могли напасть на меня, хотя я носил на спине свой щит. Я был тогда еще слишком мал и слаб, чтобы сражаться с ними в открытую; мне приходилось прятаться и страдать от голода. И вот, чтобы остаться в живых, я стал изучать возможности своего тела. Я узнал много полезных вещей, а главное, я научился создавать мельчайшие частички жизни, те, которые вы называете «клетками»!"

Открыв от удивления рот, Иеро наблюдал за чудесами, в которые не поверил бы даже во сне.

Сначала на могучей шее Солайтера – если только эту колонну плоти можно было назвать шеей – вздулся еще один бугорок, весьма похожий на тот, внутри которого хранилась золотистая раковина. Бугорок стал быстро расти и вытягиваться в длину, и вот уже огромное, похожее на древесный ствол щупальце покачивается перед лицом священника, и водяные брызги, слетая с его заостренного конца, образуют в воздухе маленькую радугу.

С захватывающей дух скоростью щупальце метнулось вниз и, едва успев ощутить его холодное

объятие на своей груди, Иеро уже висел высоко в над землей, мягко поддерживаемый этим необычным живым канатом. Мгновением позже он снова сидел на зеленой моховой подушке.

Затем гигантская «рука» протянулась к берегу, ухватив внушительных размеров череп какого-то животного. Одним неуловимым движением щупальце напряглось и распрямилось, метнув костяной снаряд словно из колоссальной катапульты. И только спустя несколько долгих секунд с противоположного края котловины прилетело замирающее эхо сильного удара.

«Ну что ж, – Иеро мог поклясться, что в голосе гигантского моллюска прозвучало веселье, – теперь ты видишь, что если хищник преодолеет силу моего разума, у меня есть еще ряд способов, чтобы не попасться ему на обед. А теперь смотри внимательно!»

Коричневое щупальце остановилось прямо перед орлиным носом священника. Медленно-медленно его заостренный кончик начал утончаться, менять свою форму, становясь все более похожим на какой-то странный хирургический нож, по сравнению с которым самые лучшие ланцеты и скальпели, применяемые в Аббатствах, выглядели грубыми поделками.

Однако и этот, совершенный с точки зрения Иеро медицинский инструмент, продолжал уменьшаться, пока не обрел форму длинной, слегка изогнутой иглы, чей кончик был столь тонок, что священнику с трудом удавалось сфокусировать на нем свой взгляд. И вдруг из этого тончайшего кончика высунулся целый пучок похожих на паутинки щупиков, которые тут же беспорядочно заколыхались в потоках теплого воздуха. Сумасшедшая идея, уже давно бродившая в голове Иеро, внезапно приобрела кристальную ясность, и он, испугавшись, тут же отбросил ее, еще не успевшую завладеть его сознанием. Однако огромный мозг Солайтера, казалось, целиком и полностью подтверждал эту мысль.

«Да, ты понял, что я тебе предлагаю. За многие годы я научился делать подобные инструменты – ведь у меня не было рук, и мне пришлось их отращивать. Обучение подобным вещам заняло бездну времени, так много, что я не стану утомлять тебя подсчетами. Но шаг за шагом я постепенно осваивал то, что мог создать из собственной плоти. Смотри же дальше!»

Иеро показалось, что колышущиеся перед его лицом щупики исчезли, однако на их месте осталась какая-то еле заметная рябь, которую нельзя было приписать колебаниям поднимавшихся вверх теплых воздушных потоков.

«Теперь ты не можешь их видеть, – объяснил Солайтер, – но они все еще здесь, и я по-прежнему контролирую каждое их движение. Они сделались такими тонкими, что лишь самые твердые камни представляют для них заметное препятствие.»

Священник молча ждал, уже готовый к тому, что произойдет вслед за этим.

«Через маленькие отверстия в твоей коже они пройдут с легкостью. И тогда, мой друг, я сумею исследовать твой разум и, возможно, исправить кое-что из того, что сделали твои враги.»

Иеро уловил некий новый оттенок эмоции в последней мысленной фразе, переданной Солайтером. Похоже, огромный холодный мозг гигантского моллюска был искренне возмущен тем, что кто-то посягнул на целостность чужого разума! Многие века он ждал, пока в поле его досягаемости появится достойный внимания объект; и вот, когда это случилось, выясняется, что мозг партнера по долгожданному контакту почти безнадежно испорчен. Поврежден намеренно, со всей изобретательностью и жестокостью, которую только можно представить! Наиболее подходящим человеческим эквивалентом чувства, владевшего сейчас Солайтером, были глубочайшая обида и ярость. Ярость по отношению к тем, кто посмел сделать такое с его первым и пока что единственным другом.

Почувствовав, как в мозгу титана тяжелой волной закипает гнев, Иеро поспешил успокоить своего нового товарища.

«Ты сделал мне важное предложение, – передал он. – Если бы я своими глазами не увидел поканного тобой, мне бы и в голову не пришло, что такая операция осуществима. Однако, – тут в голосе священника прозвучала неуверенность, – у меня есть к тебе пара вопросов. Конечно, я больше не сомневаюсь в чистоте твоих намерений, но я хотел бы знать, насколько рискую, соглашаясь на эту операцию? Ведь для меня гораздо лучше остаться ментальным слепцом, чем полностью потерять разум из-за какой-то глупой

случайности.»

«Я думаю, ты не рискуешь абсолютно ничем, – последовал лаконичный ответ. – Возможно, несмотря на многолетнюю практику, я не сумею исправить твой мозг или восстановлю не все его прежние функции. Но я могу обещать, что причину тебе не больше вреда, чем уже было сделано. Это я обещаю! – Солайтеру так понравилось это слово, что он несколько раз большими буквами запечатлел его в мозгу священника. – Какие еще у тебя есть вопросы?»

«Ты привел меня сюда, – вновь заговорил человек, – чтобы получить знания. Но, наверное, за обещанную тобой услугу ты что-то захочешь получить? Чего же ты хочешь?»

«Ничего, кроме того, о чем мы уже говорили. – Иеро с удивлением отметил, что первоначальные трудности при ментальном разговоре с Солайтером постепенно исчезли, и сейчас мысленное общение дается им неизмеримо проще. – У меня есть к тебе несколько предложений, но ты можешь отказаться от них, если захочешь. Несколько предложений и несколько вопросов, вот и все. Если ты согласишься ответить на них, я буду полностью вознагражден!»

«Конечно я отвечу на все твои вопросы, – послал свою мысль Иеро. – И раз у тебя нет ко мне каких-нибудь особых просьб, то можешь начинать. А я постараюсь удовлетворить твоё любопытство, если только вопросы не будут для меня слишком трудными. Кстати, не скажешь ли ты, о чем пойдет речь?»

«Конечно, – отозвался глубокий голос Солайтера. – Я хочу изучить связи между людьми, то, что вы называете человеческими взаимоотношениями, а также историю вашей расы в ее материальном и духовном аспектах. Я хочу знать все о твоих ментальных способностях и о том, как они у тебя появились. Я хочу знать о тех существах, с чьими разумами ты общался, неважно, относятся ли они к твоей расе или, подобно мне, порождены на свет Смертью. Я хочу знать, как и откуда пришла Смерть, и какие она имела последствия для всего мира. Еще я хочу узнать о той войне, в которую вы вовлечены сейчас, и о твоих врагах – людях, которых ты называешь слугами Нечистого. Я хочу узнать и о твоих союзниках, о тех местах, где ты побывал, о той стране, где родился ты вырос. Кроме того, я с благодарностью приму любую информацию, о которой забыл спросить, и которую ты сочтешь нужным донести до меня. И, наконец, я хочу знать все о самом главном вопросе.»

Озадаченный священник довольно долго размышлял над этим последним пунктом обширного перечня, затем осторожно поинтересовался:

«Что ты считаешь самым главным вопросом?»

"Перед тем, как заснуть, – последовал ответ, – ты сделал нечто странное. Нечто, значение чего я до сих пор не могу понять. Меня интересует та сила, которую ты называешь «Бог».

– Вот оно что... – протянул Иеро вслух. – Да, пожалуй, мне давно уже стоило подготовиться к этому вопросу.

«Потом, – добавил Солайтер, – когда я закончу работать с твоим разумом, ты сможешь уйти. То, что отложено, надо закончить, иначе в мире воцарится беспорядок.»

-

*) Солайтер – отшельник, любитель уединения (прим. переводчиков).

ГЛАВА 6. ПУТЬ НА СЕВЕР

Прошла неделя; Иеро день за днем шел на север, удаляясь от озера Солайтера. Путешествие проходило спокойно. Он сумел не только выжить в этих глухих и диких местах, но даже окреп и поздоровел.

Однажды утром, оперевшись о копье, священник бросил взгляд в сторону юга, на долгий пологий подъем, который он только что миновал. Несколько пестрых пичужек щебетали в зарослях кустарника; огромный ястреб, величиной с орла былых времен, подозрительно выглядывал из гнезда, прилепившегося в расщелине скалы; небольшие ящерки и похожие на тушканчиков грызуны сновали в траве. Никто из них не представлял опасности, и на много миль окрест тут не было других животных.

Иеро *знал* это. Его ментальная слепота прошла, утраченная сила вернулась к нему. Он снова мог проникнуть в крохотные разумы суетившихся вокруг Божьих тварей, видеть их глазами, слышать ушами, читать их нехитрые мысли.

Путник задумчиво провел ладонью по гладкой, нагретой солнцем поверхности щита, висевшего на его плече. Теплое чувство охватило его; то был дар – подарок нового друга, которого он обрел так недавно и с которым расстался не без сожаления.

«Я даю тебе это, Иеро, – сказал Солайтер. – Я извлек из твоего разума картины битв и знаю, что ты пользовался в них подобными вещами. В незапамятные времена – возможно, когда твой род правил миром – в мое озеро попала пластина странного, очень плотного материала. Я нашел ее очень давно и хранил до сих пор. Я не знаю, что это такое, но думаю, что тебе она нужнее. И пока ты спал, я поработал над ней, придав нужную форму. Возьми эту вещь, и пусть она защищает тебя, как защищал мое тело панцирь – в те дни, когда мир был моложе, и яростный огонь еще не опалил землю.»

Взгляд священника скользнул по небольшому круглому щиту, около двух футов в поперечнике, гладкому и очень легкому. Его тусклая серовато-коричневая поверхность почти не отражала света. Иеро встречался раньше с таким материалом и попробовал объяснить его назначение огромному моллюску. Изделия из пластмассы и куски пластика часто находили в земле; как правило, сломанные и бесполезные, но иногда попадалось кое-что стоящее. У покойной матери Иеро была тарелка с забавным изображением – птиц с плоским клювом, наряженной в штаны и шапку с ленточками. *)

Но даже в легендарной древности мало кому доводилось видеть такой плотный и крепкий пластик. Экспериментальный материал, попавший в озеро из руин давно забытой лаборатории, вновь появился на свет, использованный с неожиданной для его создателями целью. Солайтер даже снабдил свое изделие специальными пазами с тыльной стороны, в которые Иеро мог продеть кожаный ремень. В середину щита моллюск вмонтировал темный, посверкивающий искрами кристалл. «Это самое прочное вещество, с которым я знаком, – заявил он человеку. – Если бы твой череп был таким, мне вряд ли удалось бы проникнуть тебе в мозг и вернуть ему прежнюю силу!»

Иеро не часто доводилось видеть алмазы – в основном, в виде прозрачных камней, сверкавших в прическах женщин, на их пальцах или запястьях. И ему, конечно, никогда не попадался большой искусственный кристалл, предназначенный для сверл и буров. Впрочем, это его не беспокоило; он с благодарностью принял дар Солайтера. Но силы, возвращенные его разуму, были еще более ценным подарком.

К сожалению, восстановить их полностью не удалось. Когда Иеро пробудился утром после операции, он почувствовал некое смущение, овладевшее гигантом – казалось, что-то ему не нравится. Восторженные восклицания священника вскоре были прерваны его необычным лекарем. Солайтер сокрушенно заметил:

«Твой мозг очень сложен... Я не сумел понять назначение всех связей, разобраться с каждой и охватить их целиком. И я не рискнул вмешиваться туда, где оставалось непонятное... Я очень сожалею, что сделал меньше, чем собирался и чем обещал тебе.»

Иеро не мог утешить огромного моллюска. Сам он остался доволен тем, что получил, хорошо представляя, насколько сложной была операция.

Вечером Солайтер погрузил его в глубокий сон. Огромные глаза моллюска обладали гипнотической

силой, которой священник не мог и не хотел сопротивляться. Всю ночь, от заката до восхода солнца, трудился прилежный хирург, выращивая необходимые инструменты прямо из собственного тела. Он работал час за часом, соединяя, сращивая, исправляя, залечивая; он не пользовался зрением – лишь своей памятью и тончайшим, поразительно развитым осязанием. Наконец, убедившись, что все возможное сделано и не рискуя на большее, титан разбудил своего пациента.

Уже через несколько минут Иеро с растущим облегчением понял, что его телепатические силы восстановились. Ментальная слепота исчезла; он снова ощущал чужое сознание, мог вступать с ним в контакт. Правда, это имело и свои отрицательные стороны. Когда Солайтер начал приманивать молодого оленя, который пасся неподалеку от берега, священник сразу почувствовал гипнотический зов огромного моллюска. Миг – и разум его слился с разумом смертельно испуганного животного; теперь даже мысль о том, что это создание может погибнуть, ужасала Иеро. Ощувив его страх, Солайтер выпустил олененка из ментальных тисков и с некоторым недоумением заметил, что он голоден и должен съесть хоть что-нибудь. Священник опустил голову и пошел прочь по береговому склону; перевалив косогор, он подождал с полчаса, стараясь не поворачиваться к озеру лицом. Он так и не узнал, какой зверь откликнулся на очередной зов Солайтера, но надеялся, что это тварь была достаточно объемистой и не столь безобидной, чтобы приходилось сожалеть о ее гибели.

Он вернулся, когда моллюск уже покончил с завтраком. Впрочем, настроение гиганта не улучшилось; он все еще ощущал сожаление и вину из-за того, что не смог вернуть человеку последнюю, но очень важную часть ментальной мощи. Это было искусство, обретенное Иеро в жестоких телепатических поединках – умение захватить контроль над чужим разумом, подчинить его своей воле. Он вновь обладал ментальным видением и способностью к мысленной связи – столь же утонченными, как в прошлом; возможно, даже более сильными. Однако он не мог сражаться с помощью мозга. Слуги Нечистого так основательно поработали над главным его оружием, что даже Солайтеру не удалось спаять осколки.

Затем наступило время вопросов и ответов; Иеро пришлось изрядно попотеть, удовлетворяя неистощимую любознательность гиганта. Казалось, тот задался целью вычерпать до дна метафизические познания священника, полученные в школе Аббатств. Зачем существует мир и почему он устроен так, а не иначе? В сущности, именно это желал знать Солайтер, невероятное создание, получившее дар разума в результате странной мутации. Философская беседа с ним стоила Иеро бездну энергии, и в начале священник не раз с ужасом думал, что сказали бы отцы Церкви, ознакомившись с его потугами объяснить чудовищной улитке цели Всемогущего. Впрочем, успокаивал он свою совесть, самый искушенный теолог вряд ли мог быстрее справиться с такой задачей.

Затем дело пошло лучше. Этот огромный мозг, потративший пять тысячелетий на сбор всевозможных сведений и размышления о сущности Вселенной, умел разматывать клубок загадок сразу с дюжины концов. Когда собеседники начали обсуждать природу Нечистого – или Другого Разума, как называл его Солайтер – они уже достигли полного взаимопонимания.

«Я не часто ловлю Его послания, – заметил моллюск. – Он не столь древен, как я, либо мне удалось услышать Его только недавно.»

Иеро потребовал объяснений. Названный Солайтером срок равнялся тысячелетию или около того; гиганту было трудно воспринять хронологические масштабы человеческой жизни.

«Похоже, Он постепенно изменяется, усиливается, хотя это требует долгого времени. Долгого с точки зрения таких существ, как ты. Но как бы Он не менялся, суть остается прежней.»

Солайтер не мог объяснить яснее, что значит его замечание, но прочие особенности этой странной силы он описал довольно подробно.

«Ощувив Его присутствие, я стараюсь скрыть свой разум; что-то в Нем внушает мне страх. Теперь, когда ты объяснил мне, что есть Зло, я понял, чего боюсь. В Его мыслях злоба – черная злоба против всех и всего! И Он становится сильнее! Ты много рассказывал о своих врагах, слугах Нечистого... Он похож на них, я чувствую, но гораздо, гораздо могущественнее! Может быть, между ними существует связь... Кажется, я ощутил нечто подобное последний раз, незадолго перед тем, как ты пришел по моему зову. Это промелькнуло очень быстро, словно огненная стрела, бороздящая небо во время бури... Я сожалею, что не сумел возвратить твоему разуму силу, что позволяет сражаться и убивать. Это искусство пригодилось бы

тебе.» – В беззвучном голосе моллюска звучало беспокойство.

Кое-какие аспекты человеческих отношений вызвали у Солайтера изумление. Иеро выяснил, что гигант, подобно большинству улиток, был двуполом; он продуцировал одновременно и сперму, и яйцеклетки. Отсюда следовало, что он мог вырастить молодняк, существ своего вида – хотя бы для того, чтобы избавиться от одиночества. Человеку подобная мысль казалась естественной, и, если учесть поразительную власть Солайтера над живой плотью, размножение не составило бы для него проблемы.

Однако эта идея вызвала у моллюска нечто похожее на раздражение. «Нет, так нельзя... Это было бы не правильно... неприлично!» Титанический повелитель холмов жеманился, словно невинная девушка! Чем больше узнаешь жизнь, тем большее удивление она вызывает, заключил про себя Иеро.

Последнее послание от Солайтера пришло священнику, когда он был уже далеко от озера, воды которого вновь скрыли огромного моллюска.

"Прощай, Иеро, мой новый друг! Не сбейся с пути, что ведет к людям – я запечатлел дорогу в твоём сознании. Я не могу сам достичь их, но знаю, где обитает твой род. Иногда я ощущаю их присутствие, хотя они не столь искусны в передаче мыслей, как ты... Будь осторожен!

И помни о Нем, о Другом Разуме! Он где-то далеко на востоке, на огромном расстоянии от нас, за соленым океаном, о котором ты мне рассказывал. Раньше мне было непонятно, что это такое. Но ты дал мне многое... многому научил... и теперь я знаю: это чудовищный разум, могучий мозг, сильнее моего. И он – Зло! Страшное Зло! Остерегайся Его!

Прощай, и пусть будет легким твой путь! А мне надо теперь поразмышлять обо всем, что я узнал. Возможно, мы встретимся снова, и скорее, чем думаем в эту минуту... Я предвижу это!"

Затем связь была прервана, контакт распался; Иеро снова был один. Но разум его оставался бдительным и настороженным, оружие – готовым к бою.

Так прошла неделя.

* * *

Отдохнув, он снова направился к северу. В такт размеренному бегу покачивалось на плече копье; щит, закрепленный поверх ножен с мечом, иногда хлопал по спине, у пояса колыхались кожаная фляга с водой и нож. Кроме оружия, он нес сумку, в которой лежали огниво, магический кристалл и мешочек с Сорока Символами; там же – на крайний случай – был небольшой запас сушеного мяса и кореньев. В этой местности хватало дичи, и путник не испытывал голода. Короткие кожаные штаны, сандалии и лента, стягивающая волосы, составляли всю его одежду.

Он бежал вперед, его широкая грудь мерно вздымалась и опадала в такт стремительным движениям. Он оставлял позади милю за милей, пока в голову ему не пришла мысль, что слишком немного было известно об этой дороге. Иеро свернул в сторону – туда, где высились холмы, – и быстро поднялся по склону. Перед ним раскинулась бескрайняя саванна. То здесь, то там над высокой травой плотными клубами вздымались рощи; бледнозеленые полосы растительности обрамляли рваные заплатки болот. Он догадывался, что где-то там струились медленные, неторопливые реки, пересекавшие эту местность из конца в конец. Вероятно, ни одна из них не будет серьезным препятствием, решил священник, вытирая вспотевший лоб. Тень от вершины холма, что нависал над ним, умеряла полуденный зной.

Животные казались здесь более упитанными, чем в восточных землях, по которым он путешествовал неделями раньше. Тут водились большие волки с рыжей шкурой и пятнистые кошки любых размеров. Тут охотился саблезубый – огромный, стремительный, с темной полосой вдоль хребта; его громовой рев перекрывал рычание леопардов и визг камышовых котов. Крупные травоядные переполняли саванну – могучие быки, бесчисленное количество антилоп и оленей всех пород; чтобы составить их описание, требовалась целая жизнь. Все новые и новые виды попадались Иеро, и в его мозгу, приученном запоминать и описывать, постепенно накапливался гигантский каталог.

Здесь бродили стада чудовищных, покрытых панцирем животных; их бронированные спины высились над огромными головами словно бурые скалы. Они, однако, не имели отношения к динозаврам древности

– их жилы наполняла теплая кровь и копыта состояли из трех рудиментных пальцев. Иеро ловил их мысли – тупые, ленивые; он решил, что эти твари являлись всего лишь горами медлительной плоти, пожирающей траву и молодые ветви. Он не представлял для них угрозы – как, впрочем, и любое другое существо столь же ничтожных размеров. Однажды, из чистого озорства, он пробежался по спинам целого стада, то перепрыгивая с одного хребта на другой, то взбираясь наверх по складкам и трещинам в панцирях. Травоядные монстры даже не заметили его.

Тысячи птиц носились над деревьями и травой, пели, щелкали, свистели. Многие целыми стаями сопровождали крупных животных; одни охотились на жалящих насекомых, другие, восседая на спинах травоядных, искали клещей и блох. Но не все пернатые были столь безвредными.

Его первая встреча с птицей иного сорта едва не закончилась трагедией. Она, должно быть, некоторое время следила за ним; когда эта тварь стремительно вырвалась из высоких зарослей кустарника, Иеро был захвачен врасплох. Птица была вдвое выше его, с чудовищным, загнутым крючком клювом, с головой, увенчанной плюмажем из пурпурных перьев. Растопырив крохотные бесполезные крылья, она неслась по степи со скоростью антилопы, топча траву голенастыми когтистыми ногами. Иеро парировал яростный удар клюва своим щитом, поспешно переброшенным со спины на руку; затем, петляя, словно заяц, бросился к ближайшей роще высоких раскидистых деревьев. Птица преследовала его по пятам с возмущенными воплями.

К счастью, неподалеку были деревья, увитые лианами, по которым он вскарабкался наверх со скоростью, внушившей зависть его обезьяньим предкам. И вовремя! Огромный клюв врезался в ствол на расстоянии пальца от его сандалии.

Тяжело дыша, Иеро наблюдал за чудищем, исходившим яростью у подножия дерева. На этот раз только добрая удача спасла его от гибели, и он дал себе слово, что впредь будет осторожнее. Ментальные волны гигантской птицы имели другую частоту, чем у млекопитающих, от нападения которых священник был защищен своей телепатической охраной. И, в результате, он едва не попал на обед представителю пернатых! Путник решил впредь сканировать все волны – не только принадлежавшие теплокровным животным, но и те, которые испускали птицы и рептилии. В мире, полном мутировавших тварей, чье происхождение было трудно или невозможно установить, никакие предосторожности не оказывались лишними. Он слишком хорошо помнил тот смертный ужас – Обитающего в Тумане, – и способ, которым болотный монстр поддерживал свое существование.

После долгого ожидания, во время которого Иеро терпеливо представлял себя древесной ветвью, высохшей и абсолютно несъедобной, птица удалилась. Когда ментальная проверка подтвердила, что голенастое чудище уже далеко, он спустился на землю и продолжал путь. Других происшествий в тот день не было, но странник старался держаться поближе к деревьям и высоким конусам термитников. Это тактика тоже страдала определенными недостатками – на границе леса таились свои опасности. Разум Иеро, однако, стоял на страже, позволяя обнаруживать и обходить опасные места. Еще до того, как ночная тьма спустила в степь сонм хищников, он устроился на раскидистых ветвях лесного гиганта, тщательно замаскировав свое убежище. Священник заснул, убежденный, что если бы ментальные способности не вернулись к нему, он сумел бы пересечь эти земли лишь в сопровождении целой армии.

Проходили дни, солнечные и ясные, с изредка налетавшими грозами. Мысли Иеро все чаще и чаще уносились к северу. Там, как полагал Солайтер, обитали человеческие существа неведомого рода и племени и не похожие на метсов; это было все, что гигант мог о них сказать. Теперь каждый вечер, сотворив молитву, Иеро сосредотачивался на северном направлении в поисках контакта. Он действовал очень осторожно. Пока еще путник не знал, кого – или что – ищет, но он отнюдь не жаждал внезапно столкнуться с Нечистым.

Не раз Иеро подумывал о том, чтобы использовать свой кристалл – вероятно, тот позволил бы ему взглянуть на предстоящую дорогу глазами какого-нибудь существа. Всматриваясь в его магические глубины, он мог войти в контакт с мозгом птицы, парящей в голубых небесах на многие мили впереди, и использовать ее как воздушного разведчика. Но в этих землях, населенных странными тварями, он не хотел рисковать. Процесс дальновидения не поддавался сознательному контролю, и кто знает, с чьим мозгом он мог случайно вступить в контакт. Один раз, еще на севере, незадолго до встречи с Лучар,

волшебный камень подключил его к сознанию слуги Нечистого – пилота, парившего в небе на крылатой машине. Иеро вполне хватило этого эксперимента; больше он рисковать не собирался.

У него еще оставались Сорок Символов – деревянные фигурки размером с сустав мизинца. Хотя Иеро не использовал их много месяцев, считая, что не обладает даром прекогнистики, они не раз помогали ему в прошлом. Законы, которым подчинялись эти крохотные знаки, оставались непонятными самым ученым служителям Аббатств; их происхождение терялось в глубине тысячелетий. Лишь немногие обладали редкой способностью к предвидению будущего и могли с уверенностью использовать их. Дар Иеро был более чем скромным, однако попытка провертеть дырочку в завесе будущего явно не сулила никакого вреда.

Однажды вечером, спустя неделю после того, как он покинул южные холмы, священник сложил маленькие деревянные фигурки в кучку на куске коры, что лежал на его коленях. Перед тем он прочно привязался лианой к могучей ветви одного из лесных великанов, чтобы не свалиться вниз во время транса. Сотворив молитву и испросив у Всевышнего помощи в прозрении будущего, Иеро погрузился в каталептическое состояние, безразличный и нечувствительный к внешнему миру. Однако и сейчас ментальный щит ограждал его разум от посягательств врага; никто не сумел бы пробиться сквозь мощные барьеры к его мозгу и захватить над ним власть. Перед тем, как погрузиться в транс, он положил ладонь левой руки на кучку резных символов.

Когда священник очнулся – застывший, с ногами, сведенными судорогой – было совсем темно. Лунный свет расплескался по саванне; ночь ярилась и рыдала отзвуками погони и бегства, рыком охотников и предсмертным визгом жертв.

В левой руке Иеро были стиснуты три крохотные фигурки. Освободившись от лианы, предохранявшей его от падения, и отложив в сторону прочие символы, он пополз к концу ветви, к открытому пространству, где свет луны позволял разглядеть выпавшее ему знамение. Только там Иеро разжал пальцы и всмотрелся в три символа, вырезанных из черного дерева.

Копье было ему хорошо знакомо; оно означало сражение или охоту, а иногда – и то, и другое, так что тут не ожидалось ничего нового. Следующий символ тоже был старым знакомым – крохотные Сапоги; он предсказывал долгое, очень долгое путешествие, что не вызвало у Иеро большого удивления. Последняя фигурка, однако, заставила его призадуматься. Лист с наложенным на него Мечом! Однако, получше приглядевшись, он понял, что клинок на самом деле прокалывал лист – входил в него и выходил опять, подобно скрепляющей плащ застежке.

Странник опустил руку с зажатыми в ней фигурками и долгое время сидел неподвижно, пытаясь припомнить смысл последнего значка. Каждый из символов обладал несколькими значениями, а в сочетании с остальными приобретал еще десяток, и Иеро никогда не мог запомнить все эти премудрости. Тут требовался особый дар... Один из его приятелей по школе ухитрился вызубрить не меньше дюжины толкований каждого знака и делал с их помощью весьма достоверные предсказания.

Война и мир! Вот что это значило! Но так как оба символа были сплетены вместе, то здесь, казалось, должна оставаться возможность выбора. Итак – мир или война, путешествие и битва – или, возможно, опасная охота. Он негромко рассмеялся. Что же еще наполняло его жизнь? Как минимум, знаки предсказывали, что все пойдет как обычно. Возможно, в некотором туманном и отдаленном будущем он очнется от транса и узрит на своей ладони символы, сулящие только мир и спокойствие. Какая прекрасная мечта! Он снова рассмеялся и начал готовиться ко сну, все еще ухмыляясь шутке, которую преподнесло гадание. Рев и гам, наполнявшие ночную саванну, не беспокоили его; устремившись мыслями в завтрашний день, он расположился на своей ветке и заснул со счастливой улыбкой на губах.

* * *

В подземелье, озаренном светом ламп, где-то в Саске, столице республики Метс, два старика сидели на дубовых скамьях, обмениваясь встревоженными взглядами. Оба сжимали в узловатых пальцах кружки с шапками пены, обы были бородаты и облачены в напоминавшие балахоны одеяния; на этом сходство кончалось.

Лицо аббата Демеро с возрастом приобрело цвет старой бронзы; седая борода не доставала до груди, под орлиным носом прямыми стрелками топорщились усы. С его угловатых худых плеч свисала белоснежная ряса, на груди тускло отсвечивал крест из кованного серебра, который поддерживала массивная серебрянная цепь. На безымянном пальце левой руки он носил широкое золотое кольцо; в темных глазах над высокими скулами читались ум и властность.

Борода брата Альдо была длиннее; завиваясь кольцами, она спадала на его простое коричневое одеяние. Он не носил ни украшений, ни каких-либо знаков своего сана. Нос его, хотя не столь широкий и плоский, как у далеких африканских предков, имел мягкие плавные очертания, кожа была гораздо темнее, чем у собеседника – почти такого же цвета, как мореная дубовая крышка стола, на которой лежали локти эливенера. Взгляд его был полон терпеливой мудрости – впрочем, не лишенной юмора.

Время и заботы избороздили морщинами лбы обоих стариков, но силы их не иссякли; их движения, не отличаясь юношеской живостью, оставались еще уверенными и четкими.

С чуть заметной улыбкой, таившейся в уголках рта, его преподобие отец Демеро произнес:

– Пью за здоровье вашего величества! Добро пожаловать на север, дорогой гость! Хотелось бы мне, чтобы наша встреча была хоть немного торжественней... сказать по правде, я уже устал от этой проклятой секретности.

– Демеро, старый глупец! Я проклинаю день, когда поведал тебе о своем прошлом! Д'Алви потеряло своего короля много поколений назад, и люди давно забыли об этом сумасшедшем. Сколько раз я должен напоминать об этом святейшему аббату?

– Хорошо, пусть будет брат Альдо, раз ты так желаешь. Республикам, знаешь ли, начинают нравиться короли, когда они изгоняют своих собственных владык. У нас тут тоже был король... давно, еще до Смерти. Я не помню ни его имени, ни даже того, жил ли он здесь. Мне кажется, что его резиденция находилась где-то далеко, на острове за океаном, а наши края он посещал довольно редко. Можно было бы навести справки в архивах Аббатств...

Старик в коричневой хламиде усмехнулся.

– Таковы повадки королей... и королев тоже, мой друг. – Лицо его внезапно стало серьезным. – Впрочем, нам надо сейчас поговорить о принце, а не о короле, Демеро. И нам следует многое решить. Время не ждет, и ты знаешь, что завтра мне пора трогаться в дорогу... Так что давай говорить о деле. – Он выпрямился на своей дубовой скамье и заглянул в темные зрачки священника. – Я получил плохие новости с юга... вряд ли они тебя обрадуют.

Кулас Демеро, иерарх и первый гонфалоньер Универсальной Церкви Республики Метс, глава Совета Аббатств, проницательно посмотрел на своего друга.

– Неприятности с Иеро, да? Всю последнюю неделю мне было как-то не по себе... Он так далеко... один, в чужих краях... Ну, так что же за овести? Не тяни, прошу тебя!

– Он исчез. Может быть, похищен... может – хуже... в чем я, правда, сомневаюсь. – Брат Альдо, носивший от рождения совсем иное имя и титул, не потерял чувства юмора. – Совет Братства прислал мне сообщение только сегодня утром – путь с юга неблизок! Я понял, что там был мятеж, и что его возглавил герцог, этот молодой шалопай, который метит на трон! Похоже на истории, которые случались в Д'Алви в прошлом. Но теперь все выглядит хуже, гораздо хуже... там вмешался Нечистый. Даниэл серьезно ранен, но пока что жив; Лучар едва не убили, а ее муж просто исчез с лика Земли!

– Если бы парень умер, она бы знала, – без промедления заметил аббат.

– Да-а... – медленно протянул брат Альдо. – Она очень чувствительная... по крайней мере, к тому, что касается его. И в этом наша главная надежда. Молю Бога, чтобы она оказалась права; Иеро и мне дорог. – Старый эливенер задумчиво погладил бороду. – Но нам надо подумать о других вещах. Я верю в Лучар, верю, что она удержит страну в своих руках, если только сие под силу человеку. Даниэл ей поможет; пока что преимущество на его стороне, и он не настолько глуп, чтобы замять скандал. Но Братство предупреждает – Нечистый не собирается терять времени... Они действуют быстро! И они ударят по вашей Республике! Мы, Братство Одиннадцатой Заповеди, считаем, что вам нужна помощь... – Замолчав, брат

Альдо бросил взгляд на плоский деревянный ящичек в углу комнаты; в нем безостановочно раскачивался полированный маятник с закрепленными на концах маленькими дисками. – Ты уверен, что здесь мы можем свободно говорить и думать?

Демеро, проследив за его взглядом, кивнул.

– Этот глушитель мысли никогда не подводил нас, и я ему вполне доверяю. Ментальные волны Нечитого сюда не проникнут, будь уверен, – он отхлебнул из кружки. – Ну, что касается компьютера, тут наметился определенный прогресс. Сперва, когда мы изучили принесенные тобой книги, выяснилось, что невозможно создать те крохотные устройства – они называются чипами – из которых в старину собирали такие приборы... – По лицу священника скользнула улыбка. – Затем один из наших молодых ученых догадался, что множество крохотных непонятных предметов, собранных в погибших городах и доставленных в хранилища Аббатств, являются деталями компьютера, описанного в книгах. Я полагаю, что перед Смертью их были миллионы... Но даже с книгами и деталями нам требуется время, чтобы разобраться... Мы должны шаг за шагом повторить путь древних, научиться думать так, как думали они. И когда мы соберем этот компьютер, он будет нуждаться еще кое в чем... Этот процесс называется программированием. Ученые говорят, что все это можно сделать... нужно только время. Старая история!

Отец Демеро поднял глаза на своего собеседника.

– Сколько лет прошло с тех пор, Альдо, как мы впервые встретились в молодые года... я скорее сказал бы – в юности... да, встретились и решили, что наша Церковь и ваше Братство должны быть союзниками... Уже тогда мы понимали, что время работает против нас. Ничего не изменилось! Лишь то, что ты сейчас возглавляешь Братство, а я... ну, мой пост тебе известен. И все эти годы они обгоняли нас... – Он тяжело вздохнул, уставившись в кружку. – Ну, несмотря ни на что, мы должны быть готовы... готовы в любой момент! – Демеро снова посмотрел на темное спокойное лицо старого эливенера. – Расскажи-ка мне о том существе, которое ты называешь Гормом. От него может быть какая-то польза?

– И очень немалая, надеюсь, – последовал уверенный ответ. – Но он возвратился к своим... так сказать, для отчета, – брат Альдо усмехнулся. – Я думаю, у них есть правители, у этого медвежьего народа. Мы знали об их племени, хотя они старались не вступать в контакт с людьми напрямую. – В глазах старика опять мелькнули искорки смеха. – Не трудись, старина, я уже прочитал твой следующий вопрос... Да, они обладают интеллектом, как и мы, но несколько иного характера. Впрочем, разница между нами не уменьшает их желания помочь. Но это тоже требует времени.

– Проваландаться год-другой с медведями! – раздраженно воскликнул Демеро. – Только этого нам не хватает! И я пока что не получил согласия даже от Народа Плотины, если уж говорить об этих странных чужаках! Эти бобры никогда не пошевелиятся без бесконечных обсуждений... В сравнении с ними медведи могли бы действовать побыстрее.

– Не хотелось бы напоминать о твоих собственных проблемах, – сказал брат Альдо, – но эти двое... Целых два человека – уфф! – Он вздрогнул и пожал плечами.

– Собираешься пощадить мои чувства? Не стоит, – с хмурым видом отрезал Демеро. – Два предателя! Ну, теперь у нас хватает доказательств, чтобы повесить их через неделю или около того. А пока... пока они чихнуть не могут без моего ведома.

– Повесить... Не лучше ли им просто исчезнуть бесследно из столицы?

– Нет, не лучше... ты, миролюбивый эливенер! Здесь не твое варварское королевство в южных болотах! Закон есть закон, и хватит об этом!

– Плохо. Слишком напоминает старые дни... Публичная казнь... Несомненно, признак передовой эпохи... Ну, ладно! Так сколько легионов Стражей Границы ты можешь выставить? И готовы ли те новые суда, о которых ты говорил? Наконец, главное – что слышно из Атви? У них, кажется, тоже хватает предателей...

Совещание продолжалось до глубокой ночи – или раннего утра, когда оба старика вознесли Создателю свои молитвы. Иеро был бы рад узнать, что упоминался в обоих.

Но принцу-священнику в этот момент было не до воспоминаний. Он сидел на вершине самого высокого дерева, которое смог найти, изучая предстоящий путь и пытаясь разобраться в том, что открывалось его мысленному взору. Представшая перед ним сцена в некоторых отношениях была странной, и он хотел тщательно исследовать ее, прежде чем двигаться дальше.

Как обычно, он провел осторожный ментальный поиск. На этот раз ему быстро удалось обнаружить присутствие людей; он уловил ауру пробуждающегося человека, и не одного. Он чувствовал, что там были женщины с детьми, и множество домашних животных – видимо, одна из пород быков кау, знакомых ему по Д'Алви. Должно быть, впереди деревня или что-то вроде стойбища. Иеро решил продолжить мысленную проверку, надеясь, что ему удастся извлечь что-нибудь интересное из разумов обитателей поселка.

Он выбрал одного наугад – казалось, этот человек находится к нему ближе остальных. Усевшись поудобнее, он осторожно внедрил в сознание своего подопечного, внимательно следя за тем, чтобы не встревожить человека. Парень оказался туповатым. К тому же, его мучил страх, такой сильный, что для других мыслей места в голове почти не оставалось. Иеро, заинтригованный, попытался обнаружить причину этого ужаса, укоренившегося так глубоко, что он стал едва ли не постоянным.

Вначале священник думал, что страх вызван ночной тьмой. В этих диких землях ночь, с ее чудовищами, выходившими на охоту, могла стать причиной непреходящего ужаса. Однако, прогулявшись по бесхитростным извилинам своего объекта, он нашел, что ситуация была сложнее. Человек знал о хищниках и об опасности, которую они представляли, однако звери казались ему естественной угрозой – такой же, как молнии, наводнение или степной пожар; неприятные вещи, но от них можно спрятаться или убежать. То, чего он действительно боялся, было иным – призраками!

Обыскивая память этого простака, Иеро попытался что-нибудь выяснить о них, но его старания были безуспешными. Страх коренился глубоко в сознании, в нервной системе – туманный и расплывчатый, не облеченный в конкретные образы. На первый взгляд парень просто боялся ночной тьмы; тем, кто доживал до рассвета, ничего не грозило. Надо только дождаться дня!.. Свет сулил безопасность.

Мысли эти лежали на поверхности; Иеро копнул глубже. Тут свил гнездо целый клубок страхов, разобраться в которых было непросто, и причина ужаса заключалась в том, что человек знал очень немного о таинственных созданиях, наполнявших кошмаром его ночи. Он сам никогда не видел призраков, как и другие обитатели поселка. Призраки приходили во тьме. Ни стены, ни запертые двери не могли остановить их. Они брали то, что им хотелось. Все, кто пытался сопротивляться, исчезали. Они бродили ночью в саванне, эти призраки-скитальцы, иногда появляясь в окрестностях деревни. Жрец местной общины, знавший о них много больше, утверждал, что они не всегда были столь уж плохими соседями. Они, эти призраки, могли отогнать прочь опасных животных, если обратиться к ним с просьбой надлежащим образом. За это люди должны были жертвовать быков и коров из своих стад, когда призраки того желали. Тут Иеро заметил горечь, сквозившую в воспоминаниях человека – недавно ему пришлось отдать одного из своих кау. И это делало призраков еще более страшными, отвратительными и мерзкими!

Недоумевающий и обеспокоенный, Иеро покинул чужой разум. Толпа суеверных пастухов была для него плохой подмогой, однако в результате своих розысков он узнал другие, более полезные факты. Граница джунглей, этих невероятных южных лесов, лежала в двух днях пути к северу. Он не имел представления, насколько далеко ушел на запад от Д'Алви за последние недели, но севернее пояса джунглей должно находиться Внутреннее море. Парень, чьим сознанием он воспользовался, ничего не знал о море – да и обо всем прочем, что лежало дальше линии горизонта. Очевидно, бродячие торговцы редко забредали в эти края. Но о ночных призраках знали и они; и эти слухи, возможно, пришли отсюда. Иеро насмешливо улыбнулся, погружаясь в сон.

На этот раз он спал беспокойно и пробудился, чувствуя, как затекло тело. Ему привиделась бесконечная погоня, в которой он был то ли охотником, то ли преследуемой добычей – дикий сон, полный кошмаров. Скорее охотником, решил священник, с наслаждением потягиваясь; наверное, вчерашнее гадание и маленькое Копье дали о себе знать. Он спустился вниз и сделал несколько упражнений, чтобы

размять мышцы, а затем отправился поискать чего-нибудь на завтрак, прося Всевышнего очистить его от греха убийства, творимого ради пропитания.

К полудню он уже разглядывал поселок, обнаруженный во время телепатического сеанса прошлой ночью. Он мог видеть как минимум на три мили; саванна раскинулась перед ним, упираясь в рощу высоких деревьев, предвестников великих джунглей. Затем теплый туман затянул даль, но он уже успел рассмотреть деревушку, до которой было не больше полумили.

Ее окружала изгородь – высокая, мощная; толстые бревна были вкопаны в землю, их концы заострены. Даже для крупных зверей с мощными бивнями или рогами эта стена была серьезным препятствием. Внутри, перед круглыми хижинами, пылали многочисленные очаги, посылая к небесам клубы дыма. У стены, за жилищами, виднелись загоны для кау, и несколько маленьких стад бродило неподалеку в степи; Иеро мог различить рядом крохотные фигурки пастухов. Посередине деревни желтела притоптанной травой площадка, на которой росло огромное дерево. За дальним концом поселка по равнине лениво извивалась речка – видимо, она снабжала жителей водой круглый год, кроме периодов катастрофических засух, довольно редких в этих влажных землях. Последнее такое бедствие случилось в Д'Алви сотню лет назад.

Картина была настолько мирной, что священник, как и любой благоразумный человек на его месте, не хотел внести в нее тревогу. Однако он нуждался в информации, и местный жрец, о котором ему стало известно прошлой ночью, мог дать весьма ценные сведения. Иеро произвел ментальный поиск и с разочарованием выяснил, что нужный ему служитель богов отправился по делам в другую, весьма отдаленную деревню.

Он подождал немного и, наконец, решил рискнуть. Вокруг поселения, между пастбищ кау, он разглядел отлично ухоженные поля, а ноздри его давно щекотал соблазнительный запах печеного. Уже долгое время он не пробовал хлеба и, к тому же, начал испытывать нужду в соли. Этих простых людей, с их неизбывным ужасом перед мраком, вряд ли мог напугать одинокий странник, появившийся при свете дня. Они с полной определенностью могли убедиться, что к ним приближается не призрак!

К счастью, предположения Иеро оправдались. Еще до того, как он приблизился к деревне, в воротах, врезанных в бревенчатую стену, начал скапливаться народ. Находясь теперь на более близком расстоянии, путник заметил небольшую платформу в ветвях дерева, что росло на площади, и понял, что степные жители не так беспечны и беззащитны, как он предполагал. Их часовой заметил чужака, и теперь большая группа мужчин, покинув селение, направлялась ему навстречу.

Когда они подошли ближе, Иеро положил копье у своих ног и поднял вверх пустые руки. Старейший из мужчин повторил этот миролюбивый жест. Одновременно священник заглянул в мысли встречающих, желая оценить искренность их гостеприимства. Он обнаружил удивление и любопытство, но никаких следов злого умысла или страха. Как он и предполагал, эти люди не боялись одинокого странника.

Степняки были невысокими и коренастыми; тела их, не отличавшиеся особым изяществом, казались крепко сколоченными; все они выглядели здоровыми и бодрыми. Их бедра обтягивали простые кожаные кильты, сандалии и наплечные ремни довершали наряд. Вооружение состояло из ножей и шестифутовых копий, рассчитанных скорее на борьбу со зверями, чем с людьми; ни мечей, ни щитов Иеро не заметил. Наконечники их пик были высечены из кремня, но зоркий глаз путника уловил, что на двух или трех посверкивает металл. Встречающие опустили свое оружие и с любопытством уставились на пришельца, явно ожидая, что он сделает.

Иеро выбрал старшего из мужчин, густобородого, с властным лицом, и обратился к нему на батви – языке торговцев, распространенном на сотни миль от великих хвойных лесов севера до южных болот. Человек что-то пробормотал в ответ на своем наречии. Иеро, однако, заметил удивление в его глазах и, коснувшись сознания старейшины, понял, что тот уже встречался с батви раньше. Прислушиваясь к его речи, священник выделил несколько полужнакомых слов. Год назад, на палубе «Морской девы», с ее экипажем, набранным со всех концов обитаемого мира, он слышал похожий язык. Потом, за время путешествия по лесным дебрям, ему довелось узнать этот диалект несколько лучше. Теперь он попытался заговорить, напрягая память, подыскивая слова или улавливая их смысл в соответствии с думами окружающих людей. Прошло несколько минут, и его уже начали понимать.

Эти люди оказались чрезвычайно дружелюбными и горели желанием предоставить путнику все сведения, которыми обладали. Но их гостеприимство не ограничивалось словами. У них был хлеб – настоящий хлеб! – и странник мог взять с собой столько, сколько сумеет унести. Однако он должен торопиться! Полдень уже прошел, и времени осталось не так много.

– Почему же? – с недоумением спросил Иеро. – До заката далеко. К тому же, я хотел бы отдохнуть и провести ночь в вашей деревне. Я не доставлю больших хлопот.

Старейшина, чье имя звучало как Грилпарзер – с долгим раскатистым "р" в середине слова – пришел в замешательство; затем лицо его стало печальным и, наконец, задумчивым.

– Этого-то я и боялся, – произнес он. – Ты похож на других, на тех, что приходили, когда я был ребенком. Приходили издалека и хотели заночевать в деревне... – он тяжело вздохнул. – Ты не можешь остаться у нас. Я очень сожалею, но это не допускается. Только те, кто рожден здесь, могут искать приют и защиту внутри стен. Я пошлю мальчишек, чтобы они принесли тебе хлеба, а затем, Иеро, ты должен уйти. И, во имя твоей жизни, я надеюсь, что ты – хороший бегун. – Несколько мужчин, стоявших неподалеку, склонили головы в молчаливом согласии.

– Но почему?! – воскликнул священник. – Почему я не могу остаться в селении? Разве я представляю опасность? Поверьте, я не ем младенцев и не пью кровь из кау! – Ему хотелось добавить, что он также моется гораздо чаще, чем большинство новых знакомцев, но осложнять обстановку было ни к чему.

– Нет, нет, – ответил Грилпарзер. – Конечно, ты не можешь навредить нам, мы в этом уверены, но ты должен уйти. Таков закон! И если тебя найдут в степи, когда стемнеет... – Он вздрогнул, и Иеро ощутил панический страх, затопивший сознание собеседника.

– Я умею взбираться на деревья, – сказал он и вытянул копье в сторону мирно щипавших траву быков. – Ни один зверь из тех, что охотятся на ваши стада, не сумеет до меня добраться. Если ваш обычай запрещает страннику входить в деревню, могу ли я заночевать на дереве, на опушке одной из этих рощ? Тогда утром я приду к воротам, чтобы поговорить с вашим жрецом.

Мужчины, стоявшие вблизи, отпрянули при этих словах; видимо, они старались избегать подобных тем. Но Грилпарзер, похоже, был скроен из более крепкого материала. Он выглядел совершенно несчастным, но собирался до конца выполнить долг гостеприимства перед этим странником, чьи речи были столь гладкими и благожелательными. Коснувшись ладонью плеча Иеро, он сказал:

– Когда я был совсем еще молодым парнишкой, приходили другие люди, не похожие на тебя, но слова их были такими же, какие ты произнес вначале. За шерсть и шкуры они давали металл и невиданную в наших краях одежду. Мы предупреждали их... мы просили их уйти... – Иеро почувствовал, как ужас снова охватывает Грилпарзера; на висках его выступил пот – настоящий пот, порожденный сверхъестественным страхом. – Они были хорошо вооружены и только посмеялись над нами. Чужаки встали лагерем у ворот и разожгли множество костров. Они выставили охрану, и мы затворили ворота... – Он снова остановился. – Утром они исчезли. Все исчезли! Два десятка сильных мужчин, вместе с их выючными животными... И мы знали, что так и будет. Большинство их добра тоже пропало. Мы вышли за ворота и забросали землей прах их костров... – Он положил руку на бронзовую рукоять кинжала, торчавшего за поясом. – Я получил вот это, когда мы делили остатки их товаров.

Иеро в задумчивости молчал. Какие бы соображения не руководили этими людьми, в их искренности не могло быть сомнений – он легко распознал бы обман. Призраки! Но странная история, поведенная ему, должна опираться на некие реальные факты. И, что бы не случилось с теми бедными торговцами много лет назад, это событие, безусловно, вызвали естественные причины.

– Ладно, – сказал он наконец. – Я вижу, тебя пугает темнота и то, что приходит в ночные часы... – Шальная мысль мелькнула у него в голове, и он добавил, сам еще не понимая, зачем: – Я не боюсь тех, кто мчитися ночами по степи.

Стоявший перед ним человек отшатнулся, словно его ударили по щеке. Резко повернувшись, он бросился к воротам, что-то громко крича на бегу. Иеро разобрал, что Грилпарзер, призывая неведомых богов, снимает с себя ответственность за судьбу и жизнь чужестранца. Остальные люди припустили за ним с такой скоростью, словно Иеро вдруг превратился в демона, готового пожрать их на месте.

Ворота, до которых было сотни две ярдов, захлопнулись, как только их миновала бегущая толпа; до Иеро долетел глухой стук створок. Он медленно двинулся вперед, потом приостановился, чтобы взять из рук запыхавшегося парнишки обещанный сверток с хлебом. Там были два каравая, еще теплых, покрытых хрустящей корочкой.

Он огляделся. Пастухи исчезли вместе со своими стадами; послеполуденное солнце, склонившись к западу, заливало степь теплыми лучами. Взгляд Иеро скользнул по остроконечным кольям палисада. Ни на стене, ни на сторожевой платформе в ветвях огромного дерева никого не было. Где-то вдалеке промчалась антилопа, вздымая облачко пыли; кроме нее да нескольких стервятников, крошечных черных точек в небесной вышине, все оставалось неподвижным.

Он послал свою мысль в сторону деревни. Мрачная туча аморфного страха клубилась над ней, скрывая так плотно, что он едва мог ощутить ментальную ауру отдельных людей. Сила этого чувства повергла священника в изумление. Сколько же поколений ужас давил степняков, чтобы превратиться в органический наследственный инстинкт?

Отломив хрустящую горбушку, Иеро положил копье на плечо и неторопливо направился к ближайшей роще в полумиле к востоку. «Будь я проклят, если побегу!» – подумал он.

-

*) Утенок Дональд в бескозырке (прим. переводчиков).

ГЛАВА 7. ОХОТНИКИ И ИХ ДОБЫЧА

Иеро устроился на развилке огромной ветви, возносившейся над землей на добрых полсотни футов. Где-то во тьме раскатился рев саблезубого – и замер, словно отзвук удалявшейся грозы. Этой ночью небо затянули облака, меж которыми едва пробивался лунный свет. Разглядывая со своего насеста деревню, священник видел лишь неясные контуры хижин, темных и безмолвных, без проблеска огней. С тех пор, как он занял свой пост, из селения не донеслось ни звука; лишь временами где-то в загоне глухо мычали кау.

Тело священника казалось расслабленным, лицо – спокойным, но он был готов к сражению и к бегству. Копье в правой руке, на предплечье левой – щит, рукоять меча трется о шею. При нужде он мог, метнув копье, мгновенно выхватить из-за спины свой короткий клинок. Вряд ли ему удалось бы выбрать лучшую позицию для защиты; теперь оставалось только ждать и наблюдать.

Он нашел подходящее дерево и забрался наверх еще засветло, перед тем, как угас последний солнечный луч. Он поел и, после долгих недель мясной диеты, вкус грубого хлеба показался ему чудесным. С приходом темноты Иеро начал осторожные попытки зондирования, посылая широким веером свой ментальный сигнал. Его ожидал сюрприз – буквально через несколько минут он коснулся чужого сознания!

Едва обнаружив это неощутимое, как перышко, прикосновение, странный разум закрылся, отпрянув и свернувшись тугим клубком словно испуганная змея. Еще не успев вступить в контакт, Иеро ощутил это паническое бегство и догадался, что обнаруженный им разум не знает о попытке связи, как и о том, что его разыскивают. Испуг был инстинктивной реакцией, который сработала автоматически, с той же скоростью, что и собственная защита священника. Кому бы ни принадлежал этот мозг, в него было встроено что-то похожее на предохранитель, блокирующий любую попытку контакта.

Эту информацию стоило обдумать. Сам Иеро приобрел такое же умение в результате долгих тренировок и смертельных поединков со слугами Нечистого, но существо, с которым он попытался связаться, не нуждалось в обучении; его мозг обладал врожденной защитой.

В ночной тишине, овеваемый прохладным ветерком, чуть слышно шелестевшим среди листьев, он попробовал снова нащупать чужой разум. Его ждал еще один сюрприз. Мышцы священника напряглись, дыхание стало частым; тут была целая группа подобных существ – вероятно, не меньше полудюжины!

Снова пришли в действие предохранители; их разумы ускользнули от ищущей мысли Иеро, скрывшись за ментальными барьерами, столь прочными, что священник не мог пробиться сквозь них. В то же время он заметил, что одно из этих созданий вроде бы ощутило его мимолетное присутствие. Он поймал слабую тень удивления – раньше, чем она исчезла. Существо не знало, кто коснулся его разума, но ментальный сигнал был им воспринят. Теперь стоит посидеть спокойно, решил Иеро; замереть, ничем не выдавая своего присутствия, и, возможно, удастся что-нибудь разузнать таким пассивным способом. Подождать и послушать; вдруг эти существа, столь ловко ускользающие от контакта, попробуют найти его сами.

Долгое время он просидел так, не в силах ничего уловить. Затем что-то случилось – что-то, находившееся на грани восприятия и не имевшее отношения к нему. Не мозг, но слух принес первый сигнал: далеко в саванне, к северу от молчаливых стен и домов деревни, раздался едва слышный крик перепуганного зверя. Отсутствие крупных животных вблизи поселка давно удивляло священника; раньше, по пути сюда, он чувствовал их постоянно. Жизнь переполняла прерию, но сейчас разум замершего на ветви странника тщетно обшаривал окрестности. Никого и ничего! Ни хищников, ни копытных, на которых они охотятся; только змеи, ящерицы, мелкие грызуны, ласки да несколько лисиц. Долетевший же из тьмы вопль принадлежал крупному зверю, смертельно испуганной жертве, существу, на которое шла охота. Иеро ощущал это своим сознанием, слышал своими ушами. Он сосредоточился. Из степи донесся слабый, чуть заметный топот копыт, затем мозг священника уловил волны ужаса. Да, это было большое травоядное; зверь мчался изо всех сил, пока не остановится сердце, не прервется дыхание. Иеро чувствовал его приближение – животное двигалось быстро.

Луна пробилась сквозь пелену облаков, и он, наконец, увидел призрачную охоту – черные тени, выгравированные на серой поверхности равнины. Вначале показалась большая антилопа с изогнутыми лирой рогами; она неслась, делая отчаянные скачки. За ней пришли охотники, и священник, изумленный,

на миг зажмурил глаза.

Они были двуногими и двигались с невообразимой, нечеловеческой быстротой; любой из них легко оставил бы позади самого быстрого из бегунов-му'аманов. Иеро хорошо представлял, с какой скоростью мчится перепуганная антилопа, но эти существа бежали еще стремительнее.

Напрягая глаза, он рассмотрел, что преследователей было с полдюжины; они выглядели тонкими, гибкими и высокими. Кем бы ни оказались эти создания, Иеро решил пока не касаться их разумов. Погоня быстро приближалась к рощице, на опушке которой он сидел, и если охотники были теми самыми тварями, с мозгами, скользкими как мыло в воде, сейчас не время привлекать их внимание.

Через десять секунд ему стало ясно, что выбирать не приходится. Он понял, что антилопа ведет себя странно: любое копытное животное мчалось бы в степь, в простор саванны, обещавшей спасение, но этот зверь бежал напрямик к его роще; кажется, у него тоже не было выбора. Его гнали именно сюда.

Застыв словно камень, он наблюдал конец погони. Антилопа прижалась к стволу, прямо под ветвью, на которой он сидел; бока ее тяжело вздымались, и он слышал бурное дыхание животного. Сейчас, метнув копьё, Иеро мог бы пронзить низко склоненную шею сразу за угрожающе выставленными вперед рогами.

Конец наступил быстро. Один из охотников неуловимым для человеческого глаза движением метнулся к зверю; он проскочил мимо смертоносных рогов на расстоянии, не превышавшем толщины клинка. Видимо, это был отвлекающий маневр; второе существо с той же стремительностью скользнуло к антилопе, на миг слившись с ее телом. Затем что-то сверкнуло в лунном свете, и убийца отпрянул в сторону. Антилопа мотнула головой, пытаясь удержаться на ногах; темная струя крови хлестала из ее рассеченного горла. С предсмертным хрипом животное повалилось на землю, его бока дрогнули раз, другой, потом темнеющая под деревом масса замерла в каменной неподвижности. Иеро подумал, что никогда еще ему не доводилось наблюдать такого быстрого убийства. Он отвел взгляд от тела животного, пытаясь разглядеть охотников, но в сумрачной полутьме перед ним лежала только притихшая саванна; двуногие существа исчезли.

Поразительно! Секундой раньше шесть гибких высоких теней замерли полукругом около издыхающего зверя; в следующий миг степь была пуста. Если бы не труп антилопы, темневший под деревом, священник решил бы, что вся эта сцена привиделась ему во сне.

Он терпеливо ждал. Едва ли простая случайность привела эту странную погоню к его укрытию. Нет, что-то еще должно произойти, и лучше быть готовым ко всему.

То, что случилось потом, не имело отношения к ментальным силам; он просто ощутил нарастающий ужас. Страх не был оформлен в конкретную мысль; ничего такого, что поддавалось бы ясному определению. Скорее, это чувство напоминало то угнетенное состояние, то ощущение томительного дискомфорта, которое испытывает человек, когда барометр начинает падать, и тяжелая духота, повисшая в воздухе, предвещает наступление бури.

Нечто страшное приближалось, подкрадывалось к нему, и он, беспомощный и бессильный, не мог защититься. Во мраке под деревьями и кустами вспыхнули оранжевые и желтые огоньки хищных глаз; они горели яростным пламенем, пожирая застывшую на ветви жертву. Ночной ветерок принес странный запах; неприятный, зловещий и смутно знакомый, он внушал ужас. Пальцы священника судорожно стиснули древко копья, словно якорь спасения.

Этот инстинктивный жест словно укрепил его душу, избавив от наваждения; голова стала ясной, и Иеро вдруг понял, что чуть не покорился злым чарам, с которыми не сталкивался раньше. Он, охотник, сам едва не стал добычей. Нет, хуже, много хуже – беспомощной жертвой! Эта мысль одновременно разгневала и приободрила его; избавившись от страха, он попытался проанализировать странный способ нападения.

Никто не пытался захватить его разум; такую атаку он распознал бы без труда и смог бы легко защититься. Но что же вселило в него страх? Что подверглось нападению? Его тело? Но, кроме запаха, едкого и неприятного, он не ощущал никаких физических воздействий. Однако не было сомнений в том, что на него напали и нанесли намеренный удар. Ощущение ужаса еще не исчезло, он продолжал гнездиться в нем, уже подконтрольный и неспособный причинить вред ни телу, ни разуму.

Горевшие в ночи глаза были иллюзией, порождением страха. Страх еще минуту назад сжимал тисками его горло, орошал потом виски. Только страх, иррациональный ужас, не способный нанести ни физических, ни ментальных ран; чувство, с которым он сумел совладать.

Запах? Этот едкий неприятный смрад?

Да, сколь ни удивительно, решил священник, он подвергся химической атаке. Цель ее была ясна – привести в смятение его чувства, одурманенные страхом, превратить в испуганное животное. Глаза Иеро сузились; он не сомневался, что его догадка верна, и мысленно принес извинения обитателям замершей неподалеку деревушки. Скорее всего, они не были ни глупыми, ни тупыми, ни начисто лишенными любопытства. Если перенесенный им ужас являлся частью их жизни, то мертвое молчание поселка, крепко запертые двери и отсутствие огней становились вполне понятными. Меры предосторожности, не более того.

Каким-то образом эти существа, бегущие в ночи, умели воздействовать на самые глубинные, животные уровни психики. Запах – вероятно, их естественное оружие – использовался, чтобы усилить ужас, вызванный концентрацией злой воли. Никакой интеллект не мог защитить от его воздействия; минуя мозг, он ударял по нервной системе, вызывая один из основных рефлексов, таких же древних, как первый крик новорожденного или слюноотделение у собаки при виде пищи. Вероятно, эти ночные охотники научились влиять на эмоциональные центры своих жертв, угрюмо подумал священник. Им удалось напугать его почти до смерти – раньше, чем гибельный клык, коготь или нож вонзились в его тело. При желании они могли сделать беспомощным и недвижимым любое существо, как сковали ужасом антилопу, лежавшую сейчас под деревом, чтобы потом подойти и спокойно перерезать ей глотку.

Могли, но не сделали. Почему? Иеро подумал, что знает ответ. В первый раз с тех пор, как он обнаружил этих созданий, губы путника искривились в мрачной усмешке.

Он чувствовал, как растет нетерпение ночных охотников, алчное и раздраженное; он ощущал это так ясно, словно мог погладить кончиками пальцев исходившие от них ментальные волны. Почему их жертва не спускается вниз, не подставляет незащищенное горло? Раздражение перешло в ярость; Иеро уловил жар гнева, нависшего над ним, словно темный давящий туман. Скоро они начнут действовать! Этим существам не нравилось сопротивление. Что ж, пусть! Теперь, когда его ментальный контроль держал страх в узде, Иеро приступил к проверке своей нервной системы и химизма тканей. Все было в порядке, если не считать охватившей его холодной ярости. Он даст этим тварям хороший урок!

Соскользнув по ветви вниз и найдя подходящую развилку, священник прижался к стволу; легкий ночной ветерок гладил его волосы. Теперь он находился ближе к земле, но все еще достаточно высоко, чтобы выполнить задуманное. Он был осторожен, помня о невероятной скорости врага. Если его предположения верны, то дело придется иметь с одним противником – во всяком случае, для начала.

Облака вновь затянули небо, скрывая лунный диск; Иеро сжался, стараясь слиться с темной грубой корой дерева. Форма ближайших ветвей и расстояния до них отпечатались в его голове. Он вытащил меч, прислонил копьё к стволу и стал ждать, уверенный, что наживка в его капкане не останется без внимания.

Когда луна исчезла совсем, тихий шорох и царапанье когтей подтвердили эту мысль. Темная фигура карабкалась на дерево, подобная взлетающему вверх призраку; она двигалась едва ли медленнее, чем на земле, но Иеро был готов ее встретить. Как только круглый череп показался у его колен, священник с большой аккуратностью опустил на него плашмя свой клинок. Послышался треск, скрежет сдираемой с ветвей коры – видимо, полуголушенное существо пыталось зацепиться и остановить свое стремительное движение вниз, к земле; затем раздался глухой стук. Услышав его, Иеро громко расхохотался – насмешливо, вызывающе. То был обдуманый поступок; он хотел взбесить своих внимательных слушателей и не просчитался – ярость, бушевавшая у подножия дерева, ударила по его чувствам подобно выпущенному из пращи снаряду. Он приготовился к новой атаке.

Второй противник полез на дерево с большей осторожностью, хотя и его движения были очень быстрыми. Видимо, он испытывал полную уверенность в победе; благословляя его плоской стороной клинка, Иеро заметил что-то вроде веревки или кожаного лассо, свисавшего с плеча охотника. Похоже, его собирались взять живьем! Снова раздался треск сучьев, скрежет когтей и гулкий звук удара о землю. Но на этот раз последствия падения оказались более тяжелыми, если судить по гневному визгливому воплю,

достигшему ушей Иеро. Он снова расхохотался, чувствуя, как глумливый смех вызвал у затаившихся внизу врагов новый приступ бешеной ярости. Их реакция была именно такой, на какую он рассчитывал; теперь, поступившись гордостью, они послали на дерево двоих.

На равнине эти создания перемещались с молниеносной быстротой, но густая древесная крона слегка замедлила их движения. Иеро, твердо стоявший на широкой надежной развилке, считал, что не уступает им в скорости. Первому из нападающих достался сокрушительный удар краем щита в висок, и он рухнул вниз, увлекая за собой водопад листьев и обломанных ветвей. Второй был хитрее; он лез по противоположной стороне ствола и успел добраться до развилки чуть раньше, чем меч Иеро плашмя обрушился ему на шею – как раз под ухом. Пальцы предприимчивого охотника разжались, звякнул выпавший нож, а его хозяин бессильно повис на ветке у ног Иеро.

В эту минуту луна вырвалась из облачной пелены, и священник увидел одного из своих врагов.

В мягком лунном свете, пробивавшемся сквозь лиственный полог, она выглядела прелестно. Высокая – не ниже Иеро – с телом, покрытым нежной светлой шерсткой, которую украшали разбросанные тут и там темные точки и пятна. Кончики ее маленьких грудей были безволосыми – как и нос, тупо срезанный, с широкими и слегка вывернутыми ноздрями. Лоб, по которому бежали темные полосы шерсти, выглядел широким, но едва выдавался над линией глазных дуг; таким же, едва намеченным, был и подбородок. Глаза, сейчас закрытые, показались Иеро огромными; остроконечные уши, посаженные выше, чем у человека, покрывал светлый пушок. Череп был узким, но расширялся к затылку, и священник не испытывал сомнений, что места для мозгов в нем вполне хватало.

Настороженно прислушиваясь к доносившимся снизу звукам, он ощупал конечности своей пленницы. Ноги и руки, гибкие и длинные, очень походили на человеческие, если не считать покрывавшей их шерсти. Но острые втягивающиеся когти вместо ногтей! На них сходство кончалось. Иеро еще раз осмотрел эту самку неведомой в лесах севера расы. Она была совершенно нагой, лишь талию стягивал кожаный пояс с небольшой сумкой и пустыми ножнами кинжала. Он выпрямился и удовлетворенно кивнул головой, как человек, чьи подозрения подтвердились.

Люди-кошки! С того момента, как слабый запах этих созданий впервые коснулся его ноздрей, а мозг ощутил их ментальные волны, все его рефлексы, вся интуиция и память, все знание животной жизни, которую он изучал едва ли не с момента рождения, все кричало ему – кошки! С такой удивительной мутацией священник никогда не сталкивался прежде и даже не предполагал, что она может существовать. Он был уверен, что и в архивах Аббатств тоже отсутствуют сведения о подобных существах. Эти бегущие сквозь ночь охотники являлись чем-то совершенно новым в человеческом опыте. Вероятно, лишь жители затерянных на этой равнине деревень сталкивались с ними, и последствия этих встреч было нетрудно предугадать. Иеро вспомнил истории о внезапно исчезнувших странниках и пропавших караванах, ходившие среди торговцев. Теперь он мог легко представить сцену у ночных костров, когда страх темной волной обрушивался из тьмы на ничего не подозревавших людей – страх, за которым появлялись леденящие кровь иллюзии. Горящие во мраке глаза, нагнетающий ужас запах и, наконец, смерть!

У подножия дерева раздавались едва слышные звуки какой-то возни. Если они навалятся всей кучей, когда луна опять уйдет за облака, ему не выстоять, понял священник. Большинство умрет, но конец может быть только один. Пожалуй, надо испробовать что-то новое – и быстро!

Он прижал ногой расprostертое перед ним тело, чувствуя через подошву сандалии, как слабо вздымается и опадает грудь пленницы; затем протянул вниз невидимый луч ментального щупа. В этот раз мозг, на который он наткнулся, не стал ускользать; его обладатель был очень сердит и возбужден. Иеро с удивлением ощутил, что не он является причиной гнева ночного охотника; нет, она – самка, которая так внезапно исчезла. Этот взъерянный разум явно принадлежал вождю, уверенному в своих силах, ни разу не терпевшему поражения. Как он был разгневан! Священник почти зримо мог представить зловещий блеск янтарных глаз, взъерошенную на загривке шерсть, нервное подергивание усов и настороженные уши.

Первой реакцией на проникновение Иеро в ментальный диапазон, в котором общались люди-кошки, было пораженное молчание, затем – гнев. Связь, однако, не прервалась; существо, чей разум он нащупал, не хотело отступить.

«Где она? Где Младшая? Ты, безволосый! Спускайся вниз со своего обезьяньего насеста, или мы

прикончим тебя! И ты умрешь не слишком быстро!»

Сообщение было совершенно ясным для любого, кто обладал ментальной тренированностью Иеро. Видимо, эти существа использовали мысленную речь для повседневного общения – передаваемые образы были четкими и недвусмысленными. И столь же недвусмысленное презрение звучало в словах насчет обезьяньего насеста.

«Прикончить меня непросто, – ответил странник с насмешкой. – Кое-кто из твоего племени уже убедился в этом, заработав пару-другую синяков. А я мог убить их очень легко, даже не выпустив когти. – Он решил, что сможет пользоваться их собственным оборотом. – Поразмышляй, охотник, на этот счет. И запомни еще вот что: твоя Младшая здесь, в моей власти. Она цела и невредима, если не считать царапины на голове, но только до тех пор, пока мое терпение не лопнуло.»

В его ответе звучали вызов и угроза – сила являлась лучшим аргументом для собравшихся внизу хищников.

Ментальная связь оборвалась, будто перекушенная острыми зубами; образ, по мнению Иеро, вполне подходящий для кошачьего племени. Снизу до него долетали неразборчивый шепот и бормотанье. Глупостью эти коты не отличались! Незнакомец сбросил с дерева их воинов, легко вступил в ментальный контакт – возможно, он способен и на большее. У мышки оказались острые зубы! Лучше подождать, не выдавая своих планов, и поглядеть, не обернется ли мышка крысой или чем похуже.

Иеро, тем временем, ощутил первое содрогание тела под своей ступней. Быстро наклонившись, он расстегнул пояс своей пленницы и связал ей ремнем руки за спиной; затем, вытащив из сумки кусок веревки, туго обмотал лодыжки. Если его атакуют, пусть эта красотка полежит спокойно. Кто знает, чего можно ждать от разъяренной дикой кошки? Когти у нее внушительные...

От предводителя стали поступать новые сигналы:

«Пошли Младшую вниз. Если она цела, мы будем думать дальше. Если нет, придем и убьем тебя!»

В переменчивом свете луны, то тающей за облаками, то ронявшей бледные лучи на кроны деревьев, священник задумчиво опустил взгляд на свою пленницу. Была ли угроза ее сородичей блефом, простой уловкой? Вождь ведь ничего определенного не обещал... Когда молодая самка вернется к сородичам, они все еще могут напасть и даже получат преимущество еще на одного бойца. С другой стороны, он потеряет ценного заложника...

Иеро колебался, взвешивая все, что было ему уже известно об этом народе и его происхождении; он думал, как они могут реагировать на новую ситуацию. Вероятно, с присущей их породе безжалостностью, если уверятся в том, что он представляет для них угрозу... Однако тут было еще одно обстоятельство – точнее, целых два. Первое: существо, вступившее с ним в связь, казалось искренним или, точнее, не знакомым с ложью и не нуждавшимся в ней. И второе, более существенное, на что он надеялся все это время. Весьма забавный момент... Пожалуй, такая штука не убьет котов, но она должна помочь... Очередной раз в своей наполненной бурными событиями жизни священник положился на судьбу и выбрал риск.

Его пленница очнулась; огромные глаза, втрое больше его собственных, пристально глядели на священника, и в них разгоралось яростное пламя. Широкий, почти безгубый рот приоткрылся, обнажив острые зубы; без сомнения, она пустила бы их в ход при первой же возможности. Длинные белые волоски на верхней губе, точное подобие кошачьих усов, встопорщились. Не свяжи он эту красотку, решил Иеро, хлопот с ней было бы предостаточно.

«Мир, маленькая сестра! Я тебя не трону. Я отпущу тебя вниз, на землю. Твой вождь, – он излучил спектр частот, характерный для мысленной речи предводителя, – просил освободить тебя.»

Он медленно развязал веревку на ее лодыжках и стягивающий локти ремень, все время оставаясь настороже, помня о фантастической скорости ее реакций. Конечно, он не побоялся бы схватиться врукопашную с этим стремительным и гибким существом, однако ее зубы и когти невольно внушали уважение.

Она осторожно поднялась на ноги, не спуская взора с Иеро; теперь в огромных янтарных зрачках

скорее светилось удивление, чем гнев. Глаза ее расширились еще больше, когда священник протянул ей пояс с кинжалом, который он раньше воткнул в древесный ствол. Единым движением, легким и слитным, она приняла оружие из рук человека и метнулась вниз, бесшумно скользя меж ветвей. Иеро уселся на своей развилке и стал ждать. У него было чувство, что ждать придется долго.

Ночь шла на убыль, луна спускалась с горизонта и, наконец, исчезла. Вдалеке раздался вой шакалов; большой филин сел рядом со странником, потом заметил неподвижную человеческую фигуру, возмущенно заухал и сорвался с ветки. Предрассветная тишина накрыла саванну, но Иеро знал, что он не одинок. Ему не требовалось спускаться со своего обезьяньего насеста, чтобы проверить, сколько глаз наблюдают за ним из темноты. Вступить в контакт с отдельным мозгом было проще, но он мог чувствовать рост ментального излучения всей группы, по мере того, как все больше и больше ночных бегунов собиралось на совет. Должно быть, они сгрудились вокруг дерева целой толпой. Размышляя о том, не сулит ли ему эта ночь кровавый конец, Иеро вознес свои утренние молитвы, особенно испрашивая благодать милосердия и всепрощения. Пожалуй, в данном случае он имел в виду не Господа и, тем более, не себя самого; скорее – собравшихся внизу творений Божьих, которые могли в единый миг наложить на него свои когтистые лапы.

Ожидаемое сообщение пришло с той же внезапностью, как прочие реакции, которые Иеро наблюдал у людей-кошек:

«Спускайся вниз, если не хочешь, чтобы тебя разорвали в клочья, – пригласил вождь. – Мы уходим и заберем тебя с собой. – Затем, с явной неохотой, он добавил: – Можешь оставить у себя оружие. Но не вздумай им пользоваться!»

Сработало! Священник ликовал про себя, неторопливо спускаясь с дерева. Пока его предположения были верны, но через несколько мгновений выяснится, не станет ли разорванное горло платой за излишнюю самонадеянность. Он не тешил себя надеждами, что сможет справиться с целой толпой этих необычных мутантов. С последней молитвой было покончено, когда ноги его коснулись земли.

Под деревом царила тьма, однако не настолько густая, чтобы он не мог различить кольцо высоких фигур вокруг и сердитый блеск янтарных глаз. Иеро невольно подумал о людях – десятках, сотнях человек, видевших такую же картину в свои последние минуты, перед тем, как упасть на колени под парализующей волной ужаса и без сопротивления расстаться с жизнью. Его рука крепче сжала копье. Нет, он не встанет на колени... и уж, во всяком случае, паралич от страха ему не грозит!

«Пошли! – этот приказ пришел от вождя. – Ты можешь идти своим обычным шагом. Мы будем двигаться медленно... так медленно, как привыкли тащиться существа твоей породы.» – Мысль, исполненная презрения, относилась к обитателям деревни.

«Я не оттуда, – сообщил Иеро, – и ты, я думаю, давно это понял.»

Он ощутил вызов в своем ответе и довольно ухмыльнулся. Его противник вряд ли привык к противоречию – во всяком случае, не со стороны людей.

Вождь, однако, сдержал раздражение. Теперь он нависал прямо над Иеро – высокий, не меньше семи футов ростом, насколько можно было определить в сумраке занимавшегося утра.

«Нет, конечно, ты не такой, как они. Ты можешь говорить так, как говорят иир'ова – (Иеро не мог подобрать более похожего звуко сочетание, которое, видимо, означало название этого народа). – Другие не слышат нашу речь. И ты сопротивлялся нашей убивающей мысли... даже Ветру Смерти!» – Вероятно, вождь имел в виду ужасный запах, способный сломить волю к сопротивлению у любого существа.

«Нет, – продолжал человек-кот, – ты не из тех, что обитают здесь. Ты – существо другой породы и, возможно, гораздо худшее! У нас есть легенды, дошедшие из прошлого, о таких, как ты... Старейшины иир'ова помнят их лучше меня. И если ты – тот, о ком я думаю, то лучше бы тебе умереть в ветвях дерева!»

Теперь они двигались прочь от деревни, в сторону открытой степи, поросшей высокой травой; они шли на восток под темным облачным небом. Иеро шагал в центре группы, окруженный рослыми фигурами ночных охотников. Был ли он дичью или почетным пленником? Во всяком случае, не стоило проверять это бегством; на равнине он не мог тягаться со стемительными иир'ова.

Их предводитель вновь заговорил; в его беззвучной речи Иеро почувствовал сомнение.

«Я надеюсь, ты – не тот, что мы подозреваем. – Тут была пауза, почти физически ощущаемая нерешительность. – Ты был храбр. Ты сошел вниз по одному моему слову. И те, кого ты ударил своим большим ножом, утверждают, что рука смерти едва не коснулась их, но ты позволил им жить. – Снова пауза. – Ты понравился Младшей, хотя ее голова в крови. Она – Владычица Ветра.» – По интонации вождя Иеро сообразил, что этот титул является весьма почетным.

«Младшие, даже Владычицы, любят с чем-нибудь поиграть. Они таскают детенышей у этих обезьян, дрожащих за своими деревянными стенами, и пытаются приручить их. Но все детеныши умирают.» – Иеро вознес молчаливую молитву за упокой души всех младенцев, похищенных у несчастных обитателей деревни.

«Назови свое имя – так, как оно звучит на твоём языке», – внезапно прервал он вождя. Ответом были раскатыстые рычащие звуки, которые не могла воспроизвести гортань человека. Иеро безуспешно попробовал повторить их, выдавив, наконец, что-то похожее на «Б'ургх». Он чувствовал, что его попытки веселят собеседника и ничего не имел против. Любой пустяк, который позволит укрепить зародившуюся приязнь, работал сейчас на него.

Они прошли около мили, и Иеро вновь ощутил ментальный сигнал Б'ургха.

«Ты, чужестранец, такой же охотник, как и мы. – На самом деле слово, которым обозначил его вождь, скорее походило на „странный“ или „загадочный“. – Те существа, что живут за стеной, используют ловушки и ямы, прикрытые травой. А ты – ты можешь, подобно нам, охотиться в темноте?»

«Да, – ответил Иеро, – только медленней. Я вижу ночью не так хорошо, как твой народ. И я не могу так быстро бегать. Никогда не встречал подобных вам бегунов», – добавил он с невольным уважением.

«Никто не в силах догнать нас, – в словах Б'ургха прозвучала гордость. Мы – Дети Ночного Ветра. Однако, – на мгновение он сделал паузу, – есть неплохие охотники и среди малого племени – из тех, кто подстерегает в засаде. Иногда мы встречаемся с ними... и тогда не все иир'ова возвращаются на свои равнины.»

Иеро понял, что собеседник явно имеет в виду людей – новое странное племя, почти равное или, по крайней мере, не испытывающее страха перед его народом. Вождь признавал это, несмотря на все свое высокомерие. Однако здесь присутствовало и нечто иное – то, о чем священник догадался в убежище на ветвях лесного гиганта. Вожак иир'ова был любопытен; он нашел себе новую забаву и не собирался с ней расставаться. Котенок разыскал еще один клубок ниток! Видимо, не только Младшим нравилось играть с маленькими безволосыми зверьками! Иеро ухмыльнулся в темноте, вообразив, что вместо мягко шагнувшего рядом исполина, у его ног крадется пушистый кот.

«Нам не нравятся обезьяны из-за стен... те, что копаются в земле и разводят глупых рогатых зверей. Хотя молоко у рогатых вкусное, и мы его пьем, когда придет охота. – Вожак помолчал, затем мысль его вновь коснулась разума Иеро. – Ты видел Младшую – ту, что была с тобой на дереве. Скоро ты встретишь других таких же... И, вероятно, узнаешь, почему мы не любим твой род. Я начинаю вспоминать плохое... очень плохое... это случилось давно... Однако мы не станем говорить больше, пока не придем в Воздушные Логова.» – Тон последнего замечания не слишком приободрил Иеро.

Прошло с полчаса, и смутные тени обступили их, закрывая небо. Они подошли к полосе леса. Эта роща казалась больше той, где прятался Иеро, и она не пустовала. По отдельности люди-кошки еще могли укрыться от его ментального взора, но поселение этих существ он чуял без ошибки – над ним, словно пар над водой, висел своеобразный туман мысленных излучений. Значит, это и есть Воздушные Логова! Как бы ему не испустить тут дух...

Через минуту они были уже под сенью огромных деревьев, пробираясь узкой тропинкой вдоль опушки. Она петляла и поворачивала, словно прихотливо изгибавшийся ручей, но спустя некоторое время вывела их на поляну, затененную низко нависшими ветвями. Иеро видел достаточно хорошо в этом полумраке, чтобы заметить лестницы, что тянулись к древесным кронам. К одной из них его и направили – вежливо, но твердо.

Лесенка была невероятно крутой и уходила, как казалось ему, в самое поднебесье. Наконец, они с Б'ургхом достигли внешнего края большой платформы, сделанной из гибких ветвей, переплетенных

лианами. Они были здесь вдвоем. Так ли? Иеро присмотрелся. Нет. Тут присутствовал и третий – неясная фигура, скорчившаяся на циновке в дальнем конце этого воздушного убежища. Огромные глаза, в которых играли оранжевые отблески, пристально изучали его; затем плавное движение руки сопровождало приказ: «Садитесь!»

Бок о бок человек и рослый самец иир'ова опустили на корточки; таинственный наблюдатель перед ними пребывал в молчании. Он не пытался вступить в ментальный контакт, но Иеро необъяснимым образом знал, что видит старейшину. Он чувствовал, что это создание сейчас просто припоминает, размышляет и сопоставляет, изучает и делает выводы. Такая работа требовала времени, и священник терпеливо ждал. Наконец темная фигура поднялась со своей циновки и шагнула к гостям, попав в сумеречный свет занимавшегося утра.

Она оказалась старой, очень старой и дряхлой, как заметил странник. Но энергия жизни переполняла ее, разум и дух были крепки, хотя спина сгорбилась и мышцы высохли. Несомненно, Б'ургх был превосходным бойцом и предводителем на войне и на охоте, но сейчас перед Иеро стоял настоящий вождь иир'ова.

«У меня нет имени, Чужой, даже в нашем языке. – Ее ментальный голос оставался юным и свежим, несмотря на возраст. В огромных глазах мерцали огоньки, но разум был спокойным и ясным; ни гнева, ни следа раздражительности или нетерпения, которые Иеро замечал у Б'ургха. – Я – Та, Что Помнит и Та, Что Говорит. С тех времен, когда мы обрели свободу, подобные мне хранят память племени. Они никогда не должны забывать о Страшных Временах, о том, что случилось в другом месте за много восходов и закатов до того, как мать моей матери впервые раскрыла глаза. Теперь пришел ты... и, может быть, это главное, для чего я жила... я и все остальные Помнящие, те, которых давно унес Ночной Ветер». – Она придвинулась ближе, и Иеро понял, что ему разрешено говорить. Смутная догадка о прошлом этой расы промелькнула у него в голове, но он отложил ее до времени и мягко ответил:

«Я не враг твоему народу. И я говорил главному среди ваших охотников, что не отношусь к людям, обитающим на равнине за деревянными стенами. Думаю, он поверил мне».

Сухой ответ последовал быстро.

«Неважно, во что он поверил; главное, чтобы поверила я, Безволосый! Потому ты и находишься здесь! – Ее ментальный сигнал был холодным и вызывающим, но в следующий миг тон изменился: – Ты думаешь, мы враги этим существам, что сгрудились за своими стенами, более жалкие и трусливые, чем те животные, которые питают их? Нет, не так! Они приносят нам пользу. И есть еще одна цель в их существовании... цель, которая касается тебя, ибо ты стоишь гораздо ближе к ним, чем к нам. Ты догадываешься об этой цели?»

Священник думал быстро, стараясь не выдать своих колебаний; вопрос был непрост и коварен. Перед ним разверзлась пропасть. Одно неверное слово – и он умрет в считанные минуты! Он должен что-то ответить – и немедленно! Иеро выбрал рискованный ход.

«Эти люди с равнины, похожие на меня, но такие беспомощные и безобидные, они служат как бы напоминанием... Они помогают сохранить память о прошлых временах. О временах, когда другие, подобные им телесно, не были ни беспомощными, ни безобидными!» – Он перевел дыхание, не отрывая глаз от вертикальных оранжевых зрачков Помнящей.

Она тоже вздохнула – глубоко и с видимым облегчением.

«Значит, ты знаешь? И если знаешь, то как много? – Ее глаза сузились. – Но сначала, главное: откуда пришло твое знание?»

Свой мысленный ответ Иеро формулировал с предельной тщательностью; он понимал, что все еще ходит по лезвию ножа. Одно неосторожно сказанное слово, одно неверное движение, и огромный иир'ова, сидевший рядом, стиснет его плечи раньше, чем он успеет пошевелиться. А затем... стоит только старой кошке кивнуть...

«Поверь, я не знаю ничего. Но я скитаюсь всю свою жизнь и видел много земель, населенных странными существами. Часто мне приходилось сражаться с ними... Одни походили на меня, другие – нет.

Но самые страшные враги, самые злобные твари относились к моей расе. – Он сделал паузу, усиливая эффект своих слов. – Но только по виду. К тому же, они были настоящими Безволосыми – ни волоска на теле и на голове. – Действительно ли пылающие зрачки чуть дрогнули? Он продолжал: – В тайных местах, вдали от света солнца, они выводят рабов – существ иных пород, которых превращают в слуг зла. Таких, как эти», – он послал Помнящей образы Волосатых Ревунов, обезьяноподобных лемутов и страшных людей-крыс. Едва заметная дрожь пробежала по ее телу, но огромные глаза не отрывались от лица священника.

Теперь в ее ментальной речи появился оттенок просьбы; раздражение исчезло – во всяком случае, оно не относилось к Иеро.

«Если тебе ничего не известно, то ты не ведаешь о позоре, который мы, свободное племя, носим до сих пор?»

«Разве можно считать бесчестьем, если слуги зла силой захватили тебя? А ведь со мной случилось такое – меня схватили и пытали. Но я убежал! Я и сейчас бегу, пробираюсь на север к своему народу. Так же, как бежали в далеком прошлом Дети Ночного Ветра, почуяв сладкий запах свободы!»

Он слегка успокоился. Детали мозаики становились по местам; его пронизательному уму хватило намеков, чтобы воссоздать цельную картину. И слова Помнящей лишь подтвердили то, что он уже предчувствовал.

«Покажи мне твоего врага! Покажи в своих мыслях! Того, кто властвует над остальными!»

Выполнить эту просьбу было нетрудно; ненавистное лицо С'даны, адепта Нечистого, смертельного и страшного врага, часто всплывало в памяти священника. Бледная кожа, безволосый череп, глаза почти без зрачков, горящие дьявольским огнем, аура злобной силы, окружавшая колдуна... Иеро передал Помнящей этот адский образ.

Она зашипела, как разъяренная рысь; вождь, беспокойно шевельнувшийся рядом с Иеро, вторил ей. Гнев затопил сознание иир'ова; гнев, не остывший в череде многих поколений, родившихся свободными. Эта раса была самой независимой, самой гордой из всех существ, искусственно выведенных колдунами Нечистого, и ненависть к тем, кто осмелился когда-то наложить на них оковы, стала инстинктивной.

«Это один из них! Из проклятых, чтоб им сгореть в небесном огне! Пусть смерть поразит их в пещерах – там, где они приносят боль своими острыми ножами! Они держали нас под землей, беспомощных, скованных властью их злых мыслей... они смеялись, когда мы терпели страдания... они говорили, что хотят сделать из нас полезных слуг! Да, мы стали бы хорошими слугами, если б их мощь сломила нашу волю! Слушай, Чужой... ты, который ненавидит их так же, как мы! Я, Помнящая, поведаю тебе о тех временах – так, как говорила мне мать, и как было рассказано ей самой ее матерью. Запомни эту историю – так, как запоминают ее детеныши иир'ова. Если ты ненавидишь их – а я чувствую, я знаю, что ты не лжешь – то прими помощь Восточного Прайда!»

Иеро прислонился к плетеному ограждению платформы; теперь он мог позволить себе расслабиться. Усилия Нечистого помогли ему найти новых союзников. Забавная ситуация! И вряд ли она порадовала бы С'дану!

Ночь убывала, восток разгорался первыми отблесками рассвета. Устроившись на краю воздушного гнезда иир'ова, священник слушал историю их пленения, случившуюся далеко отсюда, в иной земле, за сотни миль от вольной прерии. Он полагал, что адепты Нечистого вывели эту расу для битв – ментальных и тех, где используется более осязаемое оружие – однако не стал делиться своими догадками с Помнящей.

Но какую ошибку допустил враг! Сражение мыслью требует мощного высокоразвитого мозга, а такой разум не способен к бездумному подчинению. И вскоре новосотворенное племя воинов поняло, что является лишь орудием в руке хозяина, ничтожной частью его великого зловещего плана. Боль и мучения научили иир'ова терпению, ложь их владык – пронизательности, жажда свободы – сотрудничеству. Они объединились и восстали.

И наступил час отмщения, ночь крови и огня! Они застали врасплох своих владык и вырвались из пещер и пылающих лабораторий, потеряв многих; тех же, кому удалось выжить, преследовали долго и

упорно. Они бежали, упрямые гордецы, бежали, пока их сердца не начали рваться из груди, бежали, пока их самки могли нести детенышей. Они были уже вне пределов досягаемости прежних хозяев, и разум их стал свободен от ментальных оков, но они шли день за днем, пока не достигли новых земель. Здесь они остались, но не забыли того, что минуло. Их история, трагическая и мрачная, повторялась все новым и новым поколениям; кровотокающий шрам воспоминаний не зарастал плотью забвения.

Когда первые группы переселенцев и странствующих пастухов появились в этих краях, внимательные глаза наблюдали за ними из тенистых рощ. Единственные представители рода людского, которых знали иир'ова, были слугами Нечистого, и горячие головы решили, что пришельцев нужно истребить – полностью и без жалости. Но мудрость победила. Понаблюдав за чужаками, они сообразили, что эти существа относятся к другой породе, безвредной и робкой. Пришельцы даже оказались полезны: мясо их животных было вкусным, молоко – восхитительным. Итак, поселенцам разрешили остаться в их деревнях; они жили под бдительным присмотром, обложенные данью.

Ни эта дань, ни тайное владычество Детей Ветра не были обременительными, если не считать строгого исполнения немногочисленных законов. Любой человек, увидевший вблизи одного из своих неведомых повелителей, умирал; исключения тут не признавались. Старейшины иир'ова полагали, что пришельцы являются не только источником легкого пропитания; нет, они могли служить и другим целям. Они были живым напоминанием о прошлом и, при нужде, стали бы маскирующим фактором, если б слуги Нечистого появились в саванне. Итак, две расы, два племени жили бок о бок; насколько Иеро мог установить, это продолжалось две сотни лет.

После заката люди затворялись в своих жилищах, за деревянными заборами деревень. Ночь принадлежала Детям Ветра. Искусные охотники, они истребляли опасных зверей, которые могли бы угрожать скоту или людям. В округе было три человеческих поселения, и по их числу племя иир'ова делилось на три рода или Прайда. Пришельцы скоро проводали о своих незримых покровителях – возможно, это знание пришло жестоким путем. Их жизнь проходила рядом с призраками. Вскоре они поняли, что должны в определенный час оставлять пищу и молоко в отмеченных местах; они узнали, что призраков можно увидеть лишь ночью, и что слишком любопытные исчезнут навсегда. Страх надежно держал их за стенами деревень. Изредка, в предрассветных сумерках, сидевший на дереве часовой мог разглядеть стремительные фигуры охотников, скользившие среди высокой травы; он знал, что то были таинственные боги его народа, вершители безжалостного закона.

С философским спокойствием Иеро подумал, что он встречал немало племен, обладавших, на первый взгляд, тем, что они называли свободой, но живших много хуже. Когда-нибудь придет день, и он сам – или другие – поразмыслят над этим странным несоответствием человеческих культур и поищут пути их изменения.

История была завершена, и Помнящая разрешила человеку перебраться на одну из плетеных платформ, где он мог спокойно отдохнуть. Наступал день, период сна для иир'ова, хотя для этого им требовалось меньше времени, чем людям. Обычно в светлые часы они занимались какой-нибудь несложной работой – выделывали ремни из шкур, плели корзины и лепили грубые глиняные горшки.

Около полудня Б'ургх разбудил гостя. Восточный Прайд собрался на поляне в центре рощи, и Иеро был представлен всем от мала до велика, не исключая совсем крохотных детенышей. К двум остальным родам отправили посланцев, чтобы сообщить о новом союзнике. После этого священник обрел полную свободу и смог удовлетворить свое любопытство.

Они были простым народом, эти иир'ова; их материальная культура примерно соответствовала уровню австралийских аборигенов. Они не имели даже оружия, кроме длинных ножей, обсидиановых или металлических; последние, несомненно, являлись частью взимаемой с деревень дани. Пожалуй, решил священник, они и в самом деле не нуждались ни в чем. Их невероятная подвижность да Ветер Смерти делали охоту слишком легкой! У них было все, что надо для жизни, и никто не желал большего. Иир'ова пользовались огнем, но только ради тепла и света; они предпочитали сырую плоть печеному мясу. Дикие груши и другие плоды разнообразили их стол; они ели растительную пищу, когда чувствовали необходимость в ней. Еще они знали несколько целебных трав; этим ограничивалась их примитивная фармакология.

Два пушистых малыша, обитавших на соседней платформе, показались Иеро очаровательными. Они, в свою очередь, решили, что этот странный безволосый чужак является превосходной игрушкой. Теперь Иеро, прогуливаясь вечерами по стойбищу, ташил на каждом плече теплый мохнатый подпрыгивающий комочек. Сзади тянулся хвост детенышей постарше и подростков, засыпавших гостя таким количеством вопросов, что у него гудело в голове от безуспешных попыток разобраться, кому и что он должен ответить. У любого костра его ждал радушный прием и, обходя их изо дня в день, он старался разделить трапезу с каждым членом племени.

По вечерам он наносил обязательный визит Помнящей – иир'ова были весьма щепетильны в вопросах вежливости. Иеро проводил с ней не меньше часа; иногда к ним присоединялись Б'ургх и Младшая – та, которая познакомилась с его мечом на дереве вблизи деревни. Теперь он знал ее имя – М'рин; со временем ей предстояло стать новой Помнящей Восточного Прайда.

Взаимоотношения между членами племени были тонкими, порой почти неуловимыми и непонятными. Встречались пары, питавшие друг к другу несомненную и глубокую привязанность, но многие не искали устойчивых семейных связей. Одни самки предпочитали постоянных партнеров, другие часто меняли приятелей. Впрочем, детенышам никакие любовные пертурбации старших не доставляли хлопот – они считались общими. Иеро выведал, что иногда Дети Ветра устраивали нечто вроде праздников, во время которых переставали действовать все правила и законы. Они жгли на кострах какую-то траву, дым которой приводил их в дикое возбуждение, почти неистовство.

Помнящих тщательно отбирали среди молодых самок, и затем они проходили длительное обучение. Что касается Б'ургха, то, как предполагал Иеро, он завоевал свой титул главного охотника и военного вождя в поединке; в один из дней его мог вызвать на битву кто-нибудь из младших самцов, и если юный воин переживет такое сражение, то будет принят в почетный круг старших – тех, к чьим советам прислушивается Помнящая.

Иногда по ночам Прайд устраивал нечто вроде хорового пения – Иеро не мог подобрать лучшего слова. На его взгляд, эти музыкальные фестивали были слегка шумноваты, так как песни иир'ова напоминали вопли огромных котов. Иногда завывания и протяжные мяукающие рулады становились чуть тоньше и мелодичнее, но тут же с новой силой обрушивались на человека, терзая слух. Иеро вежливо внимал, кивая головой, изображая безграничное удовольствие. Эти сборища устраивались в честь гостя и нового союзника; за неделю, которую он провел с Прайдом, ему пришлось не раз в них участвовать.

Но в целом племя Детей Ночного Ветра приводило священника в восхищение. Ему даже удалось кое в чем помочь своим хозяевам. Старейшин уже давно беспокоило падение рождаемости в Восточном Прайде, и Иеро быстро установил причину – приток свежей крови из двух других родов почти прекратился, Прайд стал замкнутой группой. Он осторожно намекнул Помнящей и ее советникам, старшим самцам, что молодежь из разных Прайдов должна встречаться почаще. Слова гостя были восприняты с благодарностью, и старейшины заверили его, что обязательно выполнят эту рекомендацию – конечно, в той мере, в которой она не стеснит личной свободы юных иир'ова. Последнее замечание удивило священника, и он обратился за разъяснениями к М'рин. По словам Младшей, никто не мог отдавать таких приказов членам племени; допускались только деликатные предложения и вежливые напоминания. Однако М'рин считала, что все произойдет так, как посоветовал гость – правда, это потребует времени.

Примерно каждую вторую ночь те Дети Ветра, кому позволяли возраст и силы, охотились. Конечно, они брали с собой и нового друга – его не приходилось долго упрашивать. Так как Иеро не мог поспеть за стремительным бегом ночных охотников, дичь пригоняли прямо к нему. Ветер Смерти не использовался ни разу; иир'ова применяли это свое оружие лишь на войне и в случае большой опасности. Иеро казалось не тактичным интересоваться им; он предполагал, что газ является выделением специфических желез, подстегнутых снадобьем из какого-то редкого растения. Секретом владели лишь Владычицы Ветра, несколько обученных самок. Иир'ова открыли свою удивительную способность много лет назад и надеялись, что она поможет племени в борьбе с Нечистым.

Дичь, которую обычно предпочитали ночные охотники, редко попадалась в окрестностях, но как-то раз они обнаружили подходящее животное и взяли с собой Иеро – видимо, с целью проверить, на что он способен. Гостя оставили в определенном месте, выбрав позицию недалеко от деревьев, и велели ждать в

полной готовности. Иеро понимал, что ему предоставлена честь прикончить добычу – но вот какую? Об этом ему не сказали ни слова. Дети Ночного Ветра обладали довольно странным чувством юмора, как мог заметить священник; так что ему лишь оставалось надеяться, что охотники не пригонят к роще одного из бродивших в саванне гигантов, с ногами, подобными древесным стволам.

Он испытал большое облегчение, услышав топот копыт и сердитое фырканье какого-то травоядного. Однако, когда зверь возник перед ним в лунном свете, энтузиазм Иеро слегка приугас.

Судя по форме голоиы, это был огромный бык. Над глубоко посаженными крохотными глазками выдавались два длинных прямых рога – мощное, смертоносное оружие; кроме того, на широкой морде торчал третий, разветвлявшийся посередине и выглядевший весьма зловеще. Иир'ова гнали разъяренного зверя к священнику, и на миг его охватило удивление – как ночные охотники, при всей их стремительности, ухитрялись избегать смертельных ударов страшных рогов? В следующую секунду ему стало не до раздумий; огромный бык очутился прямо перед ним. Нанести удар в этот толстый, увенчанный рогами череп было бы самоубийством; он швырнул копье в широкую грудь зверя и отскочил в сторону, выхватив меч.

Лезвие копья погрузилось в мохнатую тушу, на мгновение остановив чудовище. В тот же миг Иеро с трех ярдов метнул свой клинок, целясь в налитый кровью, выпученный глаз животного. Лезвие вошло по рукоять. Взревев в последний раз, бык рухнул на землю под аккомпанимент диких воплей охотников; мозг его был пронзен насквозь. Внезапно Иеро почувствовал, что у него дрожат колени.

Когда он вытащил меч и осмотрел морду животного, его ноги совсем ослабли. Глазницу окружала мощная черепная кость; если бы удар пришелся в сторону, клинок отскочил бы, оставив лишь царапину на толстой шкуре. На миг прикрыв глаза, Иеро вознес благодарность Создателю за добрый бросок.

«Ты ловко управился с Четырехрогим, – пришла одобрительная мысль Б'ургха. – Никто даже не успел помочь. – Он сделал паузу и добавил: – Мы любим охотиться на него... бывает, ему достается сам охотник. Этот рогач не боится хорошей схватки.»

С витиеватой вежливостью Иеро принес благодарность за предоставленную честь и отличное развлечение. Не стоило показывать, что он чувствовал сейчас на самом деле.

ГЛАВА 8. ГРОЗА НАД НИАНОЙ

Хопперы, отборные скакуны королевской гвардии, очень устали. Весь этот бесконечный день они носились вслед за своей владычицей с одного края поля битвы на другой. Принцесса поспевала всюду; ее золоченные доспехи и яркий плюмаж сверкали то перед шеренгами копьеносцев в прочных тяжелых доспехах, нуждавшихся в королевском ободрении, то впереди лавины атакующих всадников. Ее видели в каждом месте, где дело принимало тяжелый оборот, и, вдохновленные ее присутствием, воины Д'Алви бились насмерть.

Бой, тем не менее, был проигран: враг обошел королевскую армию с флангов, подавил численным превосходством, и войска Д'Алви отступили. Мятежный герцог Амибал Азо или один из его советников оказались неплохими стратегами, и силы неприятеля двигались вперед гораздо быстрее, чем рассчитывали Лучар и король, ее отец. К тому же хитрый Амибал использовал кое-какие неожиданные трюки, что говорило либо о его остром уме, либо о тайной поддержке Нечистого. Во всем этом ощущалась направляющая рука Джозато; однако, мрачно подумала Лучар, Амибал оказался его достойным учеником. Не успели отряды короля покинуть столицу, как ее потряс бунт нищих, воров и присоединившихся к ним недовольных лавочников. С восстанием быстро покончили, вздернув главарей у городских ворот, но это потребовало времени и сил. В результате, когда две армии встретились в двадцати милях к югу от столицы, королевские войска были уже измотаны уличными схватками и недосчитывали многих бойцов.

Амибал, который, надо отдать справедливость, оказался храбрым и решительным военачальником, привел не только бойцов своего герцогства, но и орды дикарей; некоторые принадлежали к неведомым и чудовищным расам. Особенным бедствием стали толпы маленьких бледнокожих человечков, выпускавших тучи отравленных стрел из луков и духовых трубок. Но было кое-что и похуже: колдуны Нечистого на этот раз пришли в открытую вместе с войском бунтовщиков. И на один фланг армии Д'Алви обрушились обезьяны, Волосатые Ревуны, в то время как яростно визжащие люди-крысы опустошали другой.

К тому же Амибал продвигался так быстро, что далеко не все части королевской армии успели вовремя добраться в город. Отряды му'аманов, лучших пехотинцев Д'Алви, вызванные с равнин запада, еще не подошли. Придут ли они позже? Не успели собраться ни деревенские ополченцы, ни рыбаки, обитающие на побережье Лантика, бойцы безжалостные и упорные; не было еще и частей, сосредоточенных на границах королевства.

Итак, в поле оказались только отряды, охранявшие столицу, да личные дружины верных королю нобилей, чьи владения располагались поблизости. Сражение было тяжелым. В один из моментов центр войск Д'Алви дрогнул под яростным натиском мятежников, и только неожиданный удар двух эскадронов графа Камила Гифтаха, поспевших вовремя, спас армию от разгрома. Если у Лучар и имелись какие-либо сомнения насчет графа, упорно не отзывавшегося на королевские рескрипты, теперь они были рассеяны. Гифтах бился словно дьявол перед строем своих всадников и сумел отбросить пехоту противника.

Увы, этого оказалось недостаточно. Сплотив ряды, упрямо огрызаясь на вылазки врага, королевская армия откатилась обратно – не сломленная, но и не способная продолжать битву. Здесь не было выбора. Уже падала ночная тьма, и Лучар, вызвав к себе командиров, велела разместить войска на окраине столицы. Из отдаленных областей страны сообщений не поступало, и слухи о завтрашнем штурме поползли по притихшему городу. Солдаты, мрачные и усталые, в изнеможении падали на землю и засыпали; нигде не было слышно ни смеха, ни обычной болтовни.

* * *

Четыре молчаливые фигуры скорчились рядом с крохотным костром. Огонек пылал в углублении причудливо изогнутой ветви дерева, столь огромного, что его крона могла бы прикрыть целый городок. Чуть выше виднелась еще одна фигура – видимо, часовой. Далеко внизу, скрытое даже днем от солнечного света бесчисленными листьями, побегами и лианами, лежало ночное болото, почва которого породила этого древесного гиганта много веков назад.

Иеро совещался с М'рин, Б'ургхом и За'рикшем, сильным молодым воином. Ч'урш, другой молодой иир'ова, стоявший на страже, при желании мог присоединиться к их мысленной беседе. Обычно двое

младших Детей Ветра предпочитали молчать, когда говорили старшие, но иногда они с чем-нибудь не соглашались и имели право на то, чтобы их выслушали. Сейчас собеседники хранили ментальное молчание, вслушиваясь в звуки, которые издавала трясина в сотнях футов под ними.

Чудовищный рев раздался вдалеке, низкий, горловой, всколыхнувший насыщенный запахом цветущих деревьев воздух; мириады лесных шумов, шорохов и писков испуганно стихли при этом звуке.

«Что это, Иеро?» – Б'ургх, как и все остальные, знал, что их новый друг умеет воспринимать мысли других созданий, тогда как ментальный дар иир'ова ограничивался только их соплеменниками. Иеро, сосредоточившись, прикрыл глаза; над его головой покачивался и испускал чудесный аромат огромный цветок. Итак, еще один странный монстр, чей яростный рев на мгновение поколебал листву... Он расслабился и улыбнулся:

«Не знаю. Возможно, старый эливернер, один из моих друзей, о котором я вам рассказывал, встречал такого зверя. Он и его братья изучают все живое... все, что растет, двигается, дышит. Я не умею различать многих животных – тех, у кого крошечный вялый мозг. Может, это рептилия, вроде огромной ящерицы или змеи... Но думаю, этот зверь скорее похож на амфибию, на лягушку или саламандру. Мозгов у них еще меньше, чем у рептилий. Сейчас у меня возникло ощущение огромной и беспричинной злобы... Что-то подобное мне встречалось раньше – в Пайлуде, большом болоте на севере. Фроги, гигантские хищные жабы, с интеллектом столь ничтожным, что его нельзя определить. Во всяком случае, мне это оказалось не под силу.»

«Фрог! Если это жаба, то она может прыгнуть сюда», – пришла мысль от Ч'урша.

«Тварь, наделавшая столько шума, слишком тяжела для высоких прыжков, – возразила М'рин. – Она только раскачает дерево. – Младшая невольно вздрогнула, свет заиграл на ее гладкой пятнистой шкурке. – Я рада, что мы путешествуем поверху и не спускаемся вниз, в эту гнилую мерзость...»

Иеро решил не упоминать о том, что фроги Пайлуда прыгают совсем неплохо. Он чувствовал, что монстр внизу принадлежал к иной породе – какая-то огромная ползающая тварь, копавшаяся в грязи и воде у подножия деревьев.

Маленький отряд уже две недели пробирался на север; последние дни их путь пролегал через болото. Джунгли, раскинувшиеся у подножий колоссальных деревьев, грозили опасностью днем и ночью, но когда они наткнулись на трясину, стало ясным, что продолжать путь по земле нельзя. Следы, которые странники обнаружили по краю болот, отбили у них всякую охоту соваться вглубь. К тому же люди-кошки были равнинными охотниками и ничего не знали об этой бездонной чавкающей грязи и ее обитателях. Но гигантские деревья, тянувшиеся из болота с такой естественной простотой, словно темная вода у их корней являлась обычной почвой, подсказали путникам вполне логичное решение. Они пошли поверху. Конечно, это отнимало много времени, и иногда воздушная дорога, тянувшаяся по огромным ветвям, перевитым лианами, заводила в тупик, и они были вынуждены возвращаться. Но Иеро знал, в какой стороне лежит его дом; внутренний компас лесного рейнджера работал безотказно. Кроме того, он мог наблюдать за солнечным диском, просвечивавшим сквозь листву, что тоже помогало выдерживать направление на север.

Верхний путь имел и другие преимущества. И сам Иеро, и Дети Ветра умели ловко карабкаться по деревьям, а болотные чудища – вроде того, что сейчас ярилось внизу – не обладали талантами обезьян и не могли добраться до путников. Воздух тут был прохладным и свежим, дичи тоже хватало – и птиц, и животных. В этот полдень Б'ургх, внезапно метнувшись в заросли, точным ударом перерезал горло большой птице, сидевшей в гнезде. Ее, вместе с выводком наполовину оперившихся птенцов, вполне хватило на обед всем пятерым, и кое-что еще осталось на завтра.

Разумеется, кроны лесных великанов не гарантировали полной безопасности. Однажды священнику и его спутникам пришлось спасаться бегством от древесных гадюк, потревоженных в своем дупле; другой раз стадо обезьян зловещего вида, очень похожих на Волосатых Ревунов, долго преследовало путников, не решаясь перейти к открытой атаке. Это были огромные короткохвостые звери с глянцеви́то-черной шерстью, зеленокожими физиономиями и устрашающими клыками. Они сильно раздражали людей-кошек, и сам Иеро не раз был готов прикончить одну из наглых тварей, даже рискуя потерять копье. К счастью, священник и его спутники достигали какой-то невидимой границы, у которой преследователи

остановились; пятеро беглецов поспешили дальше, оставив за собой толпу визжащих и недовольно бормочущих волосатых монстров.

Оба молодых охотника были разъярены, они хотели вернуться назад и преподать орде кровавый урок. Б'ургх, однако, что-то грозно рявкнул, положив конец дальнейшим спорам.

Поглядывая на своих могучих спутников, Иеро размышлял о выпавшей ему удаче. Путешествие в одиночку через чудовищные леса Юга грозило смертельной опасностью. Правда, он уже бывал тут, в иное время и в другой компании, а значит, имел представление об угрозах и зле, таившихся в джунглях. И, после встречи с Солайтером он больше не был беззащитным... Но все же ему требовался сон! Ни один человек не может сохранять бдительность двадцать четыре часа в сутки.

Он был приятно удивлен, когда Помнящая вызвала его и спокойно сообщила, что четверо иир'ова пойдут с ним: Б'ургх, военный вождь, а также Младшая, хозяйка Ветра Смерти, и два молодых воина, вызвавшихся добровольно.

«Ты можешь встретиться с великим Злом, столь же страшным, как то, о котором ты рассказывал, – заявила Помнящая, – и потому ты нуждаешься в охране.»

Новость была приятной. Волей-неволей Иеро поведал ночным охотникам кое-что о своих недавних приключениях, однако он не знал, поверили ли они его словам; искусство рассказывать длинные, занимательные и совершенно неправдоподобные истории было хорошо развито среди Детей Ветра.

Покрытая мягкой шерстью рука легла на его запястье, и в голове вновь зазвучал ровный голос Помнящей:

«Иеро, друг, ты идешь сражаться с нашим древним врагом – так, как сражается с ним сейчас твоя женщина на берегу соленых вод. Если эти мучители, убийцы детенышей, эти безволосые со смердящими мозгами победят, долго ли мы останемся в безопасности? Даже если об иир'ова давно позабыли, нас быстро найдут... намеренно или случайно. Детей Ветра немного, и никто не знает про нас, кроме тебя. Но враг, с этими ужасными машинами, о которых ты говорил, начнет выискивать и сокрушать всех, кто еще способен бороться... И потому мы должны помочь! Ты рассказывал, как они ненавидят тебя, как пытались убить много раз, и я знаю, что ты не лгал нам. Должно быть, ты – один из их главных противников... возможно, самый главный! Другьям надо помогать, и мы поможем тебе. – На миг она остановилась, затем Иеро уловил чуть заметную насмешку в ее тоне: – Наша жертва будет небольшой – ведь этого старого хвастуна Б'ургха с дырявой шкурой, этот склад оленьего мяса, нетрудно заменить...»

Помнящая вздохнула; теперь в ее ментальном голосе явно звучало сожаление:

«Хотелось бы мне пойти с тобой... увидеть новое и узнать о неведомом мире за краем степи... Но я пошлю М'рин! Она будет моими глазами и ушами. А если она пропадет... что ж, придется обучить другую, хотя у М'рин очень подходящая голова... не пустая, как у большинства самцов, что молодых, что старых. Еще двое пойдут с тобой, два молодых болвана, любители приключений из наших лучших охотников. Они будут охранять тебя, а в крайнем случае вспомни, что М'рин знает секрет Ветра Смерти!»

Душа Иеро преисполнилась благодарности. Ему нравился этот народ; хотя иир'ова были творением слуг Нечистого, но претерпели от них столько горя, что могли теперь с честью послужить целям Господним. Еще более теплые чувства охватили его, когда ночные охотники сделали другую вещь – ту, о которой он не рискнул просить. Они поклялись, что оставят в покое людей в деревнях и, если те не выдадут тайну их существования, человеческим жизням не будет грозить опасность. Иир'ова не станут больше красть их детей для забавы и не коснуться пастухов или крестьян, случайно оставшихся в саванне после заката. Это обещание являлось большой уступкой со стороны ночных охотников.

Теперь четверо иир'ова окружали Иеро. Он бросил взгляд на их лица с резкими чертами, которые оживляло загадочное мерцание огромных глаз, на покрытые буграми мышц тела и гибкие члены со смертоносными когтями... Враги, ставшие друзьями... Кто бы мог предположить такое две недели назад? Эти нежданые спутники оказались ему чрезвычайно полезны. Просеивать мысли бесчисленных обитателей джунглей было очень непросто, и хотя священник старался делать все, что в его силах, многие опасные твари могли ускользнуть от его внимания. К примеру, те, похожие на обезьян... Они обладали весьма немалым интеллектом, а он как раз настроился на плотоядных хищников и низшие формы жизни...

При встрече с обезьянами отряд спас За'рикш – молодой воин услышал треск ветвей, заметил колебание листвы и предупредил спутников о засаде. Обоняние у иир'ова было неважным, тут даже Иеро превосходил их, но зрение и слух оказались фантастическими. Однажды М'рин уловила шелест змеиных тел, скользивших по стволу, и они избежали встречи с целым выводком гадюк. К счастью, тогда им попало несколько широких ровных ветвей, позволивших быстро удалиться от опасных соседей.

Да, они были неплохой компанией и имели достойную цель, хотя этого Ч'урша стоило распять за его шуточки! Мало приятного, проснувшись, обнаружить на своей груди огромного, скользкого, но вполне безобидного червяка!

Иеро весело ухмыльнулся. Тогда он с воплем отшвырнул прочь предполагаемую змею, даже не разглядев ее. Крик разбудил Б'ургха, который, разъярившись, решил тут же оскальпировать молодого воина; однако вмешался М'рин, и дело кончилось строгим нагоняем. Хотя будущая повелительница Восточного Прайда была еще очень молода, от ее слов провинившийся прижал уши и повесил голову. Учитывая его чистосердечное раскаяние, Иеро ограничился кратким замечанием о молодых идиотах, добавляющих мнимые опасности там, где вполне хватает реальных. На этом история закончилась. Впрочем, шутка была забавной!

«Хотел бы я знать, где мы, – мысль Б'ургха нарушила сосредоточенное молчание, в котором пребывали все пятеро, прислушиваясь к реву и чавканью копавшегося в грязи чудища. – Далеко ли еще до моря, до Большой Воды, о которой ты рассказывал нам, Иеро? Я видел его в твоих мыслях, но до сих пор не могу поверить... Столько воды в одном месте!»

«О, это действительно так, – ответил священник. – Много воды, огромное пространство, и нам предстоит каким-то образом пересечь его. Я должен бороться с Нечистым... должен узнать, что случилось с моим народом, должен выяснить, что замышляют враги. Я ведь даже не уверен, что к нам на север попали записи о машине, которая думает обо всем... – Это было лучшее описание компьютера, которое он мог предложить иир'ова. – Я не знаю, что происходит в моей стране... существует ли она еще, и получены ли вести с юга, от моей жены... Единственное, в чем я уверен – путь в обход Внутреннего моря займет много недель. Мы должны перебраться через него, и мы это сделаем!»

Снова наступило молчание, пока люди-кошки обдумывали новую и столь необычную идею. Великие Воды... Подобный феномен казался очень странным воинам степного племени, видевшим только ленивое течение маленьких рек в саванне. И мысль о том, что по воде можно перемещаться в долбленых стволах, похожих на плывущую в ручейке ветку! Это пугало, и в то же время казалось чудесным!

«Эти корабли, суда, о которых ты говорил... – начала М'рин, – как они движутся? Я понимаю, если много людей начнет отталкиваться шестами от воды, эта вещь... корабль... двинется вперед. Но чтобы ветер гнал его... заставлял двигаться... Как поверить в такое?»

Вероятно в сотый раз Иеро начал рассказывать о парусах и о том, для чего они предназначены. Улыбаясь про себя, он подумал, что из кошачьего племени получились бы превосходные матросы. Они не боялись высоты и карабкались по стволам и ветвям словно... словно настоящие кошки! Пожалуй, с ними не сможет состязаться ни один экипаж из опытных моряков-людей! Им надо только объяснить главную идею... ну, еще немного тренировки... Конечно, оставались еще проблемы вроде морской болезни, но Иеро был уверен, что такие мелочи не смутят его новых друзей. Он все еще усмехался, погружаясь в дремоту; огромный трехмачтовый барк скользнул перед его мысленным взором, взвились белоснежные паруса, а на реях судна затанцевали гибкие, похожие на сказочных эльфов фигуры...

* * *

На следующий день путникам пришлось сделать внезапную остановку. Была середина дня; они быстро двигались вперед по дороге, пролежавшей меж небом и землей, по скрещивающимся, простирающимся вдаль огромным ветвям, одолевая милю за милей с той же легкостью, словно шли по городской улице. Вдруг священник поднял руку, и спутники его замерли, готовые и к сражению, и к бегству.

Как всегда, Иеро мысленно изучал предстоящий им путь, но сейчас он занимался этим тщательнее и на большем расстоянии, чем обычно. Неожиданно он понял, что где-то недалеко перед ними лежит берег

Внутреннего моря. Иного объяснения не было – он ощущал, как мощное изобильное биение жизни, формировавшей биосферу титанических лесов, вдруг прервалось, словно обрезанное ножом; за ним царила полная пустота. Жизнь кончалась; во всяком случае, та буйная и непрерывная жизнь, к которой он привык за долгие дни путешествия в джунглях.

Просигналив спутникам, чтобы они сохраняли неподвижность, Иеро скорчился на ветке, вслушиваясь в это бездонное, необъятное пространство со всей ментальной силой своего исцеленного мозга. Впервые за последние месяцы он ощутил присутствие людей – так называемых цивилизованных людей. И эти люди очень ему не нравились.

Он был уверен, что обнаружил команду судна Нечистого! Возникшее ощущение нельзя было объяснить иначе. Люди находились близко друг к другу, плотной группой, это он мог легко определить; их окружала хорошо знакомая ему пустота – морской простор, тянувшийся на многие мили. В море тоже обитали разнообразные жизненные формы, но водные существа редко поднимались на поверхность, и их ментальные излучения относились к другим диапазонам, чем у людей. К тому же ни одно создание, рожденное в этих безбрежных пресных водах не могло обладать ментальным щитом Нечистого! Лишь люди, совершенно определенные люди, имели подобные устройства! Он хорошо изучил их во время своих недавних странствий и знал, что их можно засечь, когда владелец передает ментальное послание. Обычно они защищали мысли слуг Нечистого, не пропуская ничего, но сейчас один из врагов начал передачу, и священник сразу же нащупал ауру мысленного излучения. Более того, он мог перехватить и само послание! Оно оказалось небезинтересным.

«Не встретили ни одного нашего корабля. Вообще нет никаких судов, даже лоханок этих подонков торговцев. Кажется, что кто-то начисто вымел прибрежные воды к западу от Нианы. Мы в двух днях хода от порта. У всех такое чувство, будто случилось нечто странное. Ни одного купца! Вообще никого! Думаю, надо прислать сюда брата, владеющего могуществом, на новом секретном корабле. Мы возвращаемся в порт и будем ждать дальнейших приказаний. Конец сообщения. Сулкас.»

Иеро вслушивался в повисшую тишину; каждый нерв его дрожал от возбуждения. Никакого ответа! Если ответ и пришел, то наверняка слишком слабый из-за дальности расстояния, чтобы можно было его уловить. Но, скорее всего, никто не ответил на послание Сулкаса. Кем бы ни являлся этот раб Нечистого, он, несомненно не был членом Темного Братства. Интеллект достаточно высок, но мозг явно не того калибра... Доверенный слуга, не более того... Какой-нибудь пират вроде Лысого Рока, павшего на «Морской деве» от меча капитана Гимпа... Пока иир'ова быстро переговаривались на своем гортанном языке, священник опустил на короточки и попробовал проанализировать донесение неведомого Сулкаса.

Вероятно, оно было послано в заранее оговоренное время и не требовало ответа. Иеро знал, что адепты Нечистого контролировали Ниану, крупный порт на южном берегу Внутреннего моря. Судно вышло оттуда – небольшое судно с дюжиной человек на борту, явно посланное в разведку. Команда ничего не нашла, кроме пустынных вод, и забеспокоился, так как сезон и погода благоприятствовали морским перевозкам. Донесение, конечно, отправлено на главную базу, в Ниану... И в нем содержалось предложение, чтобы один из членов Братства, адепт Нечистого, прибыл на «секретном корабле» для выяснения ситуации.

Иеро хорошо представлял, о каком судне идет речь. Он был пленником на таком «секретном корабле», движимом таинственной силой, и, подобно старому эливерену Альдо, был уверен, что колдуны Нечистого овладели энергией атомного распада. Мерзкой, отвратительной, греховной, упоминаемой разве что в проклятиях! В своих подземных лабораториях ученые Темного Братства сотворили множество жутких вещей. Они построили машины, способные усиливать ментальную мощь и поработать человеческий разум, они превратили опасных животных в верных слуг-лемутов, хотя иногда их постигали неудачи... тут Иеро бросил взгляд на своих спутников. Однако все это было слишком незначительным в сравнении с завершающим аккордом – Смертью, вселенским ужасом, столь чудовищным, что при мысли о нем любое нормальное существо содрогалось в отвращении и страхе.

Иеро вспомнил, какие странные чувства охватили их – его, Лучар, брата Альдо и Горма – когда они спустились в ту гигантскую пещеру, полную безмолвных, закрытых пластиковыми чехлами машин... Орудий уничтожения, ждавших своего часа, хранивших ужас прошлого – Смерть, готовую раскинуть над миром

свои черные крылья... Брат Альдо, поклонявшийся живому, стал почти больным!

Священник сидел, размышляя над услышанным, и решение его крепло. Итак, Нечистый собирается уничтожить мир... обрубить ветви, выдернуть корни, спалить ствол... уничтожить всех от мала до велика... до последнего раба, до самой крохотной букашки... Что ж, его предназначение – не допустить этого!

Он повернулся к своим спутникам. Он знал, что хочет сделать, но объяснить это Детям Ветра было непросто. Ну, по крайней мере, стоит попытаться...

«Должно быть, мы находимся чуть южнее главного пути, ведущего с запада в город наших врагов. Этот старый тракт тянется с юго-востока на северо-запад, пересекая много других дорог. Нам надо двигаться вдоль него, но на безопасном расстоянии, подальше от дороги. Это единственный путь с востока в Ниану – единственный, который ведет через южные леса. На запад от города есть много других дорог, и я думаю, что там более открытая местность, но мне не приходилось там бывать. Я видел тот район лишь на карте, мельком... Берега моря очень опасны для нас, в это время года корабли встречаются часто...»

Далее он объяснил, что собирается делать. Где-то в прибрежных водах находится вражеский корабль, и они должны быть очень, очень осторожны. Если судно удалилось от порта всего на пару дней плавания, значит, местность вокруг не безлюдна. В любой момент они могут столкнуться с чем-нибудь таким, что лучше встретить подготовленными.

«Нам придется охранять свой разум, – добавил священник. – Говорите друг с другом вслух и старайтесь пореже обращаться ко мне. Ваш народ использует необычные ментальные частоты... это хорошо, вряд ли кто-нибудь прослушивает такой диапазон. Но у Нечистого много слуг... не людей, других существ, с которыми говорят его колдуны. Так что будьте бдительны! Все эти создания наблюдают и слушают, так как должны получать приказы от своих хозяев. Мы будем красться словно тени... Что-то странное случилось на море, и это обеспокоило наших врагов. Я не знаю, что произошло, но все, что во вред им, на пользу нам!»

Иир'ова поняли его, хотя мысль о том, что древний ненавистный враг находится так близко, привела из в дикое возбуждение. Когда Иеро объяснил, что в его планы входит захват какого-нибудь маленького судна, это задача не смутила ночных охотников. Несложное дело – смести тех, кто встанет на пути, и завладеть кораблем.

«Я выпущу на них Ветер Смерти, а затем мы приблизимся и перережем им глотки!» – М'рин судорожно стиснула висевшую на ее поясе сумку.

Иеро понадобилось время, чтобы успокоить их и убедиться, что его спутники не совершат ничего неосмотрительного. Вскоре он был уверен в этом. Первая вспышка ярости прошла и обычная расчетливая осторожность вернулась к ночным охотникам.

Они шли вперед весь этот день, соблюдая необходимую осторожность. Теперь иир'ова общались с Иеро только жестами; друг с другом они говорили на своем гортанном языке. Ночью путники разбили лагерь на естественной платформе, которую образовала изогнутая ветвь дерева. Иеро обжарил несколько кусков мяса; затем огонь залили, чтобы никто не мог заметить случайных отблесков костра или рдеющих в темноте углей. Вода здесь не являлась проблемой – дупла и углубления в стволах накапливали ее, а огромные эллипсовидные листья хранили целые маленькие озера.

Вечерний полумрак сгустился, сменяясь тьмой тропической ночи. Люди-кошки дремали, опустив головы на колени; человек посылал свою мысль в темноту, исследуя не только предстоявший им завтра путь, но и местность вокруг лагеря до самого побережья. Если чувства не обманывали его, распространявшийся веером ментальный сигнал вскоре достиг Нианы, лежавшей к северо-востоку от их ночевки. Он не мог прочесть мысли каждого жителя города, но ощущение, порожденное большим количеством людей, сгрудившихся в одном месте, было безошибочным; он словно касался теплой дрожащей ауры, что нависала над Нианой подобно шапке смога. Да, несомненно, на северо-востоке лежал город, крупный город, и теперь он окончательно уверился в этом!

Иеро не собирался приближаться к нему – во всяком случае, на небольшое расстояние. Опасность и так возрастала с каждым шагом на север; adeпты и слуги Нечистого были бдительны. Обдумывая планы похищения корабля, священник понимал, что крупный порт остается под запретом. Где же тогда взять

судно? Он ничего не знал о других городах и портах на востоке; капитан Гимп во время их плавания на «Морской дева» не упомянул ни одного, хотя на побережье, конечно, есть небольшие поселения. О западной части Внутреннего моря у священника тоже не имелось подробных сведений. Он знал, что там находился крупный порт Намкуш, посещаемый при случае караванами, что везли товары из Канды на юг, но этот город лежал где-то в северо-западном углу морской акватории, за многие мили от тропических лесов. Впрочем, аббат Демеро еще год назад не советовал появляться в Намкуше, где кишели шпионы Нечистого и лишь немногим торговцам можно было доверять. Пересекая зеленые просторы Тайга, к Намкушу струилась река – главный, хотя и небезопасный торговый путь, связывавший Республику Метс с побережьем Внутреннего моря. Но в любом случае в Намкуш не попадешь пешком; разве что удастся привести туда похищенный корабль.

Он погрузился в сон, но мозг, настороженный и недремлющий, продолжал нести охрану. Однако утром Иеро почувствовал себя отдохнувшим.

Путники прошагали всего несколько часов, когда впереди показалась полоска накатанного тракта. Повинуясь жесту Иеро, вся группа спустилась ниже; теперь их путь пролегал по огромным, чудовищной толщины ветвям, нависавшим в сотне футов над землей. Трясина кончилась еще вчера, и могучие лесные исполины побережья возносили свои титанические кроны над твердой почвой.

М'рин, которая шла в передовом дозоре, первая увидела дорогу. Подав сигнал, она остановилась; остальные собрались вокруг нее, разглядывая петлявшую внизу тропу.

Этот торговый путь был довольно широк и хорошо утопан, хотя и извилист. Дорога струилась подобно ручью, огибая чудовищные стволы лесных гигантов, с которыми не могли справиться ни топор, ни огонь, ни ураган. Тракт извивался меж несокрушимых башен, одетых в толстую грубую кору, то отступая, то вновь устремляясь вперед и сохраняя примерное направление с востока на запад. Иеро никогда раньше не видел эту дорогу, оставив ее далеко в стороне во время своего предыдущего путешествия по южным лесам. Однако он знал, что тракт, разветвляясь на множеств других дорог и троп, связывает Ниану с Д'Алви и другими королевствами на побережье Лантика; по нему везли ткани и шерсть, шкуры и металлические изделия, фрукты, пряности, вино и другие товары, не исключая и рабов. Вполне возможно, что сейчас с востока в Ниану гонят новые толпы невольников, среди которых бредет его жена... Он боялся думать об этом.

Дорога текла мимо него пустая и молчаливая, и солнечные лучи, пробиваясь сквозь зеленые облака крон, яркими пятнами ложились на примятую траву. Присев на корточки, Дети Ветра терпеливо ждали, пока человек с осторожной тщательностью перебирал частоты ментального спектра, пытаясь нащупать вражеский след. Без сомнения, Нечистый недреманным оком следил за этой дорогой, главной торговой артерией между востоком и западом, и Иеро совсем не хотелось внезапно наткнуться на вражеский сторожевой пост. Но он не обнаружил ничего, ни на востоке, ни на западе, и это его удивило. Далекое облако ментальной активности, которое, как он был уверен, висело над Нианой, стало плотнее, чем утром, но в ближайших окрестностях царило безмолвие.

Почему? Неужели на дороге никого нет? Ни торговцев, ни патрулей Нечистого? Это казалось странным, и он погрузился в раздумья. Ментальная защита, которую Нечистый стал использовать со времени его последних странствий на севере, могла бы объяснить такую тишину, но это было маловероятным. Иеро полагал, что щиты-медальоны являлись редкими и дорогими устройствами – в смысле времени и сил, затраченных на их производство. Он не сомневался, что эти медальоны выдавались лишь самым доверенным людям, начальникам воинских отрядов, капитанам кораблей и членам Темного Братства. Вряд ли кто-нибудь в простом дорожном патруле обладал подобным прибором, разве что командир... Но тогда он должен был бы слышать мысли солдат, которых не защищало коварство Нечистого! Однако в ближайших окрестностях царило полное, абсолютное молчание, и это казалось необъяснимым.

Уменьшив интенсивность ментального сигнала до такого уровня, чтобы его можно было уловить лишь на расстоянии нескольких ярдов, священник передал иир'ова несколько приказов. Им надлежало провести разведку по обеим сторонам дороги, двигаясь в восточном направлении, причем не слишком торопливо и с предельной осторожностью. Если обнаружится нечто заслуживающее внимания, его союзники подадут

сигнал криком; он решил, что пронзительный мяукающий вопль Детей Ветра вряд ли будет подозрительным в тропическом лесу. Сам он пойдет в арьергарде, обеспечивая разведчикам ментальную защиту. М'рин с Б'ургхом должны оставаться поближе к нему с левой стороны тракта, двое молодых охотников пойдут направо.

Итак, решение было принято, и путники начали спуск вниз, где над почвой, усыпанной гниющей корой, лианы и воздушные корни переплетались в густую сеть из гибких стеблей, листьев и цветов. Наконец, они ступили на землю и разделились.

Медленно, осторожно разведчики продвигались вперед. Все подозрительные заросли и пещерки, образованные каскадами воздушных корней, были осмотрены и отмечены. Для этого пришлось обойти кругом не одно дерево, а некоторые из них достигали чудовищной толщины. Путники стремились не терять дорогу из вида, в то же время оставаясь незамеченными для любого взгляда, который мог бы бросить с ее обочины самый зоркий наблюдатель. Священник особо предупредил иир'ова, чтобы они следили за кронами деревьев, и вскоре его опасения подтвердились – хотя, к счастью, до столкновения с врагом дело не дошло.

Слабый протяжный крик Ч'урша, долетевший с другой стороны дороги, заставил тройку Иеро насторожиться. Они собрались вместе и, прячась за кустами на краю довольно широкого в этом месте тракта, разглядели вдали фигурки молодых воинов, стоявших под деревом. Ч'урш и За'рикш жестами показывали вверх, на какое-то инородное сооружение, темневшее в развилке лесного гиганта; его ствол и крону оплетали лианы толщиной с руку, а кое-где из щелей в толстой коре пробивался кустарник. Напрягая глаза, Иеро рассмотрел некую конструкцию, едва заметную среди густой листвы.

Они потратили пять минут на проверку ближайших окрестностей, прежде чем осторожно вскарабкаться наверх. Перед ними находился тайный наблюдательный пункт врага – платформа из жердей под навесом, так ловко замаскированная ветвями, что заметить ее с дороги было невозможно. Она оказалась пустой. Правда, покинули пост совсем недавно – груда спелых плодов в углу, еще не тронутых гниением, и корзинка с хлебом и сушеным мясом подтверждали этот вывод. Вблизи входа, на новом кожаном ремне с бронзовыми заклепками и пряжкой, был подвешен полупустой бурдюк с вином. Отхлебнув глоток, Иеро нашел его весьма сносным.

Тут висел слабый кисловатый запах, который священник узнал без труда. «Люди-крысы, – сообщил он спутникам, опять до предела понизив уровень сигнала, – мерзкие твари, которых Нечистый призвал себе в помощь. И с ними был человек... они не пьют эту дрянь, что налита в кожаный мешок. Их вызвали внезапно, и я не представляю, зачем.»

Он подумал с минуту, затем решил рискнуть. Очень осторожно он начал зондировать морское побережье, лежавшее всего в нескольких милях к северу; мысль его скользила все дальше и дальше над поверхностью хрустальных вод. Наконец он обнаружил нечто интересное, хотя не смог бы точно определить свою находку.

В море двигался некий предмет... или совокупность предметов... Однако, чем бы ни являлась эта смутно ощущаемая формация, Иеро не удалось выяснить ее природу, надежно скрытую ментальным барьером. Он сумел нащупать лишь гигантское ментальное облако, сложное переплетение сотен или тысяч разумов, остававшихся недоступными для контакта. Несомненно, облако двигалось; и шло оно к Ниане, хотя не очень быстро.

Лишь однажды он встречался с похожим явлением – когда корабль Нечистого с орудием, стрелявшим молниями, едва не захватил его, Лучар и Горма в затонувшем городе на северном берегу. Он снова вернулся к изучению моря, прибрежных джунглей и дороги. Ничего. Ничего, кроме таинственного сгустка ментальной энергии, в который он не мог проникнуть! Оставив эти попытки, Иеро переключил внимание в другую сторону – туда, где, по его предположениям, лежала Ниана. Тут его шансы казались более реальными.

Ниана напоминала бурлящий котел ментальной энергии. Мысли ее жителей, растерянных, уstraшенных, метались как у муравьев, чье гнездо разворошили палкой. Должно быть, маленький отряд Иеро находился ближе к порту, чем он предполагал – милях в трех-четырех от городских границ. Теперь ему стало ясно, почему вдоль тракта не идут караваны, и что значит покинутый наблюдательный пост.

Зондируя различные разумы, он быстро выяснил, что Ниана подверглась нападению! Всех, подходящих по возрасту и сноровке, послали к морю, на помощь тем, кто защищал побережье и подходы к гавани. Удар, встревоживший муравейник Нечистого, был нанесен именно оттуда, и не требовалось сложных умозаключений, чтобы понять: его источником является то самое ментальное облако, которое Иеро обнаружил пятью минутами раньше. Итак, Ниана атакована... Но кем же, во имя Творца?

Он ухитрился наладить устойчивый контакт с одним из приспешников Нечистого, довольно скверным малым, который, похоже, был из числа младших командиров городского гарнизона. Группа его подчиненных строила сейчас баррикаду из бревен и мешков с песком поперек выходившей к порту улицы. Они отчаянно спешили. Из разума своего подопечного Иеро извлек картину большого флота – не меньше тридцати кораблей! – который надвигался на город с севера. Затем он выяснил, что колдуны Нечистого не в силах подчинить своей власти людей на борту судов. Это стало известно и населению, и войску, и очень не понравилось солдатам. На свой лад они рассуждали верно, эти убийцы, привыкшие иметь дело с теми, чью волю сломали Темные Мастера – в то время как их самих защищало колдовское искусство хозяев. Похоже, адепты злых сил ошиблись, подумал Иеро; сраженные удивлением, они позволили распространиться на Ниане слуху об их бессилии.

Он продолжал копать под черепом у своего сержанта. Этот мерзавец, хотя и был обеспокоен, не потерял доверия к хозяевам. В голове его бродила мысль, что скоро в море выйдут два секретных корабля. Будет забавно поглядеть на флот дикарей, когда их орудия метнут огненные стрелы!

Прислонившись спиной к плетеному бортику платформы и закрыв глаза, Иеро попытался успокоить ломоту в висках, вызванную столь сильным и долгим ментальным напряжением. Отгородив разум от звуков и излучений внешнего мира, он думал над тем, что же теперь делать. Идти в Ниану ему не хотелось. Однако, если он со своими друзьями не может попасть на корабль этого странного флота, то лучшее, что оставалось – завладеть в сумятице подходящим суденышком. Пожалуй, ради этого стоило рискнуть.

Повернувшись к иир'ова, он рассказал им о результатах своей мысленной разведки.

«Мы пойдем в город, – добавил священник, – тот, что у большой воды. На него напали, и я думаю, дела у защитников идут неважно. Очень неважно, иначе они не решились бы вызвать на помощь патрули и охрану с дороги. Сейчас все их воины на побережье... может быть, оставлена застава у въезда в город, но немногочисленная. Убивайте, если понадобится, только тихо. Не самок и не детенышей... чтобы они молчали, достаточно их оглушить.»

Покинув наблюдательную платформу, путники снова вышли к дороге. Теперь они двигались вперед намного быстрее; Иеро вел молодых охотников с одной стороны тракта, Б'ургх и М'рин скользили с другой.

Они мчались словно тени, огибая древесные стволы, мелькая в пятнах солнечного света, что пробивался сквозь зеленый полог листьев. Иеро постоянно прощупывал петлявшую рядом с ними дорогу; он не жаждал непредвиденных встреч и опасался наскочить на патруль Нечистого, скрытый от его мысленного взора ментальными щитами. С этими квадратными медальонами из голубоватого металла он познакомился в прошлом году, во время плавания на «Морской дева». Даже тогда, будучи во всеоружии своей телепатической мощи, способный убить врага одним волевым усилием, он не мог проникнуть сквозь защитные барьеры этих устройств; и он был уверен, что это и сейчас ему не под силу. В то же время в его подсознании шевельнулась неясная мысль, тоже имевшая отношение к прошлому. Что-то он забыл... нечто важное, такое, что могло пригодится теперь... Дьявольщина, что же это было? Он мысленно пожал плечами. Придется потерпеть! Сейчас он не мог ждать, пока воспоминание всплывет на поверхность, пробившись сквозь толщу времени.

Быстрым шагом они прошли около мили. Вдруг Б'ургх поднял длинную, испещренную пятнами руку, подавая сигнал к остановке. Затем он быстро перебежал к Иеро на другую сторону тракта и, схватив его за плечо, приставил ладонь к уху. Отряд остановился; священник, напрягая слух, попробовал различить, что встревожило его более чутких спутников. Наконец он тоже услышал это – отдаленные гвалт и рев, на фоне которых иногда раздавались высокие пронзительные звуки. Несомненно, шум сражения! Иногда его гул перекрывался тяжким грохотом – казалось, целое здание или огромное дерево падают на землю. Лес притих, словно испуганный бушевавшим вдали взрывом человеческой ярости.

Иеро приказал увеличить скорость; теперь они почти бежали, стараясь, однако, скрываться за

деревьями. Пожалуй, в этом не было особого риска; он чувствовал, как возрастает впереди ментальная активность – там, где грохотал и ярился бой. Теперь с каждым шагом он все лучше и лучше ощущал ауру отдельных людей. Он мог уже уловить мысли перепуганных ребятишек, женщин и тех мужчин, которые не принимали участия в битве, но пытались скрыться. Темные Мастера Нианы по-прежнему затаились в своих убежищах, и их присутствие можно было обнаружить лишь по внезапному воодушевлению, которое охватывало сражавшихся воинов и лемутов; оно эхом отдавалось среди торговцев и прочего люда, не знавшего – или предпочитавшего не знать – кто на самом деле правит в городе. Большинство из этих людей были сейчас в панике и думали лишь о том, как бы выбраться из опасного места.

Путники приближались к Ниане, и теперь Иеро мог уже слышать крики и стенания несчастных, чей мир рухнул в единое мгновение. Но мысли адептов Нечистого по-прежнему оставались ему недоступными – их, несомненно, прикрывали ментальные щиты, те механизмы, с которыми он встечался раньше. Он понимал, что бесполезно пытаться их обнаружить. Он снова попробовал коснуться разумов нападающих, но те, кем бы они ни являлись, тоже были недоступны за своим огромным предохранительным щитом. Священник ощущал их напор, смутное возбуждение большой толпы, но и только. Он не мог постоянно сканировать ментальный хаос над городом, дорога тоже требовала внимания. К тому же непрерывный мысленный поиск очень истощал силы.

Шум и грохот сражения уже бил в уши. Лес редел, они начали ощущать запах дыма, едкий и вонючий. Черные завитки становились все гуще, затмевая солнечный свет, просвечиваясь меж деревьев; иир'ова фыркали и судорожно чихали. Все пятеро теперь продирались сквозь заросли кустарника; Иеро мчался впереди с мечом в руке, щит и копье мотались на ремнях за плечами. Похоже, предстояла неприятная работа, но он все еще надеялся ее избежать. Крики и завывание впереди сменились ревом огня, регулярно повторявшийся грохот как будто стал реже. К гари и дыму теперь примешивался другой запах, острый и резкий; Иеро никогда не ощущал прежде чего-либо подобного.

Они очутились в городе, даже не успев понять, как это произошло. Минутой раньше они бежали сквозь редкий невысокий буш, а в следующее мгновение уже были на узкой улочке среди рядов жалких хижин, наполовину скрытых клубами дыма. Вонь отбросов, навоза и человеческих фекалий стала так сильна, что перебивала запах горящего дерева.

Б'ургх предостерегающе зашипел, когда какие-то смутные фигуры возникли из дымного облака впереди. Порыв ветра на минуту развеял темную пелену, и обе группы почти одновременно увидели друг друга.

Пара крупных людей-крыс, обвешанных оружием и тащивших мешки – либо с припасами, либо с награбленным – стояли, недоуменно моргая, перед человеком с мечом и четырьмя Детями Ветра; и грозные лики иир'ова были последним, что лемуны увидели перед смертью. Прежде, чем успели шевельнуться их огромные уши и когтистые лапы потянулись к оружию, оба рухнули с невнятным хрипом; их глотки были перерезаны, тела с голыми короткими хвостами подергивались в агонии. Иеро в изумлении раскрыл рот, в очередной раз потрясенный скоростью, с которой действовали его союзники. Молодые воины уже стояли рядом с ним – с обнаженными клинками, готовые к новой схватке, – а тела лемумов еще не успели опуститься на землю!

«Убивайте всех вооруженных, – велел священник. – Пойдем вперед, нам надо найти место, с которого видны гавань и город. Ищите! Здесь нет деревьев, но местные безволосые строят высокие хижины, выше нашего роста. И здесь слишком много людей... много разумов, очень возбужденных... мне трудно слушать всех сразу. Мы должны пользоваться своими ушами и глазами.»

Он попытался припомнить, что рассказывали ему про Ниану брат Альдо и Гимп. Лучар тоже проходила здесь, вместе с караваном рабов. Что же они говорили? Город был очень стар; возможно, в том или ином виде, он существовал еще до Смерти. Нечистый владел этим местом, слуги его кишели повсюду, но главные адепты скрывались в тайных убежищах. Здесь сохранились древние церкви, заброшенные и полуразрушенные, в которых давно не велась служба. Здесь были каменные здания и башни. Возможно, в них засели гарнизоны Нечистого или их использовали для наблюдения... Стоило попытаться найти их; блуждать наугад в этом дымном тумане, среди одуряющих запахов и охваченных паникой жителей казалось большим риском.

Пока он взвешивал шансы за и против, впереди вновь раздался загадочный грохот, и земля под ногами содрогнулась. Где-то вдали раздавались такие же звуки, ослабленные расстоянием. Что это значило? О, если бы найти место, с которого он мог увидеть гавань!

Иеро бросил взгляд на людей-кошек. В молчании они стояли позади него, плотно прижав уши к голове; шерсть на их загривках поднялась дыбом. Должно быть ужасно, подумал он, нырнуть в этот смрад и гарь после чистого лесного воздуха, слушать чудовищный грохот, пробираться по лабиринту узких улиц, грозящих неведомой опасностью... Но его бойцы явно не собирались отступать, они рвались в битву. Священник почувствовал облегчение, хотя уже не первый раз он сожалел о том грузе ответственности, который лег на плечи четырех иир'ова.

Медленно и осторожно они прокладывали путь сквозь клубы дыма, выглядывая из-за углов, прежде чем пересечь перекрестки, напрягая зрение и слух в попытке обнаружить врагов – раньше, чем те найдут их сами. Темная грязная пелена затопила город; Иеро, несмотря на риск, связанный с использованием телепатии, передал:

«Держитесь поближе ко мне, протяните друг другу руки. Б'ургх, пойдешь сзади. Убивай любого, кто заметит нас.»

Он сожалел о своем приказе, но Бог ведает, на кого они могли наткнуться в этом вонючем тумане. Слишком давно и слишком прочно враг обосновался в этом городе, и лишь полная скрытность могла служить гарантией их безопасности. Пробираясь вдоль деревянного частокола, сейчас расшатанного и местами рухнувшего на землю, священник разумом и слухом воспринимал многоголосый вопль, повисший над Нианой. Мягкая ладонь М'рин дрогнула в его пальцах, и он попытался использовать этот контакт, чтобы передать Младшей частицу своей силы.

На миг он замер, когда вытянутая вперед рука коснулась чего-то твердого, прочного, массивного. Камень! Чуть склизкий от копоти, полированный, с гнездами щербинок, которые могло оставить лишь время. Иеро стоял, ощупывая стену ладонью, зная, что остальные тоже не двигаются и, вытянувшись цепочкой за его спиной, впитывают охвативший его трепет возбуждения.

Ни криков, ни воплей не слышалось вблизи, хотя в отдалении по-прежнему грохотала битва. Грязный пар горячим одеялом покрывал всех пятерых, но что еще таилось за его темной завесой? Священник попробовал прикинуть, сколько сейчас времени – вероятно, за полдень. Они находились в городе не более часа... Он невольно вздрогнул от близкого грохота, долетевшего с соседней улицы; земля под ногами качнулась, затем последовал ряд более слабых толчков. Звук следующего разрыва донесся издалека, откуда-то из района гавани.

Он сжал руку М'рин, приказывая двигаться медленнее и, всматриваясь прищуренными, слезящимися от дыма глазами в каменную стену, пошел вдоль нее. Пальцы скользили по древним камням, ощупывая то ровную шлифованную поверхность, то заделанные цементом швы. Десять футов, двадцать... Стена тянулась дальше и, подняв руку, он не мог достать до края; казалось, она уходит к небесам.

Новая волна удушливой гари накрыла их. Иеро, кашляя и протирая глаза, согнулся у стены. Потом рука его скользнула дальше, и он замер, нащупав резную канавку в камне, какой-то орнамент за ней и гладкую поверхность массивной деревянной двери. Она было открыта. Моргая от едкого дыма, священник стоял, напрягая разум и слух, у входа в древнее святилище.

ГЛАВА 9. ВЕТЕР УДАЧИ

Тут не было никого и ничего вблизи, кроме защитного ментального устройства, которое Иеро распознал с легкостью. Он находился вместе со своими спутниками в нижнем зале высокого здания, вероятно одной из заброшенных церквей, которые описывала Лучар. Он протянул свои ментальные щупальцы дальше, чувствуя присутствие других разумов, чуждых и враждебных, таившихся вверху и внизу – в подвалах и в высокой башне, венчавшей здание. Впрочем и там, и тут было всего лишь человека три-четыре. Продолжая ментальный поиск, священник направился сквозь полумрак и клубы дыма туда, где слабый проблеск света падал на узкие ступени. Остальные шли следом, в возбуждении издавая чуть слышные шипящие звуки.

«Надо взглянуть, что там, наверху, – передал он. – Б'ургх, останься здесь на страже. Если кто-нибудь появится... один или двое – убей их! Если больше, дай сигнал и поднимайся к нам». – Он понимал, что поручение, возможно, не понравится вождю – тот был любопытен. Что ж, пусть утешается мыслью, что тыл положено охранять сильнейшему из воинов.

Обнажив меч, Иеро начал карабкаться вверх по крутой лесенке, завивавшейся тугой спиралью; трое иир'ова шли по пятам. Ступеньки были выщербленные и потемневшие, что свидетельствовало о солидном возрасте. Дым, поднимаясь вверх, клубился над их головами, застилал глаза; каждую ступень приходилось осторожно нащупывать ногой. В молчании они миновали первый этаж, где Иеро не смог определить ни жизни, ни движения; за разбитой дверью зияла пустота коридора. Чем выше они поднимались, тем легче было дышать; дым истончался, превращаясь в редкие сизые пряди. Другая раскрытая дверь была пройдена без звука, затем Иеро жестом подал сигнал приготовиться. Они достигли самого верха, и сквозь щели в последней двери пробивались тонкие лучики солнечного света. По его кивку все четверо выскочили на площадку, обнесенную колоннадой, что поддерживала шпиль древнего храма – вероятно, в минувшие тысячелетия здесь висели колокола. Теперь же тут располагался наблюдательный пост, и те, кто занял старую звонницу, явно оказались не готовы к внезапной атаке.

На небольшой квадратной площадке находилось четверо существ; все пристально вглядывались в северный горизонт, в спокойные воды Внутреннего моря, хорошо различимые даже сквозь дымовую завесу, что окутывала нижнюю часть здания. Пара людей-крыс и один воин-человек умерли мгновенно; ножи иир'ова пронзили шеи наблюдателей с такой быстротой, что те не поняли, кто их атакует. Последний человек обмяк под точным ударом, нанесенным Иеро – ребром ладони по затылку, прямо под обрез железного шлема. Две-три секунды, и наблюдательный пост был захвачен. Велев молодым воинам присматривать за оглушенным врагом, Иеро шагнул к деревянному парапету, ограждавшему площадку – он казался еще более древним, чем потемневший камень стен. Осторожно опираясь о перила, священник бросил взгляд вниз и вперед, на удивительную картину, что открывалась с высоты.

Как он и подозревал, большая часть Нианы была в огне; старые деревянные строения пылали словно сухой трут. Всюду ярилось пламя, дым стлался над улицами и кварталами, огонь стремительно перебирался от дома к дому вдоль деревянных заборов. Здесь и там над темной пеленой с яркими всполохами пламени вздымались древние каменные башни, сопротивлявшиеся натиску пожара. Ветер тянул то с востока на запад, то менял направление – легкий бриз, переменчивый и постепенно набиравший силу.

Внизу, на узких улицах, отряды войск Нечистого двигались к гавани. Им приходилось пробиваться через огонь и сквозь толпы охваченных паникой жителей Нианы, устремившихся в прямо противоположном направлении – на юг, подальше от берега. Вероятно, никто и никогда не составлял планов обороны города на случай серьезной атаки. Мастера Нечистого просто не рассматривали такую возможность и теперь пожинали плоды своей гордыни и самомнения. Ужасаясь, священник глядел на группу Волосатых Ревунов, мечами прокладывая путь сквозь толпу; они отбрасывали людей к стенам, устилая свой путь окровавленными телами. Крики и вопли вздымались над городом, заглушая шум сражения.

Взгляд Иеро скользнул к побережью. Противник атаковал порт, и большинство старинных торговых складов и доков пылало; лишь ограждавшая гавань древняя каменная стена сопротивлялась огню. Однако не это привлекло внимание священника; главные события разворачивались на воде.

Пять больших кораблей с угловатыми формами выстроились в ряд на внешнем рейде, ясно различимые сквозь ключья дыма. Жерла пушек, торчавших в распахнутых портах, с методичной регулярностью изрыгали пламя. Суда не имели парусов; посередине каждого возвышались две дымовые трубы, на корме торчали короткие мачты. И флаги, развевавшиеся на них, заставили сердце Иеро подпрыгнуть к самому горлу. Зеленый круг на белом фоне, с крестом и мечом в центре! Флаг Аббатств! Республика Метс ударила на врага!

Дыхание Иеро участилось. Он видел множество парусных судов, сгрудившихся за пятью странными кораблями. Эта экспедиция не являлась безрассудным набегом; перед ним был флот вторжения. Он отбросил догадки насчет извергавших пламя орудий, чьи снаряды взрывались сейчас на улицах и служили источником регулярного грохота, который путники слышали последние полчаса. В конце концов, его не касалось, как они действовали; вероятно, по тому же принципу, что и его давно утраченный метатель, оставшийся в подземельях Мануна.

Рука священника стиснула перила; напрягая разум, он попытался войти в контакт с кем-нибудь на атакующих судах. Бесполезно. Мощный ментальный щит, равно непроницаемый для его мыслей и любых ухищрений Нечистого, накрывал флот невидимым колпаком.

Но он обладал сведениями, которые были сейчас так необходимы там, на кораблях... Он знал нечто жизненно важное, должен был предостеречь, помочь... Иеро с силой опустил кулак на деревянный брус перил; отчаяние сжимало его горло.

Шерстистая рука легла на его плечо, вернув к реальности. Это была М'рин.

«Б'ургх пришел. Он говорит, что много, много злых вышли наружу. Они не видели его. И больше здесь никого нет, мы остались одни в этом каменном гнезде...» – Позади Младшей маячила высокая фигура вождя иир'ова.

Почти бессознательно Иеро отметил, что ветер усиливается; теперь он дул с юга, со стороны джунглей. Он снова бросил взгляд на метсианский флот. Что же делать? Из мозга сержанта Нечистого он почерпнул, что где-то поблизости скрывались два секретных корабля, суда с металлическими корпусами, движимые яростной энергией атома. И на их палубах находились орудия, метавшие электрические стрелы-молнии... Сможет ли флот Аббатств выстоять против них? Эти новые корабли, хотя и такие громадные, выглядели неуклюжими, как выброшенные на берег черепахи. Он заметил, что суда были заякорены в линию, друг за другом, нос к корме. Видимо, чтобы вести прицельный огонь, они нуждались в полной неподвижности и безветрии. Но если погода переменится...

Он обернулся и взглянул на очнувшегося пленника. Тот едва ворочал головой, бросая испуганные взгляды на Иеро и Детей Ветра. Физиономия этого человека показалась священнику довольно мерзкой, но был он сравнительно чистым и хорошо одетым, а башмаки и сверкающий шлем выглядели совсем новыми и дорогими. На его шее висело металлическое изображение желтой спирали, украшавшей плащи Мастеров Нечистого. Видимо, он являлся офицером довольно высокого ранга. Прикоснувшись к его мозгу, Иеро без особого удивления встретил непроницаемый барьер защиты.

«Разденьте его!» – передал он иир'ова. В один миг острые когти содрали с человека куртку и рубаху, обнажив до пояса. На груди у него болтался плоский квадратный медальон на цепочке из голубоватого металла – защитное устройство, которое использовали колдуны Нечистого, чтобы предохранить разум своих слуг. В следующий момент Иеро сорвал его и вышвырнул за ограждение площадки. Затем он вслух обратился к пленнику, используя батви, универсальный язык торговцев.

– Говори правду и только правду – возможно, это сохранит тебе жизнь. Солжешь, и я отдам тебя в лапы моих приятелей. – Он заметил, как человек содрогнулся под безжалостным взглядом желтых зрачков. – Ну, говори! Где секретные корабли? Сколько их тут? Какова численность городского гарнизона? Ожидаются ли подкорепления? Когда? Сколько в них солдат? Где прячутся твои хозяева-колдуны?

Стремительно выпаливая вопрос за вопросом и не дожидаясь ответов, он прислушивался к реакции незащищенного теперь мозга. Его специально обучали подобной технике допроса, и за последний год он настолько усовершенствовался в ментальном искусстве, что сейчас действовал почти автоматически. Пленника не надо было пытаться и вытягивать информацию раскаленными щипцами; он просто спрашивал, а

затем читал мысли слуги Нечистого.

Этот человек не был трусом и обладал весьма высоким рангом, равным посту командира легиона Республики. Его звали Эблом Горд, и он знал немало интересного. Он пытался лгать, что не играло большой роли для священника, который лишь старался придать лицу безразличное выражение, выслушав очередную побасенку.

Оказалось, что вблизи Нианы есть лишь пара кораблей с извергающими молнии орудиями; их уже вызвали, и они должны были явиться с минуты на минуту. Городской гарнизон еще держался, но оборона могла рухнуть в любой момент, если только флот Аббатств не будет рассеян или уничтожен. В самом городе страшные электрические пушки отсутствовали. Нечистый, правда, собрал значительную воинскую силу, но не здесь, не в Ниане, а на какой-то секретной базе далеко к востоку; вряд ли эти отряды успеют на помощь. Еще большая армия формировалась на северном побережье Внутреннего моря, откуда было запланировано вторжение в Канду. Атака метсами оплота Нечистого была полной неожиданностью; Республика успела нанести первый удар. Все вызванные подкрепления могли застать лишь пепелище Нианы, и только метавшие молнии корабли могли изменить баланс сил.

Узнав все, что ему требовалось, Иеро пристально поглядел на офицера.

– Ты лгал в ответ на каждый вопрос, – холодно заметил он, – и понесешь наказание.

Резкий жест, сигнал для Б'ургха, был стремительным, но вождь иир'ова действовал еще быстрее; слуга Нечистого не успел вздохнуть, как нож уже торчал в его горле. Иеро окинул труп равнодушным взглядом. Теперь он знал слишком многое о прошлом этого мерзавца, насильника и убийцы, чтобы сожалеть о его смерти.

Перешагнув распростертое тело, он поморщился, заметив капли крови на своих сандалиях, и снова обратил взгляд на военный флот Аббатств, продолжавший с методичной пунктуальностью и завидной точностью бомбардировать противника. Ветер крепчал, ворошил волосы на затылке Иеро; он превратился в постоянный ровный бриз и, за исключением отдельных порывов, дул на север, в сторону моря. «Ветер, – с отчаянием думал священник, – почему в мыслях моих ветер?» Корабли врага идут быстро... серые угрюмые корабли, которым не нужны ни паруса, ни ветер...

Почему же он думал о ветре, несущемся над землей и над поверхностью моря? Почему? Тут в голове у него прояснилось. Он знал ответ!

Быстро повернувшись к своим спутникам, он стал отдавать приказы, перемежая их редкими вопросами. Ментальный совет шел так стремительно, что занял не больше минуты; решение было принято, и маленький отряд начал спускаться вниз по ступенькам.

Нижняя часть здания по-прежнему казалась тихой и пустынной; сквозь широко распахнутые двери тянуло гарью. Вдалеке раздавались крики, стоны и злобный вой лемутов, треск пламени и грохот разрывающихся снарядов. Острые атаки, отметил Иеро, переместилось к западу, словно флот Республики двигался в этом направлении. Что ж, это вполне совпадало с его планами.

В полном молчании пять фигур подобно призракам выскользнули из древнего храма и заторопились вниз по узкой улице. Иеро шел впереди; в этом людском муравейнике его знания и способности являлись более важными, чем слух, зрение и феноменальная скорость его союзников. Вскоре они достигли маленькой площади и были вынуждены спрятаться за развалинами стены – орущая напуганная толпа прокатилась мимо их убежища. Мельком коснувшись мыслей людей, Иеро понял, что они мчатся в панике, без цели, не разбирая дороги, пытаясь выбраться из-под обстрела. Когда последние фигуры исчезли за поворотом, путники выбрались из-за стены, быстро пересекли площадь и исчезли в дымной пелене одной из улиц. Они ориентировались по слабому уклону в сторону моря, характерному для многих городских улиц. Бросив взгляд на купол оставшейся позади церкви, Иеро решил, что до берега не более нескольких минут хода. Его отряд двигался быстро. Один раз чей-то силуэт возник перед ними, бесформенный и безликий в дымной мгле; но, разглядев пять стремительных фигур, едва освещенных бледными солнечными лучами, человек дико вскрикнул и метнулся в переулок.

«Сейчас нам надо действовать еще осторожнее, – передал священник. – Мы приближаемся к воде, там собралось много вражеских воинов. Надо пробраться сквозь их отряды и найти судно.»

«Вода недалеко, – ответила М'рин. – Я чувствую ее запах. Хотя в воздухе дым и гарь, от воды тянет свежестью.»

Неожиданно, еще раньше, чем предполагал Иеро, морская ширь открылась их взорам. Они бежали по узкому проходу, вымощенному старым кирпичом, хрустевшим под ногами, когда улица вдруг резко оборвалась. Перед ними лежал лабиринт старинных пирсов, наполовину сгнивших и покосившихся, словно спяна; одни еще возвышались над болотистой почвой побережья, другие пылали, подожженные бомбами или случайной искрой. Ветер продолжал подталкивать их в спины, выдувая из охваченного пожаром города клубы сизого дыма.

Иеро быстро произвел ментальный поиск. Тут не было слуг Нечистого – по крайней мере, вблизи. Он ощущал присутствие большого отряда солдат, но достаточно далеко. Священник прислушался, зная, что вместе с ним насторожили чуткие уши Дети Ветра. Грохот метавших снаряды орудий сместился налево, к западу, и, благодаря какому-то акустическому эффекту, там, где стояли путники, воцарилась относительная тишина. Он мог слышать плеск крохотных волн, набегавших на берег, да шипение огня, пожирившего очередной пирс.

Затем на глаза ему попался некий предмет, полускрытый одним из покосившихся причалов и чуть заметно качавшийся в ритме набегавших на берег волн. Именно эти слабые колебания привлекли взгляд священника; присмотревшись внимательнее, он проверил окрестности, и ментально, и с помощью глаз, стараясь обнаружить что-нибудь подозрительное. Он не нашел ничего, но предостережение инстинкта, более древнего, чем разум, становилось все более ясным. Здесь кто-то был – кто-то, следивший за ними!

Не имеет значения, сказал себе Иеро. Время слишком дорого, чтобы тратить его на проверку смутных подозрений.

«Ждите тут и наблюдайте, – велел он спутникам. – Если вон та штука под деревянным настилом, которая болтается в воде, то, что нам нужно, я дам знать.»

Не ожидая ответа, он быстро пересек открытое пространство и устремился к причалам. Через минуту, оказавшись на борту небольшого суденышка, Иеро столкнулся с его единственным матросом – без сомнения, местным рыбаком.

Должно быть, тот собирался выйти в море – в баркасе лежали весла, корму загромождала сеть. Рыбак был безоружен, если не считать короткого ножа на поясе, который стягивал кожаные штаны; торс его прикрывала фуфайка. Он, по-видимому, собирался отплыть, когда его сразили выстрелом из арбалета – стрела пробила шею рыбака насквозь. Рукояти весел упирались ему в подмышки, и Иеро подумал, что несчастный, еще одна жертва войны, расстался с жизнью в тот момент, когда уже хотел оттолкнуть лодку от причала.

Он сотворил над покойным молитву, полагая, что простой рыбак вряд ли был приспешником Нечистого; затем поднял тело и перебросил его за борт. Пока его спутники, повинаясь призывному взмаху руки, стремительно неслись к пирсу, священник занялся прочной веревкой, привязанной к почерневшей от времени опоре настила. Спустя секунду четверо иир'ова, перепрыгнув узкую полосу воды, очутились в лодке. Иеро сунул весла в уключины и, навалившись на гладкие рукояти, направил суденышко в открытое море.

Позади, с берега, чей-то ненавидящий взгляд впился ему в спину, словно молния, выпущенная из узкой щели притворенного окна. Бледные пальцы судорожно стиснули висевший на голубоватой цепочке медальон; затем, когда его обладатель принял решение, снова легли на подоконник. Миг, и облаченная в плащ с глухим капюшоном фигура метнулась к выходу.

Маленькое суденышко, футов пятнадцати в длину, резало волны приподнятым форштевнем, подгоняемое сильными ударами весел. Дети Ветра, со сверкающими глазами и вставшей дыбом шерстью, скорчились на дне лодки; пара – на носу, пара – прямо у ног Иеро. Все четверо трепетали от возбуждения и новизны впечатлений, однако они скорее простились бы с жизнью, чем выдали свою слабость. Когда волнение усилилось, иир'ова только прижали к черепу остроконечные уши, терпеливо ожидая команды своего вождя и друга.

Иеро проверил ветер, выбирая оптимальный курс. В его стратегических планах зияли такие прорехи,

что лишь редкостная удача могла спасти всю операцию от полного краха. Если бы только продержался южный ветер! Он оглянулся через плечо, наблюдая, как постепенно редет дым городских пожаров, до сих пор мутной пеленой висевший над лодкой.

Горизонт уже был ясен, и слева от их курса, на внешнем рейде, священник разглядел мачты флота метсиан. Пять дредноутов, при взгляде с воды еще больше похожие на черепах или плывущие по течению крыши амбаров, теперь медленно перемещались обратно к востоку, с еще большим усердием поливая город потоком снарядов. Если клочья дыма, которые нес прибрежный бриз, и затрудняли поиск целей, на интенсивности бомбардировки это не сказывалось. Видимо, разрывов в окутавшем город темном тумане было достаточно для канониров. За дредноутами неторопливо потянулись на восток и парусные суда, ожидая команды к высадке десанта. Над морем продолжал дуть устойчивый южный ветер.

Корабли Нечистого приближались с востока – быстрее любого парусника, стремительнее, чем новые паровые суда Республики. Секретные корабли врага шли на выручку Нианы, вызванные Темными Мастерами, и их страшные орудия были готовы сокрушить флот метсов.

Иеро не питал надежд на победу в морской баталии. Метсианские паровые дредноуты были достаточно сильны, чтобы внезапной атакой захватить порт, но он не сомневался ни на минуту, что им не выстоять в сражении с кораблями Нечистого. Конечно, эти новые суда спроектированы и построены по распоряжению Совета Аббатств и отца Демеро, но их инженеры не располагали временем, чтобы добиться той мощи и быстроходности, которая отличала корабли противника. Священник с ужасом представлял, как запыхавшийся флот Республики, эти огромные, похожие на плавающие форты дредноуты, под ударами молний. Гроза надвигалась с востока и становилась все ближе!

«М'рин, – торопливо передал он, – приготовься! Торопись, враг приближается! Нам надо лечь на дно, чтобы лодка казалась пустой. Это вызовет меньше подозрений.»

«Она уже начала, – отозвался Б'ургх. – А я – я вижу этих безволосых обезьян! Как быстро они мчатся по воде!»

Теперь и сам Иеро заметил их – две темные точки, стремительно летевшие с востока; они росли с каждой минутой. Он стиснул кулаки. Если бы только он мог пробиться сквозь ментальный барьер, окружавший его соратников, и сообщить им, что происходит! Нырнув вместе с иир'ова за низкий борт лодки, он постарался успокоиться. Внезапно священник ощутил волну ужаса, взметнувшуюся над их суденышком, и возликовал в душе. Сумка, висевшая на поясе М'рин, была раскрыта, и руки ее лихорадочно двигались, что-то растирая, смешивая, пересыпая из ладони в ладонь. Темный животный страх исходил от нее; он как будто совсем не действовал на иир'ова, но тело человека отзывалось каждой клеточкой, каждым нервом! Ветер Смерти обрел крылья и взлетел над морем в поисках жертв. Он понесся вперед вместе с клубами темного дыма от чадивших пирсов, придавая им смертоносную силу ядовитых газовых атак далекого прошлого.

Иеро бросил торопливый взгляд на запад. Там все шло хорошо: флот Аббатств вытянулся в линию вдоль побережья, готовясь высадить десант. Большие дредноуты прекратили бомбардировать город, парусные суда огибали их защитный строй, направляясь к берегу.

«Они пришли, – сообщил Б'ургх. – Сейчас мы увидим.»

Иеро зажмурил глаза и начал молиться. Он сделал все, что мог; теперь оставалось уповать лишь на милость Божью. Еще мгновение, и колдуны Нечистого почувствуют силу этого оружия, как это случилось в прошлом, когда иир'ова, сбросив цепи рабства, вырвались на свободу.

Он молился, пока не услышал знакомые звуки, которых ждал с ужасом и отчаянием. Молнии Нечистого! Казалось, воздух наполнился шипением и потрескиванием. Неужели враги собирались уничтожить их крохотное суденышко? Один выстрел мог испепелить их всех во мгновение ока! Не в силах больше сдержаться, Иеро чуть приподнял голову над бортом. Остальные последовали его примеру, и теперь все пятеро с благоговейным страхом наблюдали картину морской баталии.

Колдуны Нечистого, что направляли бег стремительных узких кораблей, явно не собирались прибегать к тактическим ухищрениям. Это им не требовалось; их таинственные корабли намного превосходили в скорости и смертоносности любого мыслимого врага. Хищные темные корпуса

устремились прямо к метсианскому флоту, а орудия на их палубах со всей возможной быстротой извергали огненные стрелы. Корабли двигались близко друг к другу, будто соревнуясь в стремлении насладиться безнаказанным убийством. Казалось, они даже не заметили одинокую лодку, дрейфующую в четверти мили к югу от их курса; впереди ждала более крупная и соблазнительная добыча.

Молнии били в цель. Как и опасался Иеро, страшные орудия Нечистого превосходили по дальности боя неуклюжие пушки метсианских дредноутов. Уже задымилось одно из неповоротливых судов, в корпусе его зияла большая пробоина, однако оно еще держало строй. И священник понимал, что флот Республики будет сражаться до последнего, пока на плаву останется хоть один корабль, а на его палубе – хоть один живой боец. Он снова взмолился о чуде, глаза его слезились от дыма и горечи – ибо что могло быть тяжелей, чем бессильное сожаление о гибнущих соратниках!

И чудо, как бывает иногда, когда мужество и стойкость нуждаются в поддержке, свершилось.

Оба корабля Нечистого, обтекаемые и стремительные, еще целились острыми форштевнями в метсианский флот, но экипажи их внезапно обезумели. Иеро увидел, как идущее левее судно вдруг резко вильнуло в сторону и ринулось прямо в борт своего соседа. Треск и шипение орудий, метавших молнии, смолкли, и скорчившиеся на дне лодки мореплаватели услышали дикие вопли, что неслись над молчаливыми водами. Корабли с грохотом столкнулись, и крохотные фигурки, размахивая руками, посыпались в море; остатки обеих команд, охваченные смертным ужасом, искали спасения в волнах. Затем наступил конец. Ближайший к берегу корабль неожиданно отвернул в сторону и, вздымая гигантскую волну, устремился на мелководье. Струйка дыма показалась над темным корпусом, затем – ослепительная вспышка взрыва, заставившая пятерых в лодке зажмурить глаза. Последовал чудовищный грохот; Иеро и люди-кошки прижались к смоленным доскам, прикрывая головы руками. Удар обжигающего ветра обрушился на лодку, ее экипаж замер в ужасе под хлынувшим через борт потоком воды.

Переборов панику, Иеро приподнялся – как раз вовремя, чтобы заметить набегавший яростный вал. Он бросился к веслам и одним движением развернул суденышко носом к огромной волне. Оно высоко взлетело, на миг зависнув на гребне, затем рухнуло вниз, в глубокое зеленоватое ущелье. Напрягая все силы, бешено работая веслами, священник удержал лодку поперек волны; вторая и третья были гораздо ниже, и он справился с ними без труда. Затем, бросив весла и потирая горевшие ладони, Иеро кивнул остальным; теперь они могли встать и полюбоваться на результаты своих усилий.

Там, где корабли Нечистого встретили свой конец, крутилась расширяющаяся воронка, и южный ветер сглаживал ее, посылая череду невысоких волн. Обломки дерева, снасти и шпангоуты покачивались на воде, искореженные и раздробленные мощным взрывом. Но ни единого тела, ни мертвого, ни подающего признаки жизни, не замечалось. Мрачные таинственные корабли, столь долго державшие в страхе южное побережье, исчезли, растворились вместе со своими командами из лемутов и человеческого отребья, вместе с Темными Мастерами, повелевавшими на их палубах.

На носу рыбацкого баркаса, сокрушившего силу Нечистого, сидела М'рин; на коленях – кожаная сумка, острые ушки стоят торчком, на выразительном личике – широкая улыбка, приоткрывавшая острые зубы. Ветер смерти помог одержать победу над врагами ее племени – такую победу, о которой они даже не могли мечтать. О ней будут петь у родных очагов, она сохранится в легендах для грядущих поколений! Безгубые рты иир'ова растянулись в торжествующих ухмылках, и низкий горловой звук, то ли рычание, то ли смех, затопил лодку. Они радовались, они были переполнены счастьем; те, кто осмелились когда-то наложить цепи на вольных Детей Ночного Ветра, мертвы!

Иеро улыбался, наблюдая за сверкающими глазами и вздыбленными загривками своей команды. Он с удовольствием присоединился бы к их дружному хору, если бы обладал вокальными способностями. Но вместо того священник вознес молчаливую молитву Создателю. Он, Всемогущий, податель всех благ, даровал им удачу! И время, и место, и оружие, сразившее Нечистого, были выбраны верно! Но никто не мог рассчитывать, что такие чудеса будут продолжаться бесконечно, и потому полагалось приступить к делу. Выиграна только первая стычка в кровопролитной битве, в тяжелой войне, которая растянется на долгие годы и многие мили.

Он с сожалением прервал триумфальный пеан Детей Ветра, вернув их к суровой действительности.

«Друзья, – его ментальная речь была наполнена дружелюбием и теплотой, – сражение еще не

закончено. Нам надо действовать – и, в первую очередь, встретиться с моим народом. Вот то, ради чего я проделал такой длинный путь с юга, – он вытянул руку в сторону метсианских кораблей, на палубах которых царило легкое замешательство, вызванное столь внезапным и эффектным концом баталии. – Успокойтесь и сядьте; сейчас я постараюсь подплыть ближе к этим большим лодкам. И молитесь Ночному Ветру, чтобы мои приятели не обрушили на нас свои громы прежде, чем разберут, кто мы такие.»

Впрочем, это оказалось несложным. Метсианские боевые корабли неторопливо перемещались вдоль линии побережья, и маленькое суденышко устремившееся к флоту, было тут же замечено. Передовой дредноут замедлил ход, клубы дыма, извергаемые двумя высокими трубами, исчезли, из рулевой рубки на носу появилась группа людей. Заметив, что пара пушечных жерл развернулась в их направлении, Иеро бросил весла, встал и скрестил руки над головой. Затем он медленно осенил крестом свою широкую грудь – так, чтобы на судне могли ясно разглядеть этот жест и понять его смысл.

На миг наступило молчание; он стоял неподвижно, рыбацья лодка тихо покачивалась на волнах. Затем басистый голос, усиленный рупором мегафона, проревел:

– Ну, поглядите-ка на эту грязную рожу! На это тощее брюхо! На голодную ухмылку этого пожирателя навоза! Я же говорил вам, что даже лысая бестолочь Нечистого побрезгует подвесить за ребро самого тупоумного и бесполезного священника Аббатств! Он-таки жив!

Иеро с облегчением рассмеялся.

– Что ты делаешь на этом пловучем гробу – ты, старый лесной хорек? Вот уж не думал, что тебя возьмут в плавание. Ведь ты так боишься воды, что отродясь не мылся!

Огромный человек поглядывал на него с борта судна с небрежной благосклонностью. Пер Эдвард Маларо не уступал ростом самому высокому иир'ова, весил вдвое больше и обладал бычьей силой, а также пухлой щекастой физиономией невинного дитяти. Кроме того, он являлся ветераном Стражей Границы, умелым бойцом и одним из лучших друзей Иеро; они встретились впервые в школе Аббатств, еще десятилетними мальчишками.

– Кто там с тобой, Коротышка? Ну, тебе сильно повезло! Ты видел, что мы сейчас сделали? Мой корабль и четыре остальных?

Иеро взялся за весла и подгреб к массивному корпусу судна. Затем он поднял насмешливый взгляд вверх, на столпившихся у борта людей.

– Вы сделали? Вас всех – и тебя, Толстяк, – объедали бы сейчас крабы на дне морском, если бы не эти мои приятели, – священник кивнул в сторону четырех иир'ова. – Ты думаешь, что отродья Нечистого сошли с ума и протаранили друг друга, испугавшись твоей немытой физиономии?

Глаза пера Эдварда сузились, на широком лбу пролегла морщина; какая-то смутная мысль бродила в его голове. Наконец он кивнул:

– Значит, это был ты? Что ж, я мог бы и догадаться... Ты уже не раз натягивал нос этим грязным вырождакам... И хвала Создателю за это! Теперь слушай: давай-ка быстро на борт! У нас новая ментальная защита, слишком прочная, чтобы я мог говорить с твоими приятелями. Залезайте сюда, пойдём на мостик и примемся за работу. Скоро войне конец! Мы выметем это змеиное гнездо!

В одно мгновение все пятеро оказались наверху и, миновав узкий проход, по скошенной к воде палубе направились к мостику. Они встали там, разглядывая недавно покинутый город, пока пер Эдвард отдавал приказы. Моментом позже грохот большого орудия где-то под ними и дрожь палубы указали на возобновление бомбардировки. Выбирая минуту между командами рулевым, канонирам, сигнальщикам и десятком других дел, пер Эдвард засыпал гостей отрывистыми вопросами, поглядывая на них из-за могучего плеча. На нем были кожаные штаны и куртка, обычное одеяние Стражей Границы, но над козырьком фуражки Иеро увидел серебряный значок, с которым никогда не встречался прежде. Он пригляделся. Кораблик с квадратным парусом был изображен так, словно он смотрел на него спереди; под ним – скрещенные якорьки, окруженные извивающейся цепью.

– Что это такое? – повторил пер Эдвард вопрос Иеро. – О, мы все носим этот знак, отец Демеро раскопал его в каких-то древних книгах. Обычная глупость, я полагаю, но людям нравятся такие вещи. У

нашего адмирала – а им стал полковник Бирейн – золотой значок; капитаны носят серебряный, а у тех, кто рангом пониже, корабль из бронзы. Мы теперь моряки, друг мой... – Он хмыкнул, поглядывая на пылающий город.

– Нам хватило времени, чтобы собрать металл для пушек. Эта бронза, я полагаю, доставлена из какого-то древнего города. Корпуса судов? Нет, они не металлические, всего лишь дерево, но их армировали пластинами керамического материала. Неплохая защита от огня и всего прочего... конечно, кроме этих дьявольских пушек, что мечут молнии. Готов допустить, мой мальчик, что в этот раз мы сохранили головы лишь благодаря тебе.

– Корабли?.. Эй, рулевые! Куда правите, медные лбы?! Решили, что это каное? При таком курсе мы расстреляем соседа, а не доки! Левей, болваны! – Он снова повернулся к Иеро. – Да, корабли... Ну, отец Демеро собрал моряков с западного побережья на озере за Намкушем. Прекрасное озерцо, знаешь ли, и Народ Плотины помог перекрыть речку, что вытекает из него. Они теперь сотрудничают с нами... Многое изменилось с тех пор, как ты отправился геройствовать на юг, мошенник! – Он погрозил Иеро пальцем толщиной с доброе топорщице, потом снова начал реветь на парней, стоявших у огромного двойного рулевого колеса. Через минуту пер Эдвард опять повернулся к приятелю.

– Да, так мы о кораблях... Понимаешь, тут нет ничего нового. Бог знает, откуда взялись все нужные сведения, но выглядело это так: мы задавали вопрос, и нам отвечали. Довольно быстро, надо сказать. Думаю, помогли записи, что хранятся в Аббатствах. Там есть что угодно... Как построить все эти проклятые штуки и разные машины... Они называются «паровыми двигателями высокого давления», и мы разнесли две штуки в клочья, прежде чем научились управляться с ними. К счастью, никого не задело... Старые корабли, которые мы копировали, строились так же, но с железными корпусами. Ну, столько железа нам было не набрать, во всяком случае, быстро. Но мы откопали состав этой керамики – она похожа на кровельную черепицу, но раз в двадцать прочнее. Хорошая штука... Теперь я даже рад, что нам не хватило железа... Один удар проклятых электрических стрел мог поджарить всех нас как на сковородке!

– Одним словом, мы построили пять таких кораблей, Народ Плотины открыл свои шлюзы, и мы отправились вниз по реке к Намкушу... и прибыли туда, дай-ка вспомнить... ранним утром три недели назад. Мы тащили за собой баржи с двумя легионами, и через полчаса город был наш. Ни один корабль не удрал из гавани! Слуг Нечистого там было немного, но шпионов – торговцев, пиратов и всякого отребья – выше макушки. Мы посадили всех под замок, допросили и часть мерзавцев повесили. Затем реквизировали пиратские корабли и те суда, что побольше, а к остальным приставили охрану; никто не мог предупредить Нечистого. Ну, и двинулись мы вдоль побережья к югу, со всеми этими парусниками на хвосте... Шли довольно медленно, но вот мы здесь... Что тебе, сынок?

Остроглазый юноша примчался с кормы и встал навытяжку, подняв руку в салюте.

– Приказ адмирала, сэр. Двигаться к побережью и следить за его сигналами. Он дает команду парусникам пройти сквозь наш строй и высадить десант. Корабли должны прикрывать пехоту.

– Ясно. Эй, внизу! Прекратить огонь и ждать команды! – Он оторвался от переговорной трубы и первый раз пристально посмотрел на Детей Ветра. – Твои друзья могут получить кресла в первых рядах, старый бродяга. Значит, так: один большой разбойник, два молодых бандита на подхвате и эта... настоящая красotka! Где ты их подцепил? Никогда не слышал о таких лемурах... извини, чужаках.

Его взгляд, восхищенный и откровенный, скользнул по округлым формам М'рин, моментально преодолев естественный барьер между двумя расами. Младшая сердито прижала уши, но промолчала.

– Полегче, парень, – осадил приятеля Иеро. – Эта юная леди, что так сердито на тебя поглядывает, недавно обратила в прах два корабля Нечистого – те самые, что могли превратить твое корыто в погребальный костер. Хочешь, чтобы она и с тобой проделала такую же штуку?

При этом поразительном сообщении глаза пера Эдварда расширились, но он слишком хорошо знал Иеро, чтобы сомневаться в его словах. Склонив голову перед столь необычными гостями, капитан метсианского дредноута с изысканной вежливостью произнес:

– Я счастлив встретить таких храбрых воинов, друзей моего старого товарища. И я приношу глубокую благодарность от всех нас за помощь – она была весьма своевременной. Те, кто возглавляет наш народ,

вожди и мудрецы, скажут вам то же самое при встрече. А сейчас мы рады считать вас дорогими гостями и союзниками на борту этого судна. И все, что мы можем сделать для вас, будет сделано. Вам надо только сказать.

Иеро перевел речь приятеля и стал ждать, любопытствуя, кто же ответит. Оказалось, что Б'ургх; видимо, военный вождь все же считался главным среди четырех иир'ова, несмотря на высокое положение М'рин в Прайде.

«Мы благодарим тебя в ответ. Мы пришли издалека, чтобы помочь нашему другу Иеро и его народу. И мы хотим сражаться с теми, кого вы зовете слугами Нечистого; наше название для них еще хуже. Загляни в разум каждого из нас, и ты убедишься, что мы желаем только искренней дружбы. Нельзя ли, однако, сделать так, чтобы мы могли дышать чистым воздухом? Запах от города и от твоей плавающей в воде большой черепахи угнетает нас... Можно ли сделать его не таким сильным? Если нет, мы потерпим. И я обещаю: мы пойдем туда, куда пойдешь ты, будем есть, пить и сражаться вместе с тобой, и умрем, если будет нужно, с твоими воинами.»

Закончив перевод, Иеро заметил, что слова огромного иир'ова произвели впечатление на его друга.

– Пожалуйста, скажи им, – торопливо начал пер Эдвард, – что я постараюсь при первой возможности перевести их на вспомогательное парусное судно. Там воздух почище... нет этого дыма и угольной пыли. Честно говоря, меня и самого временами мутит от запахов... Ну, ладно, а теперь мне надо прикрывать высадку десанта. Гляди, первый парусник уже приближается к берегу.

Пока шла беседа, корабли со Стражами Границы миновали строй дредноутов и начали с осторожностью продвигаться к вытянутым в море причалам. Разговоры на мостике смолкли; все застыли в напряжении, всматриваясь в берег и ожидая контратаки. Иеро попытался вытянуть к городу ментальный щуп, но наткнулся на непроницаемую стену. Барьер, который воздвигли Аббатства над своим военным флотом, был непроницаемым изнутри – так же, как и снаружи. Священник не мог ни послать, ни принять сообщение; его ментальные силы были ограничены палубой корабля. Шепотом он сообщил об этом перу Эдварду.

– Да, правильно, аббат Демеро предупреждал нас. И еще я слышал, что за последний год ты стал прямо рекордсменом в таких вещах! Теперь у нас много народа занимается этим... наверно, они будут счастливы заполучить тебя обратно! А что касается щитов... Знаешь, большие люди – я имею в виду Совет – решили, что в наших рядах есть пара-другая мерзавцев, а потому каждому навесили эти штуки. Так что утечка любых сведений исключена.

Иеро кивнул, и они обратились к созерцанию стройных шеренг пехоты Аббатств, катившихся мимо причалов к затянутому дымом узким улочкам, что вели в центральную часть Нианы. Кроме отдаленных воплей, доносившихся сквозь треск и шипение огня, других звуков не было слышно. Не замечалось и каких-либо попыток к сопротивлению – во всяком случае, на территории порта. Второе парусное судно подошло к пирсу, и с него хлынул поток воинов. Офицеры – некоторых из них Иеро знал – выкрикивали команды, строили своих людей и вели их вглубь городского лабиринта. Один корабль за другим причаливал к берегу, выплескивая свой человеческий груз, пока Иеро не подсчитал, что в город вошли уже два полных легиона, не меньше четырех тысяч бойцов.

Чувство невольной зависти охватило его. Он был офицером разведчиков-рейнджеров, элитных частей военных сил Аббатств, и сейчас не мог сдержать желания, немного детского, как он сам понимал, ринуться вместе со Стражами Границы на завоевание Нианы. Частично его ощущение было условным рефлексом профессионального солдата, у которого чешутся руки в предвкушении битвы. Но он был достаточно мудр, чтобы глубже разобраться в собственной душе. Целый год он не видел людей своего племени. Он прошел тысячи миль, подаривших ему новых друзей, жену, новое положение – все, о чем стоило мечтать. Однако новое оставалось новым, а сейчас он чувствовал себя так, словно вернулся к родному очагу. И пока монолитные ряды пехоты пересекали предпортовую площадь, исчезая в разверстых зевах улиц, ему страстно, до боли захотелось стать одним из этих парней, рядовым бойцом роя, стаи, легиона, корпуса. Чувство, древнее как мир! Иеро не догадывался, что в этот миг его глазами смотрит один из ветеранов-легионеров, что пронесли римских орлов от болот Британии до обожженных солнцем плоскогорий Ирана.

Однако он был не только солдатом; он был еще и священником. И невольно слова благодарности Творцу начали складываться у него в голове; Господь благословил его, дозволив лицезреть поступь воинов Божьих по земле врага. Он знал, что лишь гордости своей обязан этим смятением души. Господь благословил его и не раз вел к победе; Он даровал своему рабу много больше, чем тот потерял, и пер Дистин, смиренный слугитель Божий, ни в чем не мог упрекнуть Создателя. Но как он хотел бы маршировать в этих молчаливых шеренгах!

Его раздумья были прерваны некоторым оживлением, воцарившимся на мостике. Кто-то подымался по трапу – несколько человек, как Иеро успел мельком заметить, но все взгляды были прикованы к первому из них. Он был уже немолод и почти лыс – редкий случай для чистокровного метса. По чисто выбритому лицу было трудно угадать возраст – любой, в пределах от сорока до шестидесяти. Он не носил фуражки, но левый рукав украшала знакомая эмблема – золотой якорь и кораблик с распущенным парусом. В остальном его одежда казалась столь же простой, как у остальных, но ни один из стоявших на мостике моряков не сомневался, к т о к ним прибыл.

Быстро повернувшись к Иеро, адмирал ответил на его салют и произнес: – Пер Дистин? Рад приветствовать тебя, сын мой. Юстус Бирейн, милостью Божьей командир этой эскадры. Я слышал странные вещи насчет тебя... – он сделал паузу, – и твоих друзей. И если все понял верно, то значит, Нечистый был уничтожен благодаря твоим усилиям? Расскажи-ка мне все с самого начала.

Это потребовало времени. Затем Иеро представил Детей Ветра, и адмирал, быстро установивший с ними ментальный контакт, произнес все приличествующие случаю благодарности и комплименты. Одновременно он раздавал указания посыльным и курьерам, подходившим непрерывной чередой.

Прислушиваясь к их докладам, Иеро получил собственное представление о том, как шли дела. Казалось, сопротивления, кроме незначительных стычек, не было. Город выглядел пустым – видимо, охваченные паникой жители покинули его. Войска Республики продвигались вперед без затруднений. Малочисленные отряды лемутов, которые рисковали ввязаться в бой, погибли на месте. Ни одного из Темных Мастеров найти не удалось. Некоторые улицы были завалены трупами сотен людей, мужчин и женщин. Кое-где начались грабежи, но им тут же был положен конец. Твердая рука Аббатств сомкнулась на Нианой.

– Я предлагаю, сэр, – заметил Иеро, – чтобы наши офицеры допросили пленных и выяснили, где находится вражеский центр. Тут была очень крупная база, и у них не хватило времени, чтобы все уничтожить. Вряд ли мы схватим кого-нибудь из главарей, но они не могли обходиться без помощников и слуг. Можно многое узнать, и я думаю, что самое важное скрыто под землей... Так что скажите нашим людям – пусть, ради Бога, будут поосторожнее, когда полезут вниз.

Бирейн в молчании с минуту глядел на него; видимо, он не привык выслушивать советы от молодых соратников, и к тому же высказанные столь твердым тоном. Иеро выдержал его взгляд. Он был принцем Д'Алви и справедливо полагал, что испытания последнего года сделали его равным любому из высших офицеров. Наконец адмирал отвернулся и посмотрел на пылающий город. Пер Эдвард затаил дыхание, ожидая взрыва. Но, не обладая Бирейн острым умом, он не стал бы крупным военачальником. Слабая улыбка коснулась его губ; это было все.

– Ты прав, пер Дистин, мне самому стоило бы об этом подумать. Готов ли ты высадиться на берег? Я дам тебе людей; можешь обшарить все подвалы в Ниане. Ты лучше нас знаешь, где и что искать.

Итак, Господь услышал Иеро и явил очередную милость. Через несколько минут священник уже шагал мимо пирсов и причалов к городу; за ним торопились четверо иир'ова и десяток метсов-пограничников под командой сержанта. Один из молодых офицеров, адъютант Бирейна, проводил их на центральную площадь, куда была согнана сотня пленников. Иеро представился охранявшему их капитану и приступил к проверке – и зрительной, и ментальной.

Вдруг он указал на рослого человека, пытавшегося пробраться в последний ряд группы захваченных.

«Ну-ка, притащите сюда вот этого... да разденьте его! Думаю, у него на шее кое-что висит.»

Под удивленными взглядами метсианских солдат четверо иир'ова ринулись в толпу и мгновенно содрали с человека куртку и рубаху. Получив голубоватую металлическую пластину, Иеро швырнул ее

наземь и раздавил ударом каблука, не спуская пристального взгляда с вражеского офицера. Затем он произнес на батви:

– У тебя есть шанс сохранить жизнь, приспешник зла, один-единственный шанс. Скажи правду: где расположен центр колдунов?.. где находятся их записи?.. где ваши дьявольские машины? Поторопись! Секунда отделяет твою душу от вечности... если у тебя, конечно, есть душа.

Офицер Нечистого не был трусом; возможно, он бы не дрогнул, приняв смерть от пики или меча в открытом бою. Но эти огромные создания, внезапно схватившие его... их устрашающие когти, вмиг содравшие одежду, явившие свету тайный знак доверия хозяев... их яростные пылающие глаза... Слуга Нечистого был сломлен, устрaшен! Захлебываясь слезами, он рухнул к ногам Иеро.

– Пощады! – Он попытался облобызать пыльную сандалию священника, но тот с отвращением отдернул ногу.

– Ты проживешь до первой лжи, слетевшей с твоих грязных губ! Слушай и отвечай!

Это получилось лучше, чем надеялся Иеро. Пленник оказался третьим по должности среди командиров сил городской обороны и знал многое. С веревкой вокруг шеи, он повел отряд Иеро через площадь к ближайшей башне. В стене ее утопала маленькая неприметная дверь, с трудом поддававшаяся усилиям солдат; за ней, как и ожидал священник, истертые скользкие ступени вели вниз, в темноту.

Им пришлось подождать, пока не принесли факелы. Затем люди и иир'ова, возглавляемые пленником, держа оружие наготове, приступили к спуску. Лестница уходила вниз, вниз, вниз; она тянулась бесконечной спиралью, иногда переходя в маленькие площадки без дверей. Когда, наконец, показался голубоватый свет, позволивший погасить факелы, Иеро понял, что они находятся очень глубоко под землю.

Вместе со спутниками он очутился в сыром и узком каменном коридоре, уходившем в обе стороны. Холодное голубоватое сияние светильников, закрепленных на потолке через равные промежутки, не скрывало ничего; здесь царила мрачная тишина. Иеро подтолкнул пленника вперед острием копья. Жест был достаточно красноречив, и тот, повернув налево, уверенно направился по коридору. Остальные последовали за ним в молчании, которое нарушалось только звуком шагов да случайным звоном оружия.

Они прошли довольно большое расстояние, не найдя ничего, кроме пустоты, когда Иеро, подняв руку, велел отряду остановиться. Разум его прикоснулся к чему-то, и в следующий миг он с гримасой отвращения понял, что это было. Священник бросился бегом по коридору, безжалостно подгоняя впереди себя пленного. Внезапно каменные стены разошлись, и отряд очутился в большой овальной комнате, по периметру которой шло множество небольших дверей. И все они были распахнуты! Тошнотворным запахом смерти и крови тянуло из них – столь явственно, что люди на секунду замерли. Одного быстрого взгляда в каждую из камер оказалось достаточно. Мужчины, женщины, даже дети – злоба Нечистого не миновала никого. Все были скованы цепями и все были мертвы. Раздробленные кости и плоть, страшные раны от мечей и топоров показывали, как пленники встретили конец; и, вероятно, смерть являлась самой большой милостью, которую они могли ждать от своих тюремщиков. Теперь Иеро не сомневался, что там, в коридоре, поймал последнюю вспышку агонизирующего сознания.

– Раны свежие, сэр, – сказал сержант. – Должно быть, мерзавцы только что сбежали.

– Да, и мы последуем за ними. Теперь глядите повнимательней. Негодяй, что ведет нас, говорил, что главная камера впереди. Проход тянется прямо туда... Ну, парни, за ними!

Трое Мастеров Нечистого, не успевшие ускользнуть на поверхность или воспользоваться для бегства секретным тоннелем, были обнаружены в большом помещении в конце коридора. Возможно, им удалось бы сбежать, если бы их не задержала последняя вспышка садистской жестокости, с которой они перерезали беззащитных заключенных. Когда Иеро со своими людьми ворвался в обширную комнату, они еще не успели отворить тайную дверь, скрытую за портьерами. Вместо этого все трое пытались уничтожить огромный проволочный экран. Световые точки, что раньше двигались на нем, уже погасли, но колдуны Нечистого хотели превратить этот нервный центр Желтого Круга в кучу обломков; видимо, они не ожидали, что их выследят так скоро. Серые одеяния адептов, запятнанные кровью, взметнулись, когда они сделали шаг навстречу атакующим. Их руки крепко сжимали оружие, но три высокие гибкие фигуры скользнули вперед, и колдуны захлебнулись собственной нечистой кровью.

Подняв взгляд от распростертых на каменных плитах трупов, Иеро осмотрел комнату и попытался сообразить, что же ему удалось найти.

ГЛАВА 10. СНОВА НА СЕВЕР

Его преподобие Кулас Демеро, глава Совета Аббатств Республики Метс и главнокомандующий республиканской армии, был очень занятым человеком. Худое смуглое лицо аббата прорезали морщины усталости – он слишком мало спал. Характер его, и в молодые годы весьма вспыльчивый, теперь напоминал сухой трут; и горе тому несчастному, по чьей вине он потерял бы без пользы хоть минуту.

В этот момент он проводил некое совещание, в ходе которого возникли кое-какие трудности. Ему приходилось одновременно сдерживать свой темперамент и пытаться понять собеседника. Не в первый раз и даже не в десятый, он пожалел об отсутствии брата Альдо, главы эливенеров и своего тайного союзника на протяжении долгих лет. Аббат обладал превосходным мозгом – как, несомненно, и это создание напротив – но он был гуманоидом, а оно – нет! Аббат мог использовать свои ментальные силы, чтобы повлиять на умонастроение любого человека в Республике. Но только – человека!

Он вздохнул и попытался вникнуть в мысли своего собеседника. Чароо, главного строителя Народа Плотины – так, за неимением лучшего, звучал на языке людей его титул – было нелегко понять.

Чароо, даже присев на задние лапы, казался столь же высоким, как старый священник, и обладал гораздо большей массой. Его тупо срезанная голова с огромными резцами напоминала бочонок, маленькие уши были плотно прижаты к массивному черепу. Он не носил одежды и не нуждался в ней; плотный темно-коричневый мех покрывал его тело от головы до основания огромного голого веслоподобного хвоста. Он сделал жест когтистой лапой – на удивление осторожный и точный жест, если учесть массу его тела; его глаза-бусинки ярко блеснули в попытке сформулировать мысль так, чтоб сделать ее понятной для человека. От него тянуло острым запахом бобровой струи и мускуса, заполнявшим небольшую комнату. Демеро, с трудом преодолевавшему кашель, почудилось, что они находятся не в человеческом жилье, а в норе Чароо на некоем отдаленном озере.

«Не можем – (непереводимо) – уничтожить зло, если не – (непонятная мысль) – (невероятный образ) – вода. Водный народ – (отрицание) – мы должны – (мысль о каком-то определенном месте) – (снова отрицание) – не можем покинуть. Должны быть ТАМ – (утверждение) – (конец передачи).»

Огромные мутировавшие бобры возникли, подобно многим другим существам, вскоре после Смерти. Робкие, лишенные агрессивных инстинктов, они распространились в далеких и забытых северных озерах. Медленно, очень медленно, после многих случаев, когда водный народ помогал раненым охотникам или разыскивал и возвращал потерявшихся детей, люди прониклись уважением и доверием к нему. Долгие годы в районах совместного обитания обеих рас действовала система молчаливого товарообмена. И хоть метсы никогда не причинили бы вред кому-либо из водного народа, они не стали друзьями. Каждый держался своей породы; гуманоиды избегали озер, занятых Народом Плотины, а те были нечастыми гостями в человеческих поселениях. Они предлагали свои товары – строевой лес и корни целебных растений – в обмен на ножи, металлические орудия и овощи, но этим исчерпывалось сотрудничество. В Аббатствах имели представление об их высоком интеллекте, но лишь сравнительно недавно выяснили, что гигантские бобры владеют письменностью.

Аббат Демеро, подвигнутый своим приятелем-эливенером, был первым, кто попробовал вступить в переговоры с племенем вод, и его попытка была успешной, так как Братство Одиннадцатой Заповеди заранее подготовило почву. К тому же в недавнем прошлом отряды Нечистого совершили рейд по северным озерам, обитатели которых имели только две вещи, интересующие Темных Мастеров: мясо и шкуры! Все это сделало Народ Плотины естественным союзником Республики, но союз складывался непросто. Бобры были слишком миролюбивы по натуре, и объяснить им предстоящие задачи требовало огромных трудов.

Они с готовностью согласились построить дамбы и прокопать каналы, необходимые, чтобы провести республиканский флот в Намкуш, но аббат желал от них много большего. И он не собирался отступать, хотя его подстерегали определенные трудности. Скажем, иерархическая организация водного народа, которая оставалась тайной за семью печатями. Конечно, Чароо обладал некоторой властью, но насколько она велика? Мог ли он говорить от лица всего Народа Плотины или отвечал только за свое собственное поселение?

Мысленно вздохнув, аббат наклонился к собеседнику, чтобы продолжить переговоры. В этот момент с порога подземной камеры долетел низкий хрипловатый смешок. Демеро в ярости обернулся, готовый стереть в порошок глупца, посмеявшегося прервать столь важную беседу, однако гнев его тут же перешел в радостное удивление.

– Иеро? Сын мой! – Он подскочил к молодому священнику и сердечно обнял его, снова и снова похлопывая по спине. – Я знал, что ты доберешься сюда, но не имел представления, как быстро... Но послушай! Ты должен помочь мне. Я хотел бы понять, что говорит эта... гм... достойная личность. Как ты полагаешь... – Он не закончил фразу, так как Иеро уже застыл перед Чароо в полнейшем молчании. Затем руки его задвигались, производя некие сложные жесты.

Верхние конечности Чароо заплясали в ответ, его круглые маленькие глазки загорелись еще ярче. Старый аббат ощутил биение мысли, наполнившее маленькую тихую подземную комнату. Четыре руки продолжали свой странный танец; сейчас их движения переплетались, словно собеседники ткали невидимую паутину. Это продолжалось минуту, другую, затем оба шагнули назад и замерли, пристально глядя друг на друга.

– Чирруп, – вдруг произнес огромный бобер. Опустившись на все четыре конечности, он прошествовал мимо людей и выскользнул в полуотворенную дверь. Они услышали, как лязгают его когти по камню ступенек, затем Чароо исчез в ночном мраке.

– Ну, – заметил аббат, – надеюсь, тебе удалось добиться большего, чем мне. Но могу ли я поинтересоваться, как ты узнал, что я хочу сказать?

Иеро плюхнулся в кресло и рассмеялся.

– А вот как, досточтимый сэр: прибыв в Намкуш, я тут же отправился повидаться с вами и, к своему стыду, подслушивал с той минуты, как перешагнул порог этого дома.

– Понимаю, – медленно произнес аббат. – Значит, ты уговорил Бирейна послать тебя вперед на одном из его новых военных кораблей. Нелегкий он человек, этот Бирейн... А твоя сила действительно велика, мой мальчик! Я уже слышал кое-что... Надеюсь лишь, что в сердце твоём сохранился страх Божий, ибо только Он властен давать и отнимать. Не было еще человека, не существовало христианской души, одаренной такой ментальной силой... Понимаешь ли ты, пер Иеро Дистин, что мог бы натворить, будь твой разум во власти зла? – Демеро пристально посмотрел на своего бывшего ученика.

Иеро открыто встретил его взгляд.

– Вы можете исповедать меня, как только захотите, досточтимый отец мой, – спокойно произнес он. – Но не пожелаете ли раньше узнать, о чем говорили мы с Чароо?

На миг в комнате повисло молчание, затем старик хихикнул. Сев в деревянное кресло напротив Иеро, он лукаво улыбнулся и прищурил глаза.

– Да, дерзкий соблазнитель, пожелаю! Я успею еще разобраться с твоими грехами... уверен, что за целый год их накопилось в избытке. А теперь скажи-ка мне, чего хотел этот старый водяной боров.

– Ну, во-первых, у них есть довольно сложный язык жестов, дополняющий мысленную речь. Я извлек некоторые знаки из его мозга, пока вы вели переговоры, используя другую ментальную зону. Их мышление протекает на довольно странных частотах... правда, не таких странных, как у моих новых друзей, которых я вам скоро представлю. Итак, он хочет помочь, но не уверен, что сумеет. Его народ не может удаляться от воды, это очевидно. Но что менее очевидно, так это их ограниченность. Кроме молодых самцов и самок по весне, они не любят покидать свое озеро. У них совершенно фантастическая привязанность к тому, что может быть названо привычным ареалом обитания. Я полагаю, это наследственный признак... Вот что он пытался вам втолковать. У них есть своего рода совет, и он имеет в нем изрядный вес... Они посещают другие поселения и другие озера, но – в этом-то вся трудность – ненадолго. Он старался объяснить вам, что нельзя рассчитывать на его племя, если речь идет о длительных походах и путешествиях. Они просто сойдут с ума.

– Понимаю... Ценные сведения, мой мальчик! Это значит, что если нам понадобится их помощь в большом сражении, то его надо планировать где-то неподалеку от их озер...

– Правильно, – кивнул Иеро, – и лучше всего – на воде. Но сейчас, отец мой, я сам нуждаюсь в помощи. – Он глубоко вздохнул, будто собирался нырнуть в бездонный омут. – Есть ли какие-нибудь новости с юга? Получали ли вы что-нибудь от брата Альдо? Никто на всем флоте не знает, что случилось с моей женой, но у вас, возможно, есть новые сведения... Так что же вы слышали?

Он давно сдерживал свой страх и тревогу, но сейчас был близок к тому, чтобы сорваться. Только высокое ментальное искусство, позволившее закапсулировать все воспоминания о Лучар, позволило Иеро вынести этот груз. Стрдание исказило черты молодого священника и, при взгляде на него, аббату Демеро захотелось сидеть в любой другой комнате, кроме этой.

– Я полагаю, ты ничего не выяснил у пленников в Ниане? – наконец выдавил он. В определенном смысле это тоже было ответом; правда, не тем, который ему хотелось бы дать.

– Ничего, – тусклым голосом подтвердил Иеро, уставившись в пол. – И никто, кроме проклятых колдунов, не мог дать такие сведения. Мы поймали троих, после зверского убийства десятков людей... и тут же перерезали им глотки. – В комнате, казалось, потемнело, хотя маленький светильник под потолком горел с прежней яркостью.

– Ты заслужил правду, – кивнул Демеро, – по крайней мере, ту правду, которой я располагаю. Брат Альдо и я – старые приятели... мы знакомы дольше, чем ты можешь представить. Много лет я был в контакте с ним, не сообщая ничего Совету Республики. Он предупреждал меня о замыслах Нечистого, а я... я пытался привлечь его Братство к более активному участию в борьбе. Я послал ему сообщение, когда ты впервые отправился на юг, вот почему он так легко нашел тебя. Давно, очень давно, еще до твоего рождения, он был большим человеком в южных королевствах.

– Он принес найденные тобой книги, благодаря которым мы сумели построить компьютеры, а потом научились пользоваться ими. Вот почему нам удалось так быстро спустить на воду новые корабли... мы почти мгновенно извлекали всю нужную информацию из старых записей. Эти компьютеры сэкономили нам уйму времени... а сейчас – еще больше...

– Но, прости! Ты, наверно, хочешь услышать о своей принцессе. Брат Альдо был в Саске не так давно и принес кое-какие новости о Д'Алви; они прошли много миль, чтобы добраться до нас. Там сейчас междоусобица... Не слишком радостные вести, правда? Брат Альдо снова отправился на юг... возможно, сейчас он знает больше.

Молодой священник опустил голову. Да, новости были невеселые! Дела на юге обстояли так плохо, что брат Альдо поспешил туда сам! Однако Лучар знала о мятеже. Ее отец был жив, и она сумела послать вслед Иеро прыгуна с оружием и припасами... она всегда отличалась предусмотрительностью... Что же могло произойти? Внезапно он с бесконечной остротой почувствовал свою беспомощность. Чем он способен помочь ей – тут, на севере, в сотнях миль от побережья Лантика? Оставалось утешаться лишь старой воинской поговоркой: терпи, солдат, в генералы выйдешь!

Когда он повернулся к аббату Демеро, лицо его напоминало застывшую маску.

– Я знаю, отец мой, что вы постараетесь узнать больше и сообщите мне. Ну, а я... я ничем не могу помочь Д'Алви, разве что косвенно. А потому вернемся к нашим делам. Говорил ли я, что мы захватили тайный центр Нечистого в Ниане почти неповрежденным? Там находится огромный экран из пересекающихся проволок с сотнями крохотных огоньков. Однако мы нигде не обнаружили источник энергии... во всяком случае, ничего похожего на такой источник. Я попробовал разобраться с этой штукой, и у меня возникло довольно странное ощущение. Если исходить из наших достижений в ментальной науке, прибор Нечистого – вершина мастерства. И хотелось бы, чтобы на него поглядели лучшие специалисты Аббатств по компьютерам. Я подозреваю, что это тоже компьютер, но довольно странный, питаемый ментальной энергией. Так что...

Заметив, что к Иеро вернулся обычный самоконтроль, старый аббат сделал усилие, чтобы вникнуть в его слова. Но за ними, за спокойным тоном своего ученика, он постоянно ощущал темную бездну отчаяния.

Терпи, солдат... Пусть Бог поможет тебе...

* * *

Зеленая стена кустарника раздвинулась, и на лесную поляну выскочил огромный черный зверь. Клоц зашагал по прогалине, тяжелый подгрудок мерно мотался под могучей шеей. В центре поляны он поднял голову и принялся, разбираясь с новостями, которые ветер донес до его широких ноздрей и длинных ушей. Однако он услышал лишь пульсацию крови в тех местах, где со временем на развесистых рогах проклюнутся новые отростки. Он фыркнул, просеивая воздух, напоенный запахом огромных сосен и гигантских дубов. Затем, снова вскинув голову, он заревел: баоо-ох! Трижды эхо подхватывало этот зов, бросая его в лесную чащу. Клоц насторожил уши, словно пытался поймать ответ; но если он и пришел, то был недоступен чувствам человека.

Далеко, очень далеко – там, где рев лорса превратился в едва уловимый отзвук, другой зверь внезапно замер, прислушиваясь к нему. Горм присел на лохматые задние лапы, его уши и нос подрагивали, глаза застыли в ментальном напряжении. Затем медведь удовлетворенно рыкнул и направился туда, откуда долетел зов.

Клоц внезапно опустил морду и, пошатываясь, с тяжеловесной грацией пересек поляну и исчез в лесу. Он двигался бесшумно, скользя между деревьев словно тень – но тень одушевленная и стремящаяся к определенной цели.

* * *

Королевская армия Д'Алви отступала. Все, что время и суровые обстоятельства позволили собрать и взять с собой, было собрано и взято. Многие люди и животные были изранены. Все чаще усталые тела отказывались служить им, исчерпав запасы жизненной энергии. Этой темной ночью, когда никто не имел сил помочь соседу, было так легко потерять упавших наземь воинов и скакунов. Немногочисленные оставшиеся телеги безнадежно отстали, хотя хлысты погонщиков не щадили тащивших их быков. Возок короля затерялся где-то позади. Часть кавалеристов потеряла своих зверей; усталые и мрачные, они шагали пешком. Выжившие хопперы прихрамывали; почти у всех были повреждены ноги. Остатки разбитого войска тащились в ночи, спаянные воедино дисциплиной и верностью. Но и то, и другое быстро убывало.

Случалось, истомленный усталостью человек оборачивался назад и смотрел на красные отблески, игравшие на южном небосклоне. Столица Д'Алви пылала. Многие воины были уроженцами города, там остались их семьи. Они закрывали глаза, пытаясь не видеть, не думать о том ужасе, который царил позади.

Принцесса ехала в авангарде, ее прыгуна все еще окружала плотная группа всадников. Рядом, с правой рукой на перевязи, скакал граф Камил Гифтах, его изможденное лицо было мрачным, но в глазах горел упрямый огонек. У армии не имелось сейчас другой цели, кроме поисков места, пригодного для отдыха и обороны. Все, и люди, и животные, смертельно устали. И никто не сомневался, что утром враг ринется в погоню.

Два дня назад, потерпев поражение в первой битве, армия отошла к городу. Но воины оставались сильны и телом, и духом; никто не сомневался, что они сумеют удержать стены, пока не подойдут подкрепления с востока и запада, рыбаки с побережья и непобедимая пехота му'аманов с великих равнин. Когда это случится, королевское войско вновь выйдет в поле, разрежет отряды восставшего герцога и его союзников, а затем сотрет их в порошок.

Но этого не произошло; случилось нечто ужасное. Мятеж нищих, воров и уличного сброда, подавленный неделей раньше, был всего лишь репетицией, проверившей бдительность стражи. Не успели городские ворота затвориться за последними отрядами королевских войск, как началось светопреставление. Тяжелые решетки, перегораживающие каналы, и люки, что вели к подземным трубам для слива нечистот, оказались в одних случаях поднятыми, в других – незамкнутыми. Из маслянистых темных вод на улицы города хлынули ужасные твари, чудовища, от которых столицу Д'Алви столетиями предохраняли камень и металл. Пока свежие силы атакующих лезли на стены города, внутри него армия боролась с ордами кровожадных рептилий и с паникой, охватившей население. Но это было еще не все. Время от времени стали появляться призраки – странные человекообразные существа чудовищного вида,

едва различимые в дневном свете. Они направляли безмозглых рептилий, загоняя их целыми стаями прямо в тыл бившимся на стенах отрядам.

Когда сообщения об этом участились, Лучар собрала совет; немногие вельможи и полководцы, еще оставшиеся в живых, участвовали в нем. И лучшее, что они могли посоветовать – пробиться в джунгли через северные ворота. Мало кому удалось дойти до леса; большинство полегло на стенах и улицах города. Когда Лучар попыталась оценить свои силы, стало очевидным, что королевская армия сократилась вчетверо, да и эти жалкие остатки состояли из раненых измученных людей. Тут не было иных возможностей, кроме отступления, вернее – бегства. Да, герцог Амибал и помогавшие ему силы зла оказались слишком могущественными! И если не удастся в считанные дни сплотить и поднять на борьбу всю страну, королевство будет потеряно.

Так размышляла Лучар, покачиваясь в седле в непроглядном мраке южной ночи. Мысли ее были невеселыми. И она так устала! Никто из беглецов не сомкнул глаз больше чем на пару часов за три последних дня.

Где же Иеро? Надежда, что он жив, не покидала ее. Они были связаны так сильно, так прочно, что Лучар не могла поверить, что муж ее ушел в Вечное Странствие. Она ждала и надеялась. Где-нибудь, когда-нибудь он вернется к ней... Ее голова клонилась все ниже и ниже к теплой шее хоппера; она не заметила, как граф Гифтах, подхватив повод из ее ослабевших рук, протянул его одному из гвардейцев. Со вздохом облегчения она позволила себе уплыть в благодетельное беспмятство сна.

* * *

Иеро пробудился внезапно. Его узкая кровать стояла у окна небольшой комнаты на третьем этаже массивного бревенчатого здания, нового форта в Намкуше. Койка слабо скрипнула, когда он сел, инстинктивно потянувшись к мечу. Что же его разбудило? Он покосился на распахнутое окно, за которым серебрились залитые лунным светом небеса. Прислушавшись, он разобрал оклик часового и ответ его напарника. С берега доносился слабый плеск волн и другие звуки, слабые ночные шорохи; больше ничего.

Однако что-то случилось, это было несомненным – он привык доверять своему инстинкту. Где-то глубоко в сознании крошечный колокольчик прозвенел тревогой. Затем... затем он услышал едва различимый шорох, доносившийся из коридора – то ли шум крадущихся шагов, то ли подавленное сопенье.

Бесшумный, как смерть, он поднялся с постели, сжимая меч, и шагнул к двери. Он слушал – как всегда, и звуки, и мысли. Ментальная волна не принесла ничего, но звук повторился. Теперь он был уверен – там, по ту сторону двери, кто-то стоит! Кто-то подстерегает его – создание, скрывающее свой разум за ментальным щитом! Но разве мог убийца пробраться сюда, в крепость, которую охраняли сотни зорких глаз?

Внезапно его сомнения были разрешены. Откуда-то снизу, с первого этажа, долетел тревожный сигнал горна – и, словно эхо, со стен и от ворот ответили другие трубные звуки. Враги пробрались в форт!

В тот же мигновение дверь треснула под чудовищным ударом, и массивная темная фигура ввалилась в маленькую спальню; лунный свет играл на лезвии высоко поднятого топора.

Убийца ринулся к пустой постели, но у него не хватило времени осознать свою ошибку. Тяжелый короткий меч Иеро свистнул в воздухе и с ужасной силой врезался между плечом и шеей лемута. Вскрик, сменившийся хрипом агонии, фонтан крови, и все было кончено. Грузное тело рухнуло ничком, застыв на полу в смертельной неподвижности.

Иеро стремительно развернулся к темному проему двери, готовый к схватке, но убийца пришел один. Коридор был пуст, и быстрый ментальный поиск подтвердил это. Однако священник, прижавшись к стене, не двигался, пока снаружи не заплесал свет факелов и гулкий топот бегущих ног не наполнил коридор. Только тогда он опустил меч и шагнул навстречу патрулю.

Через десять минут, когда солдаты покинули комнату, оставив Иеро наедине со старым аббатом, он опустил глаза на порождение ночного кошмара, лежавшее на полу.

– Альдо рассказывал о таких монстрах, – задумчиво произнес Демеро, разглядывая труп. – Кажется, ты бился с одним из них на корабле, когда вы плыли по Внутреннему морю... Мерзкая тварь, даже для лемута! Впрочем, все они мерзкие твари. Что это за чудище?

– Глит. Так назвал его Рок, капитан пиратов, прежде чем мы с Гимпом прикончили обоих. – Иеро посмотрел вниз на серый череп без ушей, безносое лицо и клыки, торчавшие из разверстой в агонии пасти, на могучие конечности, покрытые мельчайшей чешуей. Существо было одето в форму метсианского солдата, но вряд ли ему удалось сойти за человека даже в зыбком свете факелов. Его оружие – тяжелый топор – закатилось под кровать священника.

– Как он здесь очутился? – спросил отец Демеро, гневно приподняв брови. – Тревогу поднял один из этих приборов с маятником, изготовленных нашими учеными. Я показывал тебе такое устройство, помнишь?

– Возможно, прибор поднял тревогу, но слегка запоздал. – Встав на колени, Иеро ощупывал труп монстра. Неприятный запах поднялся в комнате, несмотря на открытое окно. – Поглядите, отец мой! Эта тварь имеет ментальный щит – вот эту пластинку на цепочке... Что ж, я так и думал... Бог знает, что предостерегло меня. Может быть, мой разум как-то настроился на присутствие врага... Но времени, сказать по совести, у меня было немного.

Он поднял пластинку голубоватого металла и задумчиво уставился на нее.

– Хотел бы я знать, как работает эта штука... Так же, как наши маятниковые устройства?

– Боюсь, наши ученые не слишком-то понимают принцип их действия... Ладно! Предупреждение пришло, хотя и поздно, как ты сказал. Но все-таки пришло! Тут немало загадок, которые стоит предложить нашим умным головам в Саске... когда я доберусь до них... Но я хотел бы знать, – он подчеркнул эти слова, – как такая мерзкая тварь могла пробраться мимо стражи?

– Думаю, что ответ мне известен: эти монстры обладают колоссальной гипнотической силой. Тот, на корабле, едва не усыпил меня... прежде, чем расстался с головой. Стоит пошарить в мозгах у наших часовых – наверняка кто-то из них видел эту пародию на человека и счел его своим. Ну, что еще вас интересует, отец мой?

– Как будто ты сам не понимаешь! Возможно, я впадаю в старческий маразм, но не с такой же скоростью... Выводы очевидны – он искал тебя! Итак, Нечистый выяснил, что ты здесь, и послал убийцу... Затем могут быть посланы другие... Откуда же им известно, что ты в Намкуше? В этом здании? Что ты вообще жив?

– Не знаю. Мне помнится лишь одно: кто-то видел меня в Ниане... Да, иной возможности нет... Они действуют быстро, не так ли? – Глаза Иеро сузились, он пристально оглядел распростертое на полу тело. – Что ж, я могу гордиться! Они действительно ненавидят меня.

Старый аббат усмехнулся.

– Ты всегда пренебрегал классической литературой, Иеро... Так вот, много, много тысяч лет назад, за многими землями и морями, жил могущественный властелин, и было у него любимое изречение. Я уж не помню его имени... даже того, плох он был или хорош... Но его девиз я не забыл. *Oderint dum metuant!* *) Пусть ненавидят, лишь бы боялись! Это на латинском... Вот тебе и ответ! Думаю, что захвати Нечистый целый наш легион, он с радостью променял бы его на раба Божьего пера Дистина... Ты, мой мальчик, наше тайное оружие, и пришла пора это оружие использовать. Есть какие-нибудь идеи?

– Я полагаю так, – медленно начал Иеро. – Мы должны держать их в напряжении. Если вы дадите мне несколько крепких парней, лучших из рейнджеров, я прихвачу своих котов и выйду на охоту. Пошарим к северу от Пайлуда, на восточных границах Атви. Где-то там враг копит силы. Я думаю, они захотят отомстить за Ниану. Мы не пытались удержать город, но нанесли им чувствительный удар. Их архивы похищены, большой экран разобран и увезен на север, два лучших корабля взорваны, трое мастеров Желтого Круга убиты. Ничего подобного с ними раньше не случилось! Теперь нам надо побеспокоиться еще о двух сворах – о С'дане с его Голубым Кругом, и о Красном; оба – на севере Внутреннего моря. Я знаю, где главная база голубой нечисти – на острове Манун. Где остальные, не имею понятия, но думаю, что

наша охотничья экспедиция поможет внести ясность. Наверняка у них не очень много этих кораблей... ну, вы понимаете. Какой бы мощью они не располагали, металл и высокая технология пока что редкость. Сомневаюсь, что на всем Внутреннем море больше трех таких судов... Одно уничтожил брат Альдо, и два – мои коты. Пожалуй, у них ничего не осталось в запасе.

Теперь он вышагивал взад-вперед по комнате; старый аббат в немом изумлении слушал, как Иеро развивает свой план.

– Вы уверены, что подойдут войска из Атви? Кажется, они обещали помощь – еще до того, как я отправился на юг.

– Им надо пройти длинный путь... К тому же, они далеко, и Нечистый не так сильно язвит их... Они боятся военных расходов... И, вспомни, Иеро, они не совсем похожи на нас. В них больше от старой белой породы и немало других примесей. Наше население более однородно, а это значит, меньше головной боли, меньше небольших групп, которые еще не осознали себя частью единого целого... Но они придут! Я получил слово от их Совета.

– Тогда, – продолжал Иеро, – скажите им, пусть держатся на север от моря. Я имею в виду – севернее дороги, что проходят мимо Пайлуда. Чем меньше враг будет знать о них, тем лучше. – Он повернулся к окошку, задумчиво оглядев розовеющее на востоке небо. – Я хотел бы отправиться побыстрее, отец мой. И мне не надо больше четырех-пяти человек и этих шерстистых ребят с юга. Мы пойдем пешком, без лорсов, хотя Дети Ветра могли бы оставить позади даже моего Клоца. – Тень мелькнула на его лице при упоминании о пропавшем друге, но он подавил грусть и спокойным голосом закончил: – Пешком надежнее. Я не знаком с теми землями и не знаю, где мы можем очутиться.

Тяжелая поступь послышалась в коридоре, и объемистая фигура пера Эдварда Маларо возникла в проеме двери. Ему пожелали доброго утра, после чего беседа возобновилась, но не надолго. Вскоре вновь прибывший прервал ее гулким басом:

– Эй, приятель, ты опять собираешься гулять по лесам, пока я глотаю дым на вонючей барже? Все, хватит! Отец аббат, прошу вас! Подумайте, кто защитит этого малыша? Словом, я подаю в отставку из флота и отправляюсь с ним! – И великан вызывающе уставился на своих собеседников.

На губах аббата Демеро заиграла спокойная улыбка.

– Не знаю, что скажет отец Бирейн, но попробую уломать его. И если тебя, сын мой, не повесят к вечеру за дезертирство, можешь отправляться. Осмелюсь предположить, на корабле найдется офицер, способный заменить тебя?

Это был праздный вопрос. Несмотря на несколько шумные манеры и изрядный вес, пер Эдвард обладал острым умом и необходимой твердостью. Все три его помощника были вышколены, как надо; капитаном мог стать любой.

Иеро пришел в восторг; он хорошо представлял таланты своего старого друга. В прошлом они проторили вместе немало опасных дорожек, и мысль, что эта могучая рука и светлый разум поддержат его в пути, была ободряющей. Старый аббат тоже был доволен. Он понимал, что должен чувствовать человек, жену которого, возможно, пытаются сейчас в застенках Нечистого. В такой ситуации поддержка верного друга окажется совсем не лишней.

– Хорошо, пер Эдвард, собирайся, – кивнул Демеро великану и поднял взгляд на Иеро. – Ты сам выберешь остальных, сын мой, но я хотел бы рекомендовать еще одного парня. В местном гарнизоне есть молодой священник, которого стоит взять в этот поход. А почему, ты увидишь сам.

Аббат выглянул в коридор, отдал приказ охране, и вскоре юноша уже стоял перед ними. Он был гибок и невысок, ростом с Иеро, и носил обычное кожаное одеяние метсианского солдата; на груди покачивался серебряный медальон с изображением креста и меча. Судя по гладким щекам, которых нечасто касалась бритва, ему стукнуло не больше восемнадцати. Черные глаза, отсутствующие и мечтательные, смотрели куда-то в бесконечность; казалось, они просто скользят по поверхности предметов, в то же время каким-то удивительным образом прозревая их внутреннюю суть. Иеро чувствовал силу, исходившую от этого юноши; с подобной мощью он никогда не встречался прежде. Она не носила ментальной природы, как его

собственная; то была неизмеримая сила духа. Да, со временем Универсальная Церковь получит великого вождя, целителя душ, подумал Иеро, с невольным трепетом и смирением взирая на юношу. Конечно, если парень выживет, добавил он про себя. И тогда у Церкви Канды будет пророк и реформатор, каких, возможно, не знала история в прошлом.

— Это пер Карт Сагенай, Иеро. — Аббат кивнул вошедшему. — Садись-ка, сынок, и послушай, что мы скажем тебе. Вот пер Дистин, про которого ты наверняка слышал — он выполнил на юге непростую работу. Ну, пера Маларо ты знаешь. Я просил их, особенно пера Дистина, взглянуть на тебя. Пока мы трудимся здесь, воздвигая оборону против врага, пер Дистин поведет разведчиков в его тылы. Я желал бы, чтобы ты принял участие в этом походе. И я знаю, что ты, как все верные сыны церкви, готов повиноваться ее приказам. Но только пер Дистин скажет, был ли мой выбор правильным.

Иеро не колебался ни секунды.

— Ты не ошибся, отец мой, и я согласен с твоим выбором. Однако я хотел бы услышать от самого пера Сагеная, что он готов отправиться с нами.

Молодой человек склонил голову. Его голос, мягкий, негромкий, но сильный, наполнил комнату; и когда юноша смолк, казалось, слова его еще звенели под низким потолком. «Какой оратор! — подумал Иеро. — Ну, посмотрим, что будет дальше.»

— Досточтимый отец и вы, благородные перы матери нашей церкви, я не рожден воином. Те небольшие таланты, что Господь отпустил мне, лежат скорее в сфере духа, а не действия. Я имею кое-какой опыт с Сорока Символами...

Аббат Демеро хмыкнул.

— Иногда он вытягивает двенадцать за раз! В нашей школе еще не видели ничего подобного!

Все, что мог сделать Иеро — испустить мысленное «Ух!». Прекогностика, или искусство предвидения будущего с помощью Сорока Символов, крохотных изображений, вырезанных из дерева, преподавалась на старших курсах школы Аббатств. Сам Иеро обычно вытаскивал два-три символа и толковал их с изрядной неопределенностью; его способности были не выше средних. И он никогда не слышал, чтобы самым талантливым предсказателям доставалось больше шести фигурок. Да, если этот парень пойдет с ними, шансы на успех сильно возрастут!

Бросив на старого аббата красноречивый взгляд, пер Сагенай продолжал:

— Ваше предложение большая честь для меня. Честь тем большая, что я молод и не имею иного опыта, кроме полученного в стенах Аббатств. Я могу только ждать вашего решения, сэр.

В решении сомневаться не приходилось. Они поговорили еще с полчаса, пока рассвет не залил алым пламенем восточный горизонт, потом разошлись на отдых. По плану отряд разведчиков должен был покинуть Намкуш вечером следующего дня.

* * *

С'дана был в ярости; но, как и прочие его чувства, она казалась холодной как лед.

— Намкуш захвачен! Конечно, город не принадлежал нам полностью, но мы, по крайней мере, не имели с ним хлопот. И ни слова предупреждения! Два корабля, охранявших южное побережье, уничтожены, Ниана взята штурмом и разграблена; только двум братьям из пяти, которые находились в городе, удалось бежать. Можете ли вы представить, — он поочередно вперила мрачный взгляд в лица членов Совета, — что С'дига, глава желтых братьев, скитается сейчас в лесу, не имея возможности даже связаться с нами? А мы — мы почти отрезаны от Юга, источника нашей силы! С'тарн и я, Красный Круг и Голубой, остались на севере в одиночестве!

Совет Голубого Круга Темного Братства безмолвствовал. Затем один из адептов поднял бледную ладонь.

— Однако у нас есть кое-какие хорошие вести из южных краев, Старший Брат. Дикари Д'Алви разгромлены, а эта тощая девчонка, что называет себя принцессой, уничтожена. Наши союзники взяли

власть над королевством в свои руки. Разве не так?

С'дана окинул его мрачным взглядом. В подземной камере, перед большим экраном, сотканным из проволоки и световых пятен, его пурпурные зрачки отливали кровью.

— О да, наш брат С'лорн из Зеленого Круга проделал большую работу! Все южные королевства зажаты теперь в его кулаке. — Ледяные глаза сверкнули дьявольским пламенем. — Но чем закончились его старания насчет нашего смертельного врага? Этого пера Дистина, так называемого принца Д'Алви? Единственного, кто сумел убежать из Мануна? Он жив, братья, он жив!

Голос его перешел в шипение змеи.

— Какой толк в том, что варварские королевства Юга падут? Насколько это важно для нас — здесь и сейчас? Наши цели на Севере таковы: утвердиться, укрепнуть и сокрушить недоумков, что называют себя истинной церковью! Вот она, главная угроза и главная задача! Можно разгромить Д'Алви, схватить его ничтожного короля и зарезать девчонку, его дочь... Но что это даст нам, Кругам Севера?

Он гневно мерял шагами ряд кресел, придвинутых к длинному овальному столу, уменьшенной копии стола Великого Совета. Наконец С'дана с заметным усилием продолжил:

— В последний раз случилось слишком много невероятных и неожиданных вещей. И, в заключение, эливенеры открыто выступили против нас! Только глупец может думать, что они бессильны; нет, они обладают мощью, и в первый раз за всю свою дурацкую историю решились поддержать одну из сторон — не нашу! Запомним это!

Четыре блестящих черепа, четыре бледных бесчувственных лица поворачивались в такт его шагам.

— И С'дига видел его в Ниане! Так что не надо гадать, кто уничтожил наши корабли! Я получил сообщения от наших шпионов об этих чудовищных баржах, что метсы спустили на воду. И с какой скоростью! Нет, здесь что-то не так... Я чувствую руку пера Дистина... Проклятый! Он долго будет висеть в камере пыток, прежде чем умрет! Как мог он выбраться с юга — беспомощный пленник, оглушенный наркотиками — и оказаться за сотни миль на севере в нужное время и в нужном месте? Возможно, эливенеры могли бы кое-что рассказать об этом... Ясно одно: он получил помощь, и нам не известно, кто этот проклятый доброхот... Кто-то работает против нас; с каждым днем я все больше убеждаюсь в этой мысли. Нечто неосязаемое, нечто обращающее в прах наши планы, причем такими способами, которые мы не в силах предвосхитить... Но я найду его! Вырву с корнем и истреблю!

Резко обернувшись к соратникам, С'дана остановился. Он снова усилием воли подавил гнев, и слабый румянец, окрасивший его щеки, исчез. Затем предводитель Голубого Круга начал раздавать приказы, анализировать информацию и уточнять планы. Его собраты склонились над столом, делая заметки вслед полученным указаниям.

* * *

Отряд покинул новый форт в Намкуше без торжественных церемоний, рева труб и салютов. Ночное небо было затянуто облаками, и полный мрак воцарился над берегом моря, рекой и городом, когда разведчики отправились в дорогу. Иеро не хотел, чтобы чьи-то любопытные глаза следили за началом их путешествия. Главное он сделал — попрощался с отцом Демеро в его маленьком кабинете.

Люди и иир'ова не миновали главные ворота форта, скользнув в ночь через боковую калитку. Несколько солдат сопровождали их до тех пор, пока, покругив в лабиринте предпортовых улиц, отряд не оказался на краю города. Здесь Иеро покинул тропу и уверенно углубился в заросли неистребимого кустарника, который горожане выжигали каждый год, пытаясь отвоевать место для своих садов и огородов. Через полчаса последние следы цивилизации остались позади; они достигли южной границы Тайга, огромной лесной страны, простиравшейся на севере континента.

Иеро шел первым, ничем не отличаясь от остальных рейнджеров; лишь на лбу его больше не было привычных знаков — желтого кленового листа и кадуцея. **)

— Больше я не принадлежу одним Аббатствам, отец мой, — смущенно сказал он Демеро, который заметил отсутствие знаков. — Я сражаюсь за две страны, за юг и север. Надеюсь, вы простите меня, ведь я

был послан вами в южные страны. Теперь я принц Д'Алви и не могу носить эмблему северной армии.

Старик взглянул на него, затем ободряюще похлопал по плечу.

– Сынок, ты священник, преданный Богу, а это главное. И я не боюсь за твою веру, ибо истинная Вера несет освобождение нашим братьям во всех землях, близких и далеких. У тебя на груди Крест и Меч; значит, ты все еще наш. Иди же в путь, мой мальчик, и, с моего благословения, носи, что хочешь.

Размышляя над словами старого аббата, Иеро шагал под огромными соснами Тайга. Оставался ли он в самом деле священником? Во всяком случае, он был не таким священником, как остальные – особенно в сравнении с пером Сагенаем. Впрочем, даже старый отец Демеро, которого он любил и искренне уважал, сейчас больше был похож на солдата и политика, чем на святого или пророка.

Иеро вздохнул. Ладно, все они любят Бога, все называют себя христианами, и хватит об этом! Господь приемлет помощь от всех, и чтобы делать добро, не надо быть святым. Мысли его обратились к другим материям, когда он бросил взгляд на свою команду. Лучшие парни во всей армии! Он подбирал людей на совесть.

Сразу за ним шагал старый друг пер Маларо. На руке великана висел щит, на плечах покачивалось излюбленное оружие, которое он предпочитал копьём и мечу. Это была колоссальная секира, древний боевой топор, с которым в давние тысячелетия крестьяне Европы, затерянной где во времени и пространстве, шли штурмовать рыцарские замки. На верхушку четырехфутового топорщица было насажено загнутое крючком лезвие – смертельная штука в руках такого мастера, как пер Эдвард. Когда Иеро обернулся, великан подмигнул ему. Прирожденный лесной бродяга, пер Эдвард наслаждался походом.

За ним шли Б'ургх и М'рин с пером Сагенаем. К изумлению Иеро, юный священник и люди-кошки мгновенно нашли общий язык. Сагенай очень быстро подстроился к ментальной частоте, которую использовали Дети Ночного Ветра, и теперь, если исключить Иеро, юноша общался с ними уверенней и лучше, чем остальные участники экспедиции. Будь он эливером, это не показалось бы столь удивительным, но обычные священники-метсы значительно уступали членам Братства в умении контактировать с чуждым разумом.

Юноша был вооружен мечом и кинжалом, за спиной у него висел длинный лук. По его словам, он имел некоторый опыт в метании стрел.

Молодые иир'ова, За'рикш и Ч'урш, прикрывали фланги; подобно призракам, они скользили в лесу, докладывая Иеро о результатах разведки.

Наконец, в тылу маленького отряда шагали еще двое мужчин. Эти люди не являлись священниками, но легенды о них ходили вдоль всего побережья; оба – темнокожие, гибкие, с неотличимыми лицами. Иеро думал, что им около пятидесяти, но это относилось к области догадок и предположений. Прошли годы с того дня, как братья Мантаны, вернувшись к себе на лесную заимку, нашли тела своих изуродованных и замученных жен и детей. С тех пор у них осталась одна цель – искать и убивать тварей Нечистого. Ветераны сотен кровавых стычек в дебрях Тайга, они были немногословны; за них говорили клинки.

Братья не состояли на службе Аббатств. Время от времени они появлялись в поселках, получали все необходимое, и вновь, как тени, исчезали в лесах, торопясь продолжить свою нескончаемую вендетту. Их знали от границ Атви до западного побережья, и никто не отказывал им в пище и помощи. Они напоминали Иеро двух угрюмых гончих, молчаливых и не знающих усталости. Аббат Демеро извлек их из леса только ему ведомым способом, наказал присоединиться к экспедиции и слушать молодого командира как родного отца.

У Мантанов было странное, почти не используемое на севере оружие – шестифутовые духовые трубки, выточенные из темного дерева и стрелявшие короткими дротиками, отравленными смертельным ядом. Запас стрел братья несли в специальных сумках из плотной кожи; их снаряжение дополняли длинные ножи и топоры с наголовьем, увенчанным остроконечной пикой. Мрачные и неразговорчивые, всегда настороже, они выглядели посланцами неумолимого рока. Иеро знал, что эти лесные охотники стоили целого отряда бойцов. Даже иир'ова поджимали уши под неумолимым взором их запавших глаз.

Маленький отряд двигался все дальше и дальше под ветвями гигантских сосен и елей, под кронами пальм, сквозь заросли кустарника. Мрак постепенно рассеивался, восточный небосклон начал розоветь, потом защебетали птицы, приветствуя наступление дня. Возможно, кто-то из лесных обитателей заметил крошечные темные фигурки, безостановочно скользившие меж стволов, но они пронеслись подобно зыбким лесным теням; миг, другой – и они пропали в чаще, исчезли, словно мелькнувшее на секунду видение.

-

*) *Oderint dum metuant* – пусть ненавидят, лишь бы боялись (лат). Слова Атрея из одноименной трагедии Акция (римский трагик, 170-90 гг. до н.э.). По свидетельству Светония, были любимым изречением императора Калигулы (прим. переводчиков).

**) Кадуцей – обвитый двумя змеями магический жезл Гермеса; в эмблеме, которую носили священники-метсы, жезл больше походил на копье (прим. переводчиков).

ГЛАВА 11. В ДЕБРЯХ ТАЙГА

Послеполуденный летний зной плыл над бескрайними лесами севера. Колонны солнечного света, пробившись сквозь плотный полог листвы, падали на землю золотистыми пятнами; мириады мошек и комаров вились, суетились, мельтешили в их теплых потоках. Но в целом глубины лесного океана Тайга наполнял зеленый полумрак. Там, где море хвойных отступало перед каким-нибудь лиственным гигантом, мутировавшим тополем или кленом, тени сгущались, образуя прихотливые узоры на мягких коврах травы и мха. Кое-где, среди обнажений горных пород, заросли колючих кустов и покрытые лишайником гранитные и доломитовые глыбы создавали непроходимые лабиринты; редкие прогалины, почва которых не давала надежной опоры для корней лесных гигантов, заросли миртом и папоротником.

В скрытом месте, под непроницаемой кроной огромного дерева, был разбит лагерь; и сейчас у чуть мерцавших углей прогоревшего костра шла жаркая дискуссия. Оба Мантана, неутомимые разведчики, рыскали где-то в чаще, так что предводителю маленького отряда пришлось иметь дело только со своими собратьями-священниками. Иир'ова сидели кучкой поодаль, не вмешиваясь в разговор; видимо, людские споры не вызывали у них интереса. Поигрывая ножами, они наблюдали за своими спутниками, ожидая решения Иеро.

– Согласись, дружище, – с горячностью произнес пер Эдвард, – мы искали усердно и не нашли тут ничего. Ни знака, ни звука, ни запаха, ничего вызывающего подозрение. Следы на юге, у берегов, оставлены нашими людьми. Мы осмотрели западную часть района – там, где год назад ты встретил колдуна Нечистого. Пусто! Ничего! Поэтому я спрашиваю опять: что мы здесь потеряли? Я не собираюсь возвращаться, но к чему это бесполезное ожидание? Пойдем! Пойдем дальше, туда, где мы можем принести какую-то пользу, что-то сделать. Ты знаешь, я выполню любой твой приказ... Но объясни, какой смысл торчать здесь, кружиться на этом чертовом пятачке? Ты сказал, что тут подходящее место и, видит Бог, я не хочу спорить с тобой... Но чем оно тебя прельстило? Не понимаю!

Великан прислонился спиной к стволу, сердито попыхивая своей коротенькой трубочкой. Он был единственным курящим среди путников, и сейчас, с крохотной огненной искоркой, мерцавшей в огромной ладони, походил на бога огня – величественное и могучее воплощение древней силы языческих времен. Его прищуренные глаза следили за Иеро сквозь завитки белесого дыма, и тот встретил взгляд приятеля с некоторым смущением.

Хмыкнув, пер Эдвард сказал:

– Мне кажется, дружище, мы не новички в лесу. Во всяком случае, я не гожусь на роль бессловесного башмака. Да и пер Сагенай тоже, – он кивнул в сторону молодого священника.

– Н-нет, – задумчиво протянул юноша, поднимая спокойный взор на предводителя отряда. – Я, как и пер Маларо, готов следовать за тобой повсюду, но ... но не стану отрицать, что нахожусь в некотором смущении. Ты не просил меня использовать мой маленький талант, дар Божий... я имею ввиду Сорок Символов... Ни предсказания, ни признаков врага... а вы, лучшие следопыты севера, нашли бы их обязательно... Мы блуждаем в потемках... – Он приподнялся на локте, и ясный чистый голос прозвенел под темным пологом нависшей листвы: – Может быть, брат мой, ты поделишься своими мыслями, и мы сумеем тебе помочь?

Иеро встал и, склонив голову, долго прислушивался к лесным шорохам, щебету птиц и тонкому комариному гудению. Потом он заговорил.

– Я мог бы рассказать вам о многом, что случилось в прошлом, и что подтверждает мои подозрения... И все же я не объяснил бы вам ничего. Я не знаю... я только чувствую и предполагаю. – Он глубоко вздохнул, уставившись на покрытые пеплом угли. – Три недели мы в пути. Дня два назад я внезапно почувствовал – другого слова мне не подобрать, – что район, в который мы попали, нечто вроде критической точки... и что мы должны оставаться здесь. Почему, не могу вам сказать... я сам не знаю... Где-то тут таится враждебная жизнь. Я чувствую ее, ощущаю, хотя и не могу объяснить! И еще – что-то движется, торопится сюда. Этого не замечают ни иир'ова, ни вы, ни Мантены, превосходящие нас всех охотничьим чутьем... Но я уверен, что не ошибся! Мы находимся в месте... в месте встречи, так его можно назвать.

Иеро поднял голову, лицо его было задумчивым и чуть грустным. Положив руку на серебряный медальон, висевший на груди, он подался вперед, к своим спутникам, сидевшим по другую сторону погасшего костра.

– Люди Аббатств годами не забредали сюда. Наши разведчики проходили западнее или севернее. К югу лежит Пайлуд, а за ним – побережье Внутреннего моря. Тут неизвестный уголок Тайга, вы это знаете. И говорю вам, тут что-то готовится... – Он перевел взгляд на юного священника. – Я не хочу использовать твой дар, пер Сагенай, по одной причине: мы не знаем, чему научились враги за прошедший год. Вспомни, когда ты провидишь будущее, твой разум открыт, его можно обнаружить, и подобная вещь едва не погубила меня в прошлом! Я не хочу повторять ошибки. Мы на краю, на границе чего-то огромного и непонятного. Наше дело – провести разведку, но лес вокруг нас пуст, ментально пуст! Такого не бывает. О, тут есть гроконы, олени, зайцы... но и те – вялые, немногочисленные... Лишь меньшие существа, птицы, мыши, насекомые, обитают здесь в обычном числе. – Иеро сделал паузу; пальцы, сжимавшие медальон, побелели, но голос его, когда он вновь заговорил, оставался спокойным. – Итак, друзья, боюсь, что вам придется просто поверить моим словам. Здесь собираются тучи, и мы должны взглянуть, на что будет похожа гроза.

Сагенай первым прервал воцарившееся молчание.

– Брат Дистин, ты – наш вождь, а остальное не важно. Зло сгущается вокруг, и ты не только наш командир, но и наш защитник... самое чуткое орудие в руках Господа. Как ты скажешь, так и будет.

Спокойные слова юноши положили дискуссии конец. Пер Эдвард хмыкнул пару раз, подбросил хвороста в костер и окинул взглядом усевшегося напротив Иеро. Все трое молчали, словно зачарованные пляской крохотных огоньков на высохших серых сучьях. Тревожное и томительное чувство ожидания охватило их; затерянные в глубине гигантского леса, что простирался до северных пределов континента, они вслушивались в привычные шорохи, свист, шепот и негромкий монотонный гул насекомых в поисках инородных звуков.

Все путники носили следы утомительных странствий; дорога от Намкуша на север и на восток до этой неведомой земли была неблизкой. Даже Мантаны, исходившие тысячи миль по лесам Канды, никогда не забредали сюда. Теперь разведчики шли вперед, повинувшись лишь интуиции их вождя.

Иеро предупредил их, что всем им надо оставаться под лесным пологом. Воспоминание о том, как он вступил в контакт с пилотом летающей машины Нечистого, не погасло, и он знал, что это случилось где-то неподалеку, на восток от нынешнего лагеря. Отчет об этой встрече, переданный в Саск через брата Альдо, дал толчок к глубоким размышлениям и экспериментам; в результате Иеро был теперь вооружен кое-какой информацией. Машина, которую он видел, являлась безмоторным планером; сведения о подобных аппаратах, давно забытых, нашлись в центральном архиве. Законы, позволявшие планеру держаться в воздухе, оставались пока тайной, но никто не сомневался, что такие машины не могут подняться в высокие слои атмосферы, подобно воздушным шарам. Кроме того, планеры наверняка были редкостью – ведь лишь один Иеро видел летательный аппарат. Однако он полагал, что предосторожности не будут лишними.

День клонился к вечеру. Дети Ветра спали, свернувшись на грудах опавшей листвы. Люди сидели у костра, иногда перебрасываясь двумя-тремя фразами. До заката оставалось часа три, но пока ничто не потревожило покой и мир в огромном лесу.

Они были прерваны внезапно и безмолвно. Перед костром возник Рейн Мантан, словно появившийся из лесного полумрака призрак; его сухощавая мрачная физиономия казалась совершенно невозмутимой. Он заговорил – как всегда, резко, отрывисто, но выразительно.

– После полудня я оставил Гиора одного и решил пройтись по окрестностям. Я двинулся на восток, хотел обойти лагерь по кругу.

Братьям было велено держаться вместе, но Иеро никак не прокомментировал это явное нарушение приказа. Мантаны выслушивали его распоряжения и выполняли их так, как считали нужным. Впрочем, они не относились к Стражам Границы и обладали столь большим опытом, что требовать от них скрупулезного соблюдения дисциплины было бы смешно.

Рейн присел, сгреб под колени охапку листьев и начал чертить на земле карту кончиком кинжала.

– Мы здесь, видишь? Я пошел на восток, потом взял немного к северу, – он нарисовал ломаную линию. – Здесь камни... обломки скал, погруженных в болото. Неприятное место! Запаха нет, но смердит, как от падали. Встречалось мне такое на побережье... – Рейн имел в виду берег Великого Западного океана, во многих сотнях миль отсюда, за огромными горами. Он задумчиво постучал клинком по своему чертежу. – Там словно что-то шевелится... трудно разглядеть... но я чувствовал какую-то возню... может быть, не одной твари. Странное движение – только с севера на юг, по прямой. Что-то вроде границы... или пограничной охраны. Хочешь взглянуть?

Все были уже на ногах; Дети Ветра тоже вскочили с горящими от возбуждения глазами.

– Что ты видел на побережье? Где? – нетерпеливо спросил Маларо. – Почему ты думаешь, что здесь что-то похожее?

– Трудно сказать. На западе, у океана, оно напоминало круг... этакое пятно... Но чувство было таким же – запаха нет, а смердит! Противно. Мы с Гиором туда не пошли. В тех краях лишь несколько иннейских стойбищ, а иннейцы близко не подходят к тому месту. Говорят, опасно. Коли б мы с Гиором тогда не торопились, так проверили бы. Ну, решай сам! Я сказал, что видел.

Иеро задумался. Один из лучших северных рейнджеров обнаружил в лесу нечто странное... такое, что он даже не может описать... Но этот человек долгие годы сражается с Нечистым... ненавидит его... и, несомненно, обладает чутьем, пусть не телепатического характера... скорее – чутьем разъяренного волка... Запаха нет, а смердит! Можно ли лучше описать ментальную эманацию врага?

Священник повернулся к Мантану.

– Зови брата, и пойдем. – Он кивнул остальным. – Двигайтесь осторожно. Рейн, ты первым. И никакой мысленной связи! – Он коротко передал Детям Ветра суть своих распоряжений, и разведчики начали собираться. Все, что надо было сделать, было сделано; мешки собраны, оружие – приготовлено. Этому отряду не требовалось много времени, чтобы выступить в поход.

Примерно с час они осторожно пробирались среди исполинских стволов, словно тени в мире теней. Рейн, к которому вскоре присоединился Гиор, шел впереди, остальные, сбившись в плотную кучку, за ними. Вдруг их проводник предостерегающе поднял руку. По сигналу Иеро разведчики растянулись цепью и залегли, используя ближайшие укрытия. Сам священник выбрал позицию позади огромного пня и, чуть приподняв голову, приступил к осмотру.

Место, которое описывал Рейн Мантан, было теперь перед глазами Иеро; он начал изучать его зрительно и ментально. Подобный ландшафт не раз встречался им прежде; для северных краев он не был особенно примечательным. Влажную болотистую почву низины окружали ряды невысоких скал, перемешанных с кустарником. Широкие полосы маслянистой темной воды сверкали там и тут в лучах заходящего солнца. Изредка попадались деревья, невысокие и какие-то скособоченные; иногда – просто сухие стволы с голыми ветвями. Местами прямо из воды возносился желтый камыш или торчали заросли ядовито-зеленой осоки.

И все они заметили кое-что еще. В болотистой ложбине царила полная тишина; ни одна птица не плескалась в воде, не было видно ни цапель, ни уток, ни куликов, и лишь ветер шевелил плотные метелки камышей, издававших едва слышное потрескивание. Казалось, они вступили в землю вечного молчания.

Снова и снова Иеро напрягал разум, направляя вперед веер ментального излучения, столь же тонкий и неощутимый, как пушинка, несомая порывом ветра; его прикосновения напоминали ласку, но не удар, чуть заметную прохладу воздушной струи, но не опаляющий жар самума. Постепенно он прошелся по всем длинам волн, начиная от принадлежавших насекомым, до диапазона, который использовали существа с высокоразвитым интеллектом. Снова и снова, с бесконечным терпением, он повторял свои попытки, концентрируя сознание на лежавшей перед ними впадине.

Контакт! Священник резко отдернул свой ментальный щуп, затем осторожно вытянул его вперед, нацелившись в определенное место. Объект контакта перемещался; как и докладывал Рейн, это движение не было хаотическим, но следовало некой невидимой линии, пересекавшей их собственный маршрут.

Иеро ощущал теперь почти невыносимое отвращение; видимо, он наткнулся на источник того, что смердело без запаха.

Он не был в полном смысле связан с мозгом этого существа – скорее, лишь присутствовал в его эмоциональном центре. Чем бы не являлась эта тварь, мозг ее обладал защитой, но не искусственного характера, которой Нечистый снабжал своих слуг. Вероятно, ментальный заслон возник в процессе эволюции и служил маскирующим экраном, необходимым при выслеживании добычи, чувствительной к телепатическим волнам.

Однако, невзирая на этот барьер, Иеро мог кое-что уловить, и ощущения его были малоприятными. Прежде всего – ярость, бешеная ярость, которая была сущностью этой твари, и которую она не могла подавить. Еще – злоба и свирепая, дьявольская хитрость. Но главное, голод! Голод доминировал над всем! Священник поморщился. Пожалуй, лишь Дом, тот странный вампир в огромной пещере, с такой же неутолимой алчностью жаждал добычи. Тварь, с которой его сейчас соединял неощутимый луч ментальной связи, хотела рвать и терзать, дробить кости и насыщаться плотью, погасить жизнь в беспомощном трепещущем теле и впитать ее в себя вместе с кровью и мясом жертвы. «Гиена, – подумал Иеро, – чудовищная гиена, одержимая страстью к убийству!»

Однако ей не позволяли удовлетворить эту жажду, что и было причиной непреходящей ярости. Тварь пребывала в строго ограниченном пространстве и не могла вырваться из него по своей воле. Сдерживал ли ее некий странный барьер, ментальный или силовой?

Иеро размышлял, одновременно с помощью насекомых и редких птиц собирая информацию о странном болоте. Эта смесь грязи, воды и заросших кустарником скал простиралась довольно далеко на север и юг. Обойти ее непросто, это займет немало времени, а время его беспокоило: вожди Республики нуждались в информации, а пока что его группа ничем не могла похвастать. Наконец он принял решение в взмахом руки велел разведчикам отходить. Они торопливо зашагали назад и через четверть часа собрались плотной кучкой под тяжелыми лапами чудовищной ели. Рассказав о своих исследованиях, Иеро набросал план действий и отдал приказы.

Три воина-священника уселись под защитой хвойного полога, переговариваясь едва слышным шепотом. Иир'ова и оба Мантана исчезли в лесу. Теперь оставалось только ждать, наблюдая за угасавшим на западе светом дня, вслушиваясь в лесные шорохи.

– Это тварь – скорее, твари, – свирепеют от голода, – тихо сказал Иеро. – Я подозреваю, что Нечистый установил барьер, который держит их там. У них, мне кажется, не слишком много мозгов, а хитрость... Ну, хитрости и Мантанам не занимать! Они выведут котов к нужному месту, а те сделают остальное.

Спустя некоторое время Иеро протянул в сгущавшийся полумрак нить ментального сигнала и почти сразу же с облегчением вздохнул.

– Они на месте, и охота началась. Надеюсь, деревья не слишком помешают иир'ова. Вообще-то они равнинные жители.

Забившись в глубину елового шатра, они напряженно ждали. Вскоре раздался треск сухой хвои и топот копыт. Иеро определил, что напуганный олень мчится в их сторону. Иир'ова не использовали Ветер Смерти; им вполне хватало собственных быстрых ног. Двигаясь в линию, загонщики то показывались в нужных местах, пугая зверя, то выскакивали вперед, предупреждая все его попытки уклониться в сторону. Наладив мысленное наблюдения за погоней, священник в который раз подивился охотничьему искусству Детей Ветра – они направляли животное прямо к невидимой границе, хотя олень явно не хотел бежать туда. Позади иир'ова со всей возможной скоростью двигались Мантаны, торопившиеся поспеть к развязке.

Наконец троица, сидевшая в укрытии, увидела зверя, стрелой промелькнувшего меж коричнево-золотистых сосновых стволов. Они хорошо знали эту породу: большой пятнистый олень, не слишком отличавшийся от полностью вымершего вапити; в это время года на его голове вместо рогов с двумя острыми зубцами виднелись только мягкие отростки. Иеро подавил невольную жалость к беспомощному животному; он понимал, что без приманки не обойтись. Метсы вскочили на ноги и бросились за зверем, зная, что стремительные Дети Ветра будут ждать их на краю зловещих трясин.

Они действительно нашли там своих союзников, а вскоре к отряду присоединились оба запыхавшихся

Мантана. Люди и иир'ова скорчились за кустами, разглядывая простиравшуюся перед ними низину. След большого оленя четко отпечатался в грязи – там, где он свернул на жуткую пустошь, предпочитая опасность, поджидавшую в болоте, той, что грозила в лесу.

Мысль Иеро догнала его. Он уловил начало атаки, внезапной и яростной; затем волна смертельной муки затопила мозг священника. Теперь они все услышали низкий угрожающий рык, что перекрыл вопль агонизирующего в зарослях камышей оленя. Людям этот звук показался голосом дьявола, и даже Дети Ветра, гордые охотники равнин, прижали уши.

Ожидание кончилось. Заметив, что братья-рейнджеры восстановили дыхание, Иеро махнул рукой, и отряд, как единое целое, ринулся к болоту. Они бежали, приготовив оружие, огибая темные лужи, прячась за камнями; бежали молча и целеустремленно, стараясь не производить шума. Схватка в камышах завершилась, но звуки борьбы сменились еще более жутким чавканьем и хрустом костей, что дробили могучие челюсти.

Маленький отряд был уже близко. Внезапно звуки кровавого пиршества смолкли, и разведчики поняли, что обнаружены. Они рванулись вперед, уже не заботясь о производимом шуме; сейчас главное было выбраться из этой смеси грязи, скал и непроходимых зарослей на свободное место. Они бежали, растягиваясь в шеренгу, и вдруг почти одновременно очутились у цели. Дети Ветра и люди замерли, успокаивая дыхание и разглядывая открывшуюся перед ними картину.

Болотистая почва здесь чуть понижалась, скатываясь в мелкую воду, из которой торчали пучки остроконечной бурой травы. Ни деревьев, ни камышей вокруг; грязь да темная водная гладь, посреди которой лежала окровавленная полуобглоданная оленья туша. А над ней возвышался сам убийца, озирая новую добычу безумным и яростным взглядом.

Этот монстр отдаленно напоминал гигантского гризли, вставшего на мощные задние лапы; но если остальные представители семейства медвежьих в той или иной степени сохранили сходство с древним предком, это чудовище под влиянием атомной радиации гораздо сильнее отклонилось от первоначального образца. Почти безволосая кожа отливала грязно-серым, огромная голова была словно срезана спереди, голые уши плотно прижаты к черепу. На верхней губе и по краям разинутой пасти торчала похожая на проволоку щетина; чудовищные клыки, остроконечные и обагренные кровью, усеивали челюсти. Выкаченные красноватые глазки под скошенным лбом горели злобой, но в них, несомненно, читались также хитрость и некие зачатки интеллекта. Свидетельство этого, причем довольно весомое, монстр сжимал в могучей лапе – палицу из сломанного древесного ствола размером в рост человека. Пораженный Иеро заметил, что его передние конечности без сомнения были руками с когтистой пятипалой ладонью, причем большой палец противостоял остальным!

В те краткие секунды, пока чудовище и разведчики глядели друг на друга, священник вспоминал давние уроки в школе Аббатств. Имевшиеся сведения были редкими и скудными, но тот, кто видел ужас Тайга, нечасто оставался в живых. Перед ними был вербэр, жуткий ночной призрак, невидимая смерть, чьи кровавые следы являлись почти единственным доказательством того, что этот кошмар – не плод извращенной фантазии. Однако развалины лесных заимок, растерзанные тела и исчезнувшие охотничьи партии говорили об обратном. К счастью, подобные твари попадались крайне редко; видимо, они предпочитали уединение. Все эти сведения молниеносно вспыхнули у Иеро в голове; тем временем, сражение уже началось.

Три снаряда одновременно мелькнули в воздухе – Мантаны выпустили отравленные дротики из своих духовых трубок, а Сагенай метнул стрелу. Промахов не было; ядовитые шипы торчали в окровавленной морде чудовища, стрела глубоко вошла в покрытое редкой шерстью брюхо.

Раздался ужасный вопль; сознание мутилось от этого крика. Сжимая палицу, исполин неуклюже шагнул к разведчикам, расплескивая воду и жидкую грязь огромными плоскими ступнями. Он шел прямо на пера Эвадра Маларо – видимо, потому, что тот был самым рослым и стоял посередине цепочки нападавших.

Дети Ветра ринулись вперед, обходя чудовище по-двое с каждой стороны; вода и вязкая почва чуть замедляли их движения. Иеро увидел, как М'рин молниеносно отпрянула, избежав удара чудовищной палицы. В следующий миг все четверо полосовали ляжки гиганта своим длинными ножами; словно

шершни, они били острыми жалами, успевая отскочить назад, когда монстр поворачивался к ним.

Сагенай и Мантаны выстрелили снова; стрела глубоко засела в боку вербэра, дротики вонзились рядом с устрашающими челюстями. Иеро придвинулся ближе, его тяжелое копье свистнуло в воздухе, и покрытый грязью живот монстра окрасился кровью. Видимо, широкий отточенный наконечник проник глубоко; исполин снова взревел, его ужасающий рык сотряс воздух подобно взрыву. Багровый выкаченный глаз навис над священником, полный боли и неутолимой ярости; спасаясь от когтистой лапы, тот покатился в грязь, в болотные травы. Позади тенькнула тетива, и стрела засела прямо в центре страшного ока. «Боже, – мелькнуло в голове у Иеро, – этот Сагенай великий стрелок! Но когда же проклятая тварь сдохнет?»

Монстр возвышался над ним, уронив бесполезную палицу, прижимая огромную ладонь к искаженному мукой лицу; затем он рухнул ничком, окатив нападавших ливнем воды и грязи, смешанным с его собственной кровью. Он умер. Огромная туша, темным бугром торчавшая над бурой осокой, окаменела; ни дрожи, ни судорог, ни хрипа. Девять разведчиков придвинулись ближе с оружием наготове; они смотрели и ждали. Наконец, Иеро облегченно вздохнул и повернулся к товарищам.

– Ты замечательный стрелок, пер Сагенай, – сказал он юноше, – и вы тоже, охотники, – Иеро кивнул братьям Мантанам. – Думаю, это ваш яд прикончил его. Удивительное дело! Еще удивительней того, что сам вербэр оказался не сказкой. – Он послал ментальное сообщение Детям Ветра и ощутил гордость в кратком ответе Б'ургха. Да, о подвигах четырех иир'ова будут долго петь у костров Восточного Прайда!

– Мне так и не удалось подобраться к нему поближе, – разочарованно заявил пер Эдвард, опуская свою секиру.

– Он рвался прямо к тебе, дурачок, когда наши друзья его остановили, – с улыбкой заметил Иеро. – Еще немного, и ты был бы проглочен вместе с твоим топором. А теперь помолчите! Я попробую пошарить вокруг.

Он начал ментальный поиск и ему не пришлось долго ждать! По тому, как внезапно застыло его лицо, как напряглись мышцы, остальные поняли, что новости будут тревожными. Разведчики снова подняли оружие.

А в сознании священника ударами набата раздавался голос, который он не слышал уже много месяцев. «Рано торжествуешь, грязный дикарь! К вам идет еще один... с севера... идет быстро! Возмездие надвигается, и мы придем вместе с ним!»

В тот же момент Иеро поймал волну черной злобы и жажды убийства – те же эмоции, что исходили полчаса назад от твари, лежавшей сейчас у его ног. Значит, их двое! Проклиная сгущавшиеся сумерки, он повернулся к зарослям, и вся его маленькая армия, изготовившись к бою, выстроилась по обе стороны от него. Вторая атака не застала их внезапно.

Новый враг проломил желто-зеленую стену камыша и, ощерив пасть, ринулся на разведчиков. Со стороны его движения выглядели неуклюжими, но мчался он со скоростью улепетывающего хоппера, сжимая в каждой когтистой лапе по огромному валуну. Едва появившись из зарослей, монстр с убийственной точностью метнул камень.

Возможно, мышцы Б'ургха с возрастом сделались уже не таким гибкими и эластичными, возможно, удача покинула его, заставив броситься в неверном направлении... Камень ударил вождя иир'ова в грудь; раздался хруст, и Б'ургх, словно изломанная кукла, отлетел в сторону. Тонкий вопль М'рин, крик ярости и горя, перекрыл торжествующий рев врага.

Пропела стрела Сагенай, и наконечник из закаленной бронзы глубоко засел в предплечье чудовища. Дротики братьев Мантанов с коротким шипением вырвались из духовых трубок; на таком расстоянии они не могли промахнуться. Но ядовитые шипы, столь смертоносные для обычной жизни, действовали очень медленно в этой чуждой плоти. Иеро вырвал копье из труп поверженного врага и теперь стоял прямо на пути второго вербэра, готовый встретить его острой сталью. На мгновение руки его дрогнули, словно в предчувствии страшного удара; сердито мотнув головой, он прогнал слабость. Тусклый свет заходящего солнца не позволял отчетливо разглядеть тварь, но на фоне гигантского расплывчатого силуэта Иеро ясно видел наконечник своего копья. Рядом с ним, широко расставив ноги и сжимая обеими руками топище,

встал Эдвард.

Второй камень, который монстр сжимал в лапах, был остроконечным обломком гранита; вербэр не собирався швырять его, но использовал как палицу. Размахнувшись, Иеро метнул копье, раздался лязг металла по камню, и в следующий миг чудище темной громадой нависло над ним. Он нырнул в бок, прикрываясь щитом; мощный удар гранитной глыбы обрушился на него, и левая рука онемела от плеча до запястья. Толчок отбросил священника к туше мертвого вербэра, прямо в жидкую болотную грязь.

Снова раздалось низкое торжествующее рычание, но когда Иеро встал на ноги и выхватил меч, рев уже перешел в вопль боли. Покачнувшись, он поднял взгляд и увидел, что случилось.

Пока вербэр пытался вышибить из него дух, Эдвард Маларо не терял времени даром; его топор взлетел вверх и обрушился на левую лапу монстра. Огромная когтистая кисть, перерубленная у запястья, с плеском упала в воду, и фонтан багровой крови, почти черной в лучах заката, излился в вечерний воздух.

Когда исполин повернул к Маларо уродливую башку, священник ударил его в бедро своим коротким тяжелым клинком. Вербэр, однако, с поразительной быстротой уклонился; к тому же Иеро сам почувствовал, каким слабым и неуверенным был его выпад. Сквозь кровавый туман, плававший перед глазами, промелькнула стрела Сагеная, утонув в серой расплывчатой туше. «Он прикончит нас прежде, чем сдохнет сам», – подумал Иеро. Словно в полусне он наблюдал, как чудовищная морда разворачивается к нему; он увидел желтые, покрытые пеной клыки, когда гигант сделал шаг и наклонился, чтобы раздавить потревожившего его пигмея.

Удар отшвырнул священника в сторону, меч вылетел из пальцев. Беспомощный и беззащитный, он покачивался на ослабевших ногах; темная пелена, сгустившаяся перед ним, не позволяла рассмотреть финал схватки.

Он не видел, как большой черный зверь вынырнул из зарослей, прорезав их со скоростью летящего копья. Отбросив Иеро плечом, нежданный спаситель, столь же мощный и массивный, как вербэр, ринулся на чудище с силой и точностью выпущенного из катапульты снаряда. Поднявшись на дыбы в последнем бешеном скачке, он обрушил копыта с острыми краями прямо на череп монстра. Раздался треск, и демон северных лесов, с шумом выдохнув воздух, повалился ничком; жизнь покинула его мгновенно.

Барахтаясь в воде, пытаясь приподняться и стереть с лица грязь, Иеро обзирал длинные ноги зверя, которые явно были ему знакомы. Он еще не привел в порядок чувства и мысли, когда длинный шершавый язык прошелся по его лицу, и теплое мощное дыхание взъерошило волосы на затылке. Теперь он узнал!

– Клоц! Ах ты, протухший собачий хвост! Как ты меня напугал! – Священник прижался к могучей шее, стараясь спрятать наворачнувшиеся слезы. Сколько же сотен миль одолел его верный скакун, сколько прошел земель, чтобы найти его тут в самый разгар смертельной битвы? Иеро заморгал, чувствуя, как лорс мягко отстранился; в следующий момент шершавый язык вновь заботливо лизнул его щеку, стирая воду и грязь, кровь и слезы.

Разлепив веки, священник поднял взгляд на своих товарищей. Пер Эдвард, опираясь на свою секиру, возвышался в нескольких ярдах – покрытый грязью, но, похоже, невредимый. Обменявшись взглядом с Иеро, он начал неторопливо чистить пучком травы свое оружие, что-то насвистывая под нос. Мантаны и Сагенай выдергивали стрелы из трупов чудищ, прополаскивали их в болотной воде и прятали в колчаны. Затем священник увидел трех молодых иир'ова, собравшихся в кружок над распростертым в камышах телом, и вспомнил, что вождь их мертв. Он сделал шаг к Детям Ветра, когда весьма раздраженный голос вдруг зазвучал у него в голове. Иеро остановился так внезапно, что трусивший позади Клоц едва не сбил его с ног.

«Друг Иеро, если вся эта суматоха закончилась, может быть, ты скажешь своим приятелям, что меня не надо рассматривать как мишень для этих острых палок с колючими концами. Тогда я, пожалуй, вылезу из-за скалы. – Пока священник соображал, что же – и, главное, кого! – он слышит, мысленный голос ядовито добавил: – Тебе, знаешь ли, надо благодарить не только Клоца!»

Глубоко вздохнув, Иеро произнес:

– Эй, послушайте меня! К нам пришел друг... мой старый друг. Не стреляйте, во имя ран Христовых!

Это он привел Клоца на помощь.

Люди повернулись, с интересом взирая на пушистый комок темно-бурой шерсти, возникший из-за высокого валуна и покотившийся им навстречу. Ни один, однако, не глядел на это создание с большей радостью, чем сам Иеро. Прошло много месяцев с тех пор, как они расстались у выхода из огромной пещеры, взлетевшей на воздух вместе с Домом и прочим неприятным содержимым.

Священник заметил, что Горм изменился, стал крупнее, и его движения потеряли угловатость неуклюжего подростка. Он еще не достиг полного веса, но выглядел превосходно, излучая уверенность и внутреннюю силу, которыми явно не обладал раньше.

Приблизившись к Иеро, медведь встал на задние лапы; теперь его темные зрачки были выше глаз человека. Узкий язык нежно коснулся носа священника, затем Горм снова принял естественную позу и довольно фыркнул.

«Ну и занятие нашел ты себе, должен отметить, – пришла его ясная четкая мысль. – Счастье еще, что Клоц как-то унюхал тебя! Мы несколько дней пытались пересечь болото, но тут бродили двое э т и х, и мы не могли рисковать. Но ты потерял друга, Иеро... Посмотри, чем можно помочь остальным... А потом нам надо уходить отсюда. Быстро!»

В сотый раз подивившись скорости и точности ментальной передачи Горма, священник двинулся туда, где молчаливые иир'ова застыли над павшим вождем. Должно быть, Б'ургх умер мгновенно – его грудная клетка была расплющена чудовищным ударом. Яростные янтарно-золотистые зрачки вождя погасли, но безгубый рот кривился в угрюмой усмешке, словно и его смерть, и гибель целой Вселенной были всего лишь горькой шуткой судьбы.

Иеро обнял поникшие плечи М'рин и перешел в диапазон, в которой общались люди-кошки.

«Он был великим воином, Младшая. И он умер так, как желал, в битве с древним злобным врагом, моим и вашим. Когда вы вернетесь к Прайду, то сложите о нем сказание, чтобы все помнили о подвигах вождя – до тех времен, пока живет ваше племя. А теперь... теперь нам надо позабыть о горе. М'рин, ты стала новым вождем. Скажи, как полагается проводить Б'ургха на вечный отдых. Но торопись – враги близко! Б'ургх не хотел бы, чтобы они застали нас врасплох.»

Подняв тело павшего, иир'ова перенесли его на клочок сухой земли и, с помощью остальных, вырыли узкую неглубокую могилу у подножия гранитного валуна. М'рин пропела короткие слова прощания, потом пер Сагенай спросил, может ли он вознести молитву Богу над воином, погибшим от руки Нечистого. Посоветовавшись с минутой, иир'ова согласились.

«Мы далеко от Ночного Ветра южных равнин, – сказал Ч'урш Иеро. – Ваши боги сильны здесь, и они вернут дух павшего в родные степи, где он обретет вечный покой.»

Иеро согласился с этим и вознес про себя мольбу к Великому Творцу. «О Боже, – просил он, – Ты должен помочь этому воину, который пал, сражаясь за Тебя. Не обойди же своей милостью его душу!» Он закончил словами заупокойной молитвы, и дело было сделано.

Когда разведчики покинули невысокую могильную насыпь, священнику показалось, что он улавливает растущее нетерпение Горма. Он помнил, что медведь являлся изрядным скептиком в вопросах религии и рассматривал обращения к Вышним Силам как пустую трату времени. Агностицизм – одно из старых заблуждений человечества, подумал Иеро, но если его изобретут новые расы, это воистине станет загадкой для Церкви. Он усмехнулся про себя, вспомнив, что в его команде есть молодой и пылкий проповедник. Что ж, скоро ему предстоит столкнуться с достойным противником.

Спустя недолгое время путники уже сидели у маленького костра. Около часа Иеро вел свой отряд обратно в глубины Тайга, пока не решил, что опасность им больше не грозит и можно остановиться на отдых. За тесным кругом разведчиков возвышался молчаливый Клоц; его широкие ноздри раздувались, фильтруя лесные запахи, чуткие длинные уши ловили доносившиеся из чащи звуки. Его рога уже достигли пары футов в длину. Он выглядел слегка отощавшим, как и молодой медведь, но был полон сил и боевого духа, что и доказала недавняя баталия.

Горм развалился в середине, у самого огня, наслаждаясь теплом; отблески огня играли в его густой

коричневой шубе. Когда он заговорил, его мысленная речь прозвучала столь ясно для всех слушателей, что они, не исключая Иеро, вздрогнули от удивления. Дети Ветра тоже могли понимать медведя без каких-либо проблем. Закончив возведение ментального щита, прикрывшего всю их группу, священник с насмешливым любопытством следил за реакцией невозмутимых Мантанов. Изумленно переглянувшись при первых словах медведя, братья раскрыли рты и вытянули шеи, уставившись на мохнатого оратора. Маларо гулко расхохотался, а на губах юного Сангеая появилась спокойная улыбка.

«Для начала скажу, что я – всего лишь первый посланец моего народа. Медведи придут, но на это нужно время. Мы не грудимся толпами в деревнях, как вы, мы живем семьями. И собрать всех, готовых сражаться, дело не быстрое. Но наши старейшие приказали, и мы двинулись в поход. Мы не очень хорошие ходоки, а ведь нужно осилить долгий, очень долгий путь с севера, чтобы присоединиться к людям. И нужно идти скрытно, огибая места, в которых властвует Нечистый – вроде той чащи, где мы впервые повстречались с Иеро; иначе нас могут заметить и остановить.»

«Меня послали передать слово вашим старейшим. По дороге я услышал странный звук, – он послал ментальный образ беспомощного олененка, зовущего мать. – Вопил этот длинноногий пожиратель сорной травы... наверно, ждал, что Иеро сам прибежит к нему. К счастью, я догадался, кто способен так драть горло, и вступил с ним в контакт. Впрочем, он не так глуп, как выглядит, и многое мне рассказал...»

Тут раздалось негодующее фырканье Клоца – очевидно, кое-какие медвежьи шуточки были ему понятны. Священник взглянул на темный силуэт своего скакуна; разум его, отринувший напряжение недавней битвы, купался сейчас в ясном спокойствии. Внезапно, пока медведь размышлял над продолжением своей истории, странные образы начали возникать в мозгу священника. И они пришли явно не от Горма!

«Ленивый – толстый – (неизвестное понятие) – просился ко мне на спину, когда уставал – (неясно) – не может сражаться! Кому-где – нужен такой!»

С восторгом Иеро догадался: Клоц понимает, что мысли его достигли хозяина и хочет, чтоб тот это знал! Было ясно, что лорса не мучают сомнения в собственной ценности, так что сарказм его мохнатого приятеля бил мимо цели.

С приходом ночи тени сгустились; лес, окружавший костер разведчиков, казался мрачной черной стеной. В редких просветах меж кронами виднелись клочки темного неба, расшитые яркими звездами, что холодно и безмятежно сияли над лесным морем Тайга. Лишь шипение пламени да треск пылающего хвороста нарушали тишину.

Горм продолжал свои беззвучные речи.

«Да, у Клоца были кое-какие важные новости. Он него и от гонцов, что пришли к брату Альдо, я узнал о случившемся на юге, далеко от этих мест. Важные новости, но плохие! Враг уже выступил, и он торопится, он идет, пока мы сидим у костра. Он движется по дуге с восхода на закат и потом на юг – так же, как мой народ. Но их путь короче, он пролегает по внутреннему полукругу; и, хотя мы выступили раньше, враги почти нас догнали. Они всего в двух переходах позади.»

Заговорил пер Эдвард.

– Иеро, я слышу его, но не могу с ним говорить. Спроси, как велико войско Нечистого? Что он знает о расположении боевых частей?

Ответ был не слишком ободряющим.

«Они собрали всех, каждый отряд, каждую тварь, что может сражаться! Мы знаем многие из их тайных крепостей и мест сбора. Мы думаем, что там остались сейчас лишь самки и молодняк. Если они ударят, и мы сломим их силу, весь Север будет очищен! Идут собаки, крысы и эти, похожие на обезьян... ты, друг Иеро, называл их Волосатыми Ревунами... Все, все с ними! Сумеем ли мы их победить?» – Горм замолчал, и последние слова повисли невысказанным сомнением.

«Видел ли ты машины? – спросил Иеро. – Их корабли и пушки, бросающие молнии? Вспомни: такая же вещь, как та, что ударила меня на берегу год назад. Вы наблюдали за небом? Появлялись ли там птицы, огромные неживые птицы? И если их замечал кто-нибудь, то когда и где?»

«Да, мы следили за всем этим, – ответил Горм. – Корабли видели не раз, но далеко на восходе солнца и давно, несколько месяцев назад. Не знаю, сколько их было. Мы сами не можем наблюдать за морем и островами; это делали эливенеры, но самых последних известий у нас нет. Неживую птицу видели только раз или два и тоже давно... Я думаю, она была одна и разбилась... – Тон медведя стал задумчивым. – Старейшие говорят, что полеты в небе не понравились колдунам... иначе почему же они не сделали множество злых птиц и не выпустили их на нас? Нет, они любят ночь и темные норы гораздо больше, чем чистый воздух и солнце. Они могут сражаться при свете дня, но... но их подлинный союзник – мрак! Они похожи на тех двух Убийц-из-Тьмы, которых вы уложили на болоте. Ударить из засады, напасть ночью, истязать беспомощных, расправиться со старыми, уничтожить самок и детенышей – вот это по ним!»

«Надеюсь, они не будут сражаться с такой яростью, как те Господни недруги, которых мы встретили на этот раз!»

Мысль, ясная и четкая, пришла от Карта Сагеная. Немного тренировки, подумал Иеро, и парень сможет говорить хоть с дьяволом, хоть с Богом! Он заметил, что Горм оценивающе глядит на молодого священника.

«Убийц-из-Тьмы, я думаю, заставили. Ты должен знать, друг Иеро, у колдунов есть вещи вроде тех, что гасят мысль, но с другим назначением. Может быть, они держали Убийц-из-Тьмы на болоте с помощью таких вещей. Держали как злых собак на цепи... Но сейчас не время разбираться с этим. Враг идет, сильный враг... И только одну добрую новость могу я поведать, друг Иеро... Наши старейшие и эливенеры чувствуют, что стая Нечистого движется в ярости и злобе... ни холодного расчета, ни хитрых планов... словно что-то взбесило их. Но что?»

Священник подумал о разрушении Нианы и двух затонувших кораблях. Да, э т о должно было взбесить слуг Нечистого!

Следующая мысль Горма была направлена прямо ему.

«Я думаю, нам с тобой легко догадаться, кто их ведет. Там много других колдунов и много дурных мыслей... Но лишь один ненавидит тебя, словно лютый зверь... он не успокоится, пока ты жив.»

С'дана! Иеро уставился на оранжевые язычки пламени. Бледное лицо и безволосый череп повелителя Голубого Круга, его красноватые зрачки, источающие злобу, всплыли перед священником. Да, среди вражеских войск могли быть другие члены Совета Темного Братства, другие адепты Нечистого, повелители сил зла... Но он знал, что Горм прав – эту армию ведет С'дана, его величайший недруг. Наконец-то они выступили из тени, надеясь сокрушить Республику, уничтожить ее одним ударом, пока она не расправила крылья... Если так, то враги ошиблись; крылья северного орла уже окрепли. Десятки разбойничьих рейдов, коварных засад, тайных убийств, ночных нападений... Лишь сильная рука могла отразить эти удары – множество сильных рук и отважных сердец!

Иеро поднялся.

«Тушите костер, – приказал он. – Мы идем на юго-запад, к озерам, где назначено место встречи. Республика нуждается в нас.»

«И пусть Бог защитит правых», – добавил пер Сагенай.

ГЛАВА 12. БИТВА У ОЗЕРА СЛЕЗ

Над темной гладью озера клубился холодный утренний туман. Этот обширный водоем – вероятно, протяженностью миль в двадцать, – метсы называли озером Слез. Согласно легенде, в давние времена в нем утопилась какая-то девица – предположительно, от несчастной любви. Более важным, по мнению Иеро, являлся тот факт, что озеро Слез было связано с Намкушем через другое озеро, Опадающих Листьев, и Дождливую реку. Озеро Слез, глубокое, с голубыми водами, формой напоминало бумеранг, сгиб которого указывал почти точно на северо-восток.

В нем было несколько островков: одни – покрытые скалами, другие – увенчанные зеленой короной деревьев; их кроны сейчас плавали над белесым маревом тумана. Здесь и там Иеро заметил движущиеся контуры. Весельный баркас ходко шел от одного островка к другому. Туман, уступая натиску солнечных лучей, рассеивался, позволяя разглядеть темные очертания больших парусных кораблей. Над некоторыми островками вился дымок. Везде ощущалось скрытое движение – активное, но не слишком заметное чужому взору.

Священник, верхом на Клоце, находился в самом конце длинного мыска, вдававшегося в озерную гладь рядом со сгибом. Место было подходящим для наблюдения и вполне соответствовало его новому рангу генерала, командующего центром метсианских войск; в этом качестве он подчинялся лично Демеро. Когда состоялось назначение, старый аббат, предупреждая споры, решительно заявил, ткнув Иеро в грудь сухим пальцем:

– Кто знает врага лучше тебя? Никто! Кто встречался с ним чаще всех и ухитрился выжить? Ты! Даже Юстус Бирейн сказал, что будет рад служить под твоей командой. Неужели ты собираешься спорить с ним? Я включаю в твой штаб Маларо и молодого Сагеная. И оба Мантана, нечестивые бунтовщики, не желают подчиняться никому, кроме тебя! Вся армия знает о твоих котах; они будут связными. Чего же еще ты хочешь? Все, хватит! Принимайся за работу, мой мальчик!

Теперь принц Д'Алви и командующий центром мрачно усмехался, изучая окрестные берега сквозь подзорную трубу. Сзади доносились тихие голоса младших офицеров и сержантов, толпившихся в почтительном отдалении. Наконец-то до Иеро начало доходить, что он стал живой легендой, и данное обстоятельство не вызывало у него восторга. В глазах молодых парней и девушек, служивших под его командой, читалось благоговение, но с этим воин-священник не мог ничего поделать. Он постарался сосредоточиться на текущей задаче, оценивая расположение своих войск. Тут приходилось пользоваться лишь памятью и глазами, своими и чужими; весь район был накрыт непроницаемым ментальным колпаком. Вероятно, Нечистый таким же образом защитил свои войска. Время покажет, чей ментальный щит прочнее.

После битвы с вербэрами и тревожных новостей, принесенных Гормом, их отряд с невероятной скоростью двинулся на юго-запад. Им удалось выиграть четыре дня ценой страшного напряжения; во время этого похода люди соперничали в скорости с неутомимыми иир'ова. Каждая минута была дорога, и Иеро гнал разведчиков, не жалея сил, используя безотказного Клоца, чтобы подвезти уставших. Обычно на лорсе путешествовал юный пер Сагенай, не столь привычный к лесным странствиям, как остальные. Но дня за три до того, как они выбрались к передовым линиям метсов, Гиор Мантан растянул лодыжку и был вынужден с проклятьями взгромоздиться на широкую спину Клоца. Иначе разведчикам пришлось бы оставить его в лесу.

Они подарили республиканским войскам и их союзникам целую неделю – немалый срок в подобной ситуации. Отряды Атви были еще далеко и уже столкнулись по пути с некоторыми трудностями. Видимо, С'дана повел на запад не все свои силы, что заставляло призадуматься о соблюдении секретности в руководстве Атвианского Союза.

«Из-за того, что С'дана ненавистен мне, – подумал Иеро, – нельзя совершить ошибку, недооценивать его хитрость и ум. Этот выродок неплохо соображает! Он сделал все, чтобы отрезать помощь, на которую мы рассчитывали. Конечно, ту, о которой проведал. Ну, будем надеяться, что лысой твари не все известно.»

Он опустил глаза вниз – молодая девушка-лейтенант застыла перед ним, подняв руку в воинском салюте. Иеро окинул ее одобрительным взглядом. Кроме короткой юбки из оленьей замши, ее форма

ничем не отличалась от его собственной, и он знал, что женщины в его отрядах не хуже мужчин владеют оружием и умеют пользоваться мозгами. К тому же она была прехорошенькой.

– Сообщение от генерала-аббата, сэр. В лесу, в двенадцати милях к северо-востоку, идет тяжелый бой. Наши передовые части медленно отходят, пытаюсь разведать силы противника. Кавалерия на лорсах отступила, там неподходящая для всадников местность. Аббат передает, что будет держать вас в курсе событий.

Иеро улыбнулся прямо в черные дерзкие глаза, отдал салют и поблагодарил девушку; затем забыл о ее существовании.

«Пока кавалерия вне игры, – думал он. – В лесу пара-другая всадников сгодятся как посыльные, но крупный отряд не может маневрировать. Демеро ограбил весь север, чтобы сколотить эти два легиона на лорсах; такие усилия не должны пропасть втуне.»

– Пер Сагенай, – он повернулся к юному священнику, – принеси мне карту местности – той, что перед нами, и западного района.

Вместе они изучили рельеф ближайших окрестностей. Почва там была вязкая и болотистая, но глубокие воды отсутствовали; только лужи да медленные потоки струились в торфянистых берегах. Деревья почти не росли на болоте, покрытом травами и камышом. Южная его часть полого спускалась к озерному берегу слева от них, примерно в полумиле, где озеро переходило в болото. Неважное место для размещения войск, но вполне подходящее, если нужно пассивной обороной сковать противника и прикрыть левый фланг. Теперь оставалось выяснить, примет ли этот план генерал-аббат, который отличался изрядным упрямством.

Поговорив недолгое время с Сагенаем, Иеро отослал его обратно к штабной группе, затем что-то нацарапал на маленьком клочке бумаги и подозвал М'рин. Солнце уже разогнало последние клочья тумана над озером; блики, отраженные голубым зеркалом в зеленой раме листвы, слепили глаза.

«Отнеси это нашему вождю, Младшая, и возвращайся поскорее. Сегодня у нас много дел.»

Она помчалась, словно ветер родных степей иир'ова; люди следили за гибкой фигуркой, пока она не исчезла вдаль. Ч'урш и За'рикш нетерпеливо переминались с ноги на ногу, готовые ринуться вперед по первому приказу.

Эдвард Маларо шагнул вперед и рассеянно похлопал Клоца по могучему загривку. Другой рукой он, словно тросточку, вертел свою тяжелую секиру, царапая лезвием землю.

– Что ты думаешь о наших флангах, дружище? Левый меня особо не беспокоит – там только озерный рукав да болото. Справа – другое дело! Там Озеро Опадающих Листьев, длинное и неширокое; оно переходит в Дождливую реку и ручей Тетивы. Прямой путь к Внутреннему морю, и слишком длинный, чтобы охранять его на всем протяжении.

– Демеро знает об этом, как и мы с тобой. Я думаю, что и противник скоро догадается, если уже не догадался. Ну, что ж... Тут у нас четыре полных легиона Стражей Границы и еще два вспомогательных, из ополченцев. И женщины, и мужчины в них неплохо подготовлены... конечно, не так, как Стражи, но совсем неплохо. Шесть легионов – это семь тысяч человек, да еще саперы и обозные... Присчитай сюда два легиона кавалерии и отряд разведчиков, который сейчас ведет бой с Нечистым. Потом – наших водных союзников, чьи силы пока неясны, а также все, что ты видишь на озере, – Иеро кивнул на парусники Бирейна и, подумав, добавил: – Плюс то, что не видишь, что спрятано на востоке и западе. Про воинов Атви лучше забыть; они вышли слишком поздно и сейчас находятся позади врага. Может быть, они придут через неделю, может, не придут вообще... Но нам, вероятно, помогут сородичи Горма. Я не знаю... никто не знает точно. Горм пошел искать их, но ему надо проскользнуть мимо фланга Нечистого... Очень рискованное дело... И это, мой друг, все. Все! У нас нет ни резервов, ни других союзников. Тут наша первая армия, наш первый военный флот. Мы не имеем опыта таких больших сражений, но здесь, на севере, его нет ни у кого, и у Нечистого тоже.

Он перегнулся в седле, пристально всматриваясь в голубые воды, потом поднял взгляд к южному небосклону. Там, на юге, тоже бились армии... Внезапно страстное желание увидеть Лучар затопило его. Он

представил, как выскакивает из леса во главе отряда копьеносцев... их хопперы мчатся стрелой, ветер рвет султаны на шлемах... он летит к своей любимой, к своей принцессе... «Отец Всемогущий, – с тоской подумал Иеро, – пошли ангела ей во спасение!»

Утро разгоралось. Время от времени подбегали гонцы с депешами о силах и направлении удара Нечистого, о потерях республиканских войск и с прочими сведениями. Кое-что было весьма многозначительным. Отряды врага несли множество легких суденышек, от каноэ, способных вместить десяток воинов, до одноместных челноков. И все это добро тащили в первых рядах наступающего войска.

– Похоже, они отлично знают, где мы находимся, – Иеро склонился с седла к перу Эдварду. – Конечно, вся эта местность полна озер и речушек, но большинство можно перейти вброд... Нет, они задумали что-то другое! Пошли сообщение Бирейну и во все наши отряды. Пусть будут наготове.

М'рин, давно вернувшаяся, подошла к нему вместе с двумя молодыми иир'ова. Позади маячили угрюмые физиономии братьев Мантанов.

«Мы различаем шум битвы, Иеро. Эти двое, люди с отравленными гневом сердцами, тоже слышат. Они объяснили нам знаками.»

– Истинная правда, сэр, – подтвердил Рейн. – Только коты услышали первыми.

Иеро насторожился. С озера долетали плеск весел и скрип снастей, слова команд, далекий зов горна и грохот якорных цепей. Затем сквозь эти звуки он уловил приглушенный расстоянием шум. Еще немного, и монотонный гул распался на обертоны; до него долетали словно бы высокие птичьи вскрики на фоне басовитого жужжания насекомых, затем послышалась серия глухих ударов – легчайшая вибрация воздуха, и только. Но этого было достаточно.

– Принимайся за дело, Эдвард, – сказал он Маларо. – Если хочешь, возьми Сагеная в помощь. И запомни, что я сказал: ни одного движения, пока не придет время. Они уже близко.

Затем священник обернулся к близнецам. С застывшими холодными лицами они глядели в сторону леса – два волка, почуявших добычу.

– Вы сумеете управиться с лорсами? Если я найду пару? Иначе вам придется куковать здесь.

Гиор кивнул.

– Попробуем. Мы должны быть с вами... Другого дела у нас нет.

– Хорошо. Пойдем на баркасе. Клоца я заведу на палубу.

Он махнул иир'ова, и те затрусили вслед за Клоцем. О них можно было не беспокоиться – Дети Ветра не отстанут от кавалерии. Лорс резво преодолел прибрежный откос, затем двинулся на запад по тропинке, что извивалась вдоль озера. Минут через двадцать всадник и пятеро его спутников спустились в крохотную бухточку, где покачивался на волне палубный баркас. Иеро завел на борт своего скакуна; остальные последовали за ним. Краткий приказ сержанту, и десять длинных весел взбили пену; суденышко шло туда, где чистые воды озера мешались с бурными потоками болотистой низины.

Звуки сражения становились все громче, все ближе. Уже можно было расслышать лязг металла и резкие, пронзительные всхлипы вражеских труб; иногда их перекрывали звонкие голоса метсианских горнов. Рев, рычание, вопли, стоны раненных и победные крики атакующих дополняли картину. Иеро знал, что по мере приближения к берегу оборона становилась все плотней, схватка – все более ожесточенной. Однако лязг и грохот нарастали с пугающей быстротой; видимо, Нечистый бросил в сражение все отряды, каждого бойца, не беспокоясь о потерях. Иеро скосил глаз на яркий солнечный диск, проверяя показания своих ментальных часов. Было около одиннадцати, но скорость, с которой продвигался противник, ломала все расчеты. Гребцы сильнее навалились на весла, баркас прибавил ход, огибая с подветренной стороны маленький островок. Они прошли уже три четверти пути, и с палубы открывался хороший обзор всего северного побережья, уходявшего от сгиба озерного бумеранга к западу и востоку.

Шум продолжал нарастать и, наконец, Иеро увидел, как первые отряды метсов, покинув лес, скатились к урезу воды, к длинной линии судов, тянувшейся вдоль берега. Моряки начали переводить на борт раненых, за ними – остальных бойцов. Иеро довольно улыбнулся; маневр проходил безукоризненно,

без паники и суеты. Все больше и больше людей появлялось на травянистом откосе, суда загружались одно за другим и, взбивая веслами воду – день выдался безветренным – скользили по озерной глади. Наблюдая за операцией через свою подозрительную трубу, священник видел, что ни один корабль не отплывает без приказа; их палубы были заполнены воинами.

Он перевел взгляд на берег. Цепочки вооруженных луками разведчиков, ветеранов Границы, появились на опушке – последний отряд, прикрывавший отступление. Иеро видел, как лучники одной из групп на секунду замерли, дали залп и, стремительно перебежав ярдов на пятьдесят, развернулись для второго. В их рядах падали люди; по мере приближения к берегу шеренга становилась все короче, строй уплотнялся.

Среди золотисто-коричневых сосновых стволов наметилось движение, затем из-за деревьев выскочила стая Псов Скорби с лемутами на костлявых спинах. То были Волосатые Ревуны, гориллоподобные мутанты, потрясавшие дубинами и топорами; раз за разом они с убийственной точностью швыряли длинные дротики. Чудовищные собаки приходились по плечо рослому мужчине; их кожа, почти лишенная шерсти, пестрела оранжевыми и красными пятнами, уши свисали, мотаясь у глаз, из ощеренных пасть стекала слюна.

Стрелки перебили половину, затем забросили луки за спины и взялись за топоры и мечи – выжившие мутанты были уже рядом. Начался ближний бой. Псы Скорби неистовствовали среди шеренг метсов; тех, кто попадал в капкан огромных челюстей, они трясли, словно безвольных кукол. Ревуны сражались яростно; обуреваемые страстью к убийству, они не заботились о своей безопасности, не обращали внимания на раны. Схватка закончилась быстро. Поредевшая цепочка метсов двинулась к берегу, оставив позади усеянное телами поле. Воины несли раненых, но их было немного.

Теперь сражение развернулось вдоль всего берега. Разведчики отстреливались и отступали к воде. На многих судах прекратили грести, и лучники с палуб начали метать стрелы, прикрывая товарищей. Смертоносный ливень обрушился на атакующих – раз, другой... Последние разведчики карабкались по трапам; их оставалось немного. Лучники удвоили усилия – снарядов на кораблях хватало, и стрелы сыпались градом. Один из отрядов крупных людей-крыс, серых, с голыми хвостами, попал под такой залп, превративший его в гору трупов.

Последние суда с разведчиками отходили от берега. Иеро с болью заметил, что на них хватало места; палубы казались полупустыми. Гнусаво запели трубы Нечистого, и отряды лемутов начали отступать под защиту леса. Когда последние твари исчезли, стрельба прекратилась, и отбившие атаку корабли начали медленно продвигаться за линию тех, кто отплыл раньше. Теперь между водой и лесом простиралась мертвая зона, заваленная телами убитых и раненых.

Внезапно баркас дрогнул, и Иеро обернувшись, увидел, что нос суденышка коснулся берега. Он вскарабкался на спину Клоца, и тот прыгнул прямо в жидкую грязь, доходящую человеку до колена. Впрочем, огромного лорса это не беспокоило; его широкие раздвоенные копыта позволяли преодолеть любую трясину.

– Держитесь за стремяна, – предложил Иеро близнецам, – больше я ничем не могу вам помочь. Вымокнете, конечно, но сами напросились!

Иир'ова вымокли еще раньше. Это им не нравилось, но они были готовы стерпеть и большее. Маленький отряд пустился в путь мимо заросших осокой кочек и луж, простирившихся между ними. Иеро оглянулся; со спины Клоца он мог ясно разглядеть берег и прибрежные воды.

Суда, занятые поредевшим арьергардом метсов – вернее, тем, что от него осталось – медленно уходили к югу. Парусники, подошедшие к ним от цепочки лесистых островков посреди озера, принимали на борт раненых или высаживали гребцов – там, где их не хватало. Вдоль южного берега тянулась едва заметная цепочка солдат; солнце поблескивало в их медных шлемах. И всюду, тут и там, развевались белые с зеленым флаги Республики.

Внезапно картина изменилась: армия Нечистого плотной молчаливой массой потекла из-за деревьев, затопив северный берег. Видимо, враги успели подготовить следующий удар. Каждый боец, человек или лемут, тащил либо небольшой челнок, либо сгибался вместе с десятком соратников под тяжестью

длинного каноэ. Люди-крысы первыми вошли в воду; им, расе пловцов, лодки были не нужны. Войска двигались в полном порядке, что говорило о долгих часах, потраченных на обучение. Иеро разглядел в воде стаю гибких, покрытых коричневым мехом созданий и вспомнил схватку с гигантскими норками у ручья год назад. Похоже, Нечистый собрал все свои силы... Удастся ли сломить их?

Взгляд его скользнул дальше, к стене деревьев, из-за которой текли все новые и новые отряды. Сейчас он пробирался со своими спутниками вглубь болота, по топкой, насыщенной влагой почве, кое-где поросшей высоким камышом. На таком расстоянии от врага мысленный поиск был бесполезен – барьеры, поставленные Аббатствами и Нечистым, гасили ментальные волны. Все, что он мог – переговариваться с иир'ова, и то вблизи.

Впереди появилась темная движущаяся полоска, и священник поспешно потянулся к зрительной трубе. Это было то, чего он ждал! Клоц вытянул длинную шею и затрубил от восторга. Устремившись вперед, он через несколько мгновений оказался перед длинными шеренгами всадников, словно по волшебству возникших среди вод, осоки и зарослей камыша. Иеро поднял руку, приветствуя свое воинство.

Тут затаились два полных легиона, сбившихся плотным квадратом под защитой бурых стен тростника. Священник знал обоих командиров; они были значительно старше его. Если вспомнить прошлое, то он служил под командой полковника Саклара и учился у полковника Льюиса в военной академии. Оба – типичные воины-метсы с суровыми бронзовыми лицами; жизнь их прошла в седле, в бесчисленных схватках и пограничных стычках. Вместе со своими адъютантами они встретили молодого командира, вытянув руки в воинском салюте. Иеро ответил тем же, испытывая некоторую неловкость.

Но Саклар быстро развеял ее.

– Мы оба просто в восторге от такого начальника. Еще бы! Стоит вспомнить твои прошлые подвиги... – Тут он чуть прищурил насмешливый черный глаз, что могло сойти за подмигивание. Иеро облегченно вздохнул, и все трое, улыбаясь, соединили руки. Не было сомнений, что в этой битве они встанут как один, плечом к плечу.

– Кстати, я нашел пару лорсов, хотя у нас не так много запасных, – сказал Льюис, с интересом поглядывая на Мантанов. – Мы все слышали об этих парнях. Думаю, ты захочешь держать их при себе... как и котов... О них тоже всем известно. Чудные творения Господа! Ну, ладно, еще успеем на них полюбоваться. Пойдем, командир! Мы тут приготовили одну штуку... тебе, наверное, пригодится.

Штука действительно оказалась полезной. Неподалеку, на холмике, который полководцы далеких веков назвали бы «генеральской высоткой», группа людей и лорсов трудилась над установкой наблюдательного пункта – платформы с тремя массивными подпорками. Вскоре бревна треноги были закреплены в вязком грунте, и к верхней площадке приставлена лестница. Очевидно, все детали этого сооружения заготовили впрок и проволокли сюда через болото.

Минутой позже Иеро и оба полковника уже стояли наверху, изучая поле битвы в подзорные трубы. С платформы открывался превосходный обзор северных берегов и озера Слез; наблюдатели едва успели к началу следующего этапа сражения.

Войска Нечистого, люди и лемуны, все еще текли из леса нескончаемым потоком. Не меньше тысячи суденышек, совсем крохотных и побольше, роилось у северного берега; легкие и юркие, они были сделаны из шкур, натянутых на деревянные каркасы. Вся эта стая двигалась в сторону редкой линии метсианских парусников, медленно уходивших к спасительному южному берегу. Иеро заметил, что суда с ранеными уже почти пересекли акваторию; те же, что были ближе к врагу и несли боеспособный экипаж, явно не торопились. «Все идет как надо, – подумал он, – но, великий Боже, сколько еще тварей вылезет из леса! И они тащат лодки – все больше и больше!» Чудовищные огромные собаки плыли целыми стаями; на некоторых восседали Ревуны – видимо, командовавшие сворой. Большинство Волосатых Ревунов уже находилось в лодках, но из леса по-прежнему прибывали свежие отряды людей-крыс, тут же бросавшихся в воду. То здесь, то там перед фронтом наступавшей орды маячили гладкие головы гигантских норок.

Иеро перевел дыхание. Когда же прозвучит сигнал?

Саклар тронул его за плечо.

– Надень-ка вот это, – сказал он, протягивая прочную кожаную кирасу и бронзовый шлем, защитный доспех всадника. Саклар и все остальные офицеры уже облачились в боевой наряд.

Иеро не заметил, как оба полковника натянули на него жесткую кирасу и приладили наголенники; он даже не обратил внимания на увенчанный белым генеральским плюмажем шлем. Взгляд его блуждал по воде. Основная масса судов противника уже достигла цепочки островов; берега их поросли лесом, длинные поникшие ветви купались в озере.

Внезапно звонкая трель горна эхом раскатилась над голубыми водами, перекрыв вопли и завывания орд Нечистого. Затем послышался плеск – это, вздымая фонтаны брызг, падали в воду ветви и целые древесные стволы. Из тайных бухточек и протоков между островками выплывал метсианский флот: пять дредноутов, испускавших клубы дыма, впереди, а за ними – неисчислимый сонм парусников. Юстус Бирейн был человеком основательным и неторопливым; он ударил тогда, когда почувствовал – время пришло! Пушечные порты в бортах кораблей были раскрыты и широкие жерла извергали не ядра и бомбы, а шрапнель – смесь обломков керамической черепицы с камнями и металлической дробью. Вслед за пароходами двигался целый флот гребных галер со стрелками и пращниками; их прикрывали установленные вдоль бортов щиты, деревянные и плетеные из ивовых прутьев. Град стрел обрушился на врага, довершая опустошение и панику, что вызвали первые пушечные залпы.

Под этими шквалом огня, камня и железа, потоком стрел и тяжелыми корпусами дредноутов, дробивших каное в щепки, противник подался назад. Хрипло взвыли трубы, и из леса потекли новые орды, торопясь к воде.

Тут и там в плотных рядах людей и лемутов Иеро видел теперь облаченные в серые плащи фигуры. Колдуны Нечистого! Что они собираются делать? Контратака флота была полнейшей неожиданностью для них, но слуги зла учились быстро!

Он опустил взгляд на стройные шеренги метсианской кавалерии, тянувшиеся у подножия холма, и почувствовал облегчение. Четыре тысячи всадников застыли в грозном молчании – цвет республиканской армии, ее ударная сила. Шлемы сверкают, длинные пики вытянуты в ряд, огромные скакуны словно выточены из черного базальта. У лестницы, что вела на платформу, переминались трое Детей Ветра; рядом, с неистощимым терпением лесных жителей, ждали Мантаны. Чуть поодаль стоял Клоц и еще два лорса, предназначенные для братьев.

Иеро повернулся к полковникам.

– Скоро наш черед, – задумчиво произнес он. – Пока все идет по плану. Вот только как обстоят дела на нижнем озере... там у нас всего один пароход, самый новый... Правда, есть кое-какие сюрпризы... Ну, еще немного, и все станет ясным.

Они продолжали следить за баталией. Сражение ярилось на всем водном пространстве и было доступно наблюдению вплоть до того места, где изгиб восточного озерного рукава скрывал происходящее. Рев и стон, крики людей и животных, грохот канонады неслись над водой; а вслед за ними – потоки стрел, клубы дыма и смертоносная шрапнель.

– Хвала Создателю, конец виден, – буркнул Саклар, направив трубу на лесную опушку. – И так уже достаточно. Я думаю, они заняли половину Тайга... Но смотрите!

Это заметили уже все, и Иеро вознес про себя благодарственную молитву. Устрашенные бойней, воины Нечистого в лодках и плывущие в воде твари повернули назад. Их хрупкие суда с кожаными бортами не могли защитить ни от стрел, ни от ливня камня и железа. Довершая разгром, дредноуты врезались в гущу вражьей стаи; они давили, сокрушали, опрокидывали каное и челны, одновременно перемалывая бортовыми залпами скопища пловцов. Те снова и снова бросались в атаку, пытаясь преодолеть скользкую керамическую обшивку и забраться на палубу, но каждый раз их отбивали с огромными потерями. Галеры с лучниками шли в кильватере паровых кораблей, прочесывая стрелами поверхность воды; парусники с арьергардом, ветеранами Границы, которые час назад бились на берегу, вдруг повернули и полным ходом устремились на врага. За ними шли все новые и новые суда – те, что скрывались в бухточках южного побережья.

Иногда на борт небольшого корабля прыгала прямо из воды гигантская норка или группа Ревунов

цеплялась за скользкие доски; люди-крысы тоже пытались применить такую же тактику. Но ивовые плетенки и деревянные щиты сдерживали одних и позволяли быстро расправиться с другими. Что касается человеческой пехоты Нечистого, то солдаты в ней были не слишком опытными пловцами; огромные же Псы Скорби оказались совершенно беспомощными в воде. Вскоре поверхность озера покрывал слой трупов самых разнообразных существ; он выглядел столь плотным, словно по нему можно было пройти, не замочив ног. Тут и там в массе мертвых тел темнели перевернутые лодки, обломки их разбитых корпусов и изрешеченные шрапнелью шкуры.

Вражеские трубы взвыли пронзительно и тревожно; люди и лемуны, остатки разгромленного войска, устремились к северному берегу. Впрочем, отступление началось даже раньше, чем прозвучали сигналы. Разбитые, отчаявшиеся, но все еще многочисленные, воины Нечистого плыли и гребли изо всех сил, уstraшенные ликом смерти, глядевшей на них из жерл метсианских пушек. Ни одному из них не удалось шагнуть на откосы южного побережья, где плескали на слабом ветру флаги Республики.

Дредноуты двигались за этой обезумевшей толпой, поливая ее картечью. Пушечные залпы вымели берег, стрелы сыпались сквозь темный дым. Взглянув на солнце, Иеро сообразил, что уже полдень; всего лишь час миновал с той минуты, когда первые лодки Нечистого поплыли по голубым водам озера Слез. На этот раз название его оправдалось! Но как обстояли дела восточнее? Враг все еще обладал большой силой и, если он сплотит свои ряды, бой будет нелегким. Иеро решил, что осторожность не помешает.

– Треногу убрать, – распорядился он, поворачиваясь к Льюису и Саклару. – Если их отряды двинутся к западу, наш пост сразу заметят.

Они спустились вниз по длинной лестнице, вышку тут же повалили, и три полководца медленно поехали вдоль фронта замершей в плотном строю кавалерии. Саклару и Льюису достались правый и левый фланги, Иеро взял на себя центр. Прислушавшись, он уловил отдаленный грохот орудий, но гул канонады постепенно стихал. Вскоре лишь случайный выстрел доносился с озера – видимо, подворачивалась подходящая цель.

Священник наклонился к Детям Ветра, ожидавшим у его стремени.

«Для вас, друзья, особая задача, очень опасная, – передал он. – Мы должны знать о всех передвижениях врага, знать очень быстро. Ч'урш, ты пойдешь налево; За'рикш, тебе – правое направление. Старайтесь говорить со мной мысленно; если не получится, возвращайтесь назад. Убивайте только в крайнем случае, мне нужна информация, а не трупы. Понятно? М'рин, ты пойдешь впереди нашего строя, но не беги так быстро, как твои братья. Все, что услышишь от них, передавай мне.»

Они даже не ответили. Три стремительные тени мелькнули, словно сказочные эльфы, меж тростников и зарослей осоки, и исчезли.

– Было бы тут посуше, я послал бы и вас в разведку, – сказал Иеро близнецам. – Но я не хочу, чтобы враг увидел хоть одного всадника, а по грязи вы не можете бегать со скоростью наших котов.

Мантаны одновременно кивнули и расслабились в седлах, отдыхая перед боем.

С томительной неторопливостью тянулось время. Иеро пытался размышлять о будущем; оно, если учесть события на юге, не радовало, и священник сосредоточился на ближайших задачах. Их было две, и обе требовалось решить быстро. «Первая, – думал он, – разнести к дьяволу остатки орды! Разнести и уничтожить! Вторая – добраться до горла этой бледной нечисти, С'даны. – Он судорожно сглотнул; ненависть сжимала ему горло. – Ты здесь, лысая мразь, я знаю! Ты вывел всех – и людское отребье, грязных предателей, и своих лемутов, оскверняющих очи Божьи! Ты не мог остаться в Мануне в такое время!»

Позади него тихо фыркали лорсы, изредка побрякивал металл. Все всадники были в седлах, все ждали только его слова. Где же коты?

Мысль М'рин словно молния пронизала облака изголодавшихся москитов, что вились вокруг людей и животных.

«Мы возвращаемся! Мои воины нашли их! Они идут от опушки, их много, очень много! Будь осторожен!»

Иеро махнул рукой, и гул оживления, смешанный со скрипом седел, пыхтением лорсов и звоном оружия, пробежал по рядам в обе стороны, словно рябь на воде от брошенного камня. Дети Ветра вынырнули из зарослей; они мчались зигзагами, стремительные, как гончие псы, частокол дротиков вырастал в их следах.

Пика генералу не полагалась. Белый плюмаж на шлеме Иеро дрогнул, когда он, склонившись, потянул длинный прямой меч из подвешенных к седлу ножен. Оба Мантана находились по обе стороны от него и чуть сзади; каждый сжимал боевой топор на длинной рукояти. Стена тростника впереди рухнула, втоптанная в грязь, и вражья орда, люди и лемуны вперемешку, покатились по болоту.

Правой рукой, по локоть укрытой латной рукавицей, Иеро поднял меч и резко опустил его вниз. «Вперед, парень! – мысленно прищепил он Клоца. – Пришло наше время!» Позади потрескивал камыш под быстрыми ногами иир'ова.

В кулаке, защищенном чашеобразным эфесом, Иеро сжимал рукоять длинного кавалерийского тесака; он выставил клинок вперед словно пику. Пока Клоц набирал скорость, его всадник мог слышать долетающий сзади плеск и грохот копыт. Он покосился налево, потом – направо. Добро! Атакующий строй оставался плотным и ровным.

Затем левое крыло, северные шеренги кавалерии, не ломая рядов, начало медленно заворачивать. Правое повторило маневр; теперь строй напоминал полумесяц. Левый фланг должен был ударить первым, смять тылы врага, отрезать от леса и выжать основную массу войск Нечистого в открытое пространство болотистой равнины.

Уже не оставалось времени, чтобы мысленно проиграть еще раз давно обдуманную стратегию; Иеро сосредоточился на том, что ждало впереди. Воспоминания о днях и неделях, ушедших на разработку планов, исчезли, словно дым; сейчас он был только киллменом, машиной, предназначенной для убийства, и ничем более. Клоц, в предчувствии битвы, яростно взревел, и тысячи глоток его сородичей подхватили этот крик; подобный грому, он раскатился от одного конца строя до другого.

Орда Нечистого остановилась – раздробленная, ошеломленная. Для крыс и уже немногочисленных Псов Скорби болото не представляло серьезного препятствия, лишь слегка замедляя их скорость. Но люди, хорошо обученные и готовые биться до смерти на твердой земле, скользили по воде и грязи, спотыкались о кочки, поросшие осокой. Большая часть Ревунов шла в пешем строю, и почва под ногами нравилась гориллоподобным монстрам не больше, чем их человеческим союзникам. Когда перед ними возник лес рогов и сверкающих наконечников копий, многие ударились в бегство. Другие, подтверже духом, или же состоявшие под командой более опытных офицеров, попытались сформировать каре. Результат был плачевным! Крики, вопли, приказы, противоречащие один другому – в войске противника воцарился хаос!

Развернув полумесяцем фланги, раскинувшись слева направо на добрую милю, страшная кавалерия Севера шла в атаку!

Под мечом Иеро треснул череп огромного Ревуна; Клоц подался в сторону, помогая всаднику освободить клинок. Молодой предводитель оглянулся. Каждое копьё нашло цель, поразив как минимум одного врага в передних рядах или в тылу орды. Затем пики были выдернуты из трупов и нацелены вновь; сверкающие острия по-прежнему жаждали добычи.

Уже не имело значения, кто из приспешников Нечистого пытается скрыться, а кто готов принять бой; там, где не поспевали меднокожие всадники, дело заканчивали их разъяренные скакуны. Тяжелые копыта дробили кости, их острые края рассекали плоть, рога и каменно-твердые лбы таранили людей и лемуты, отбрасывали бездыханными в грязь, а зубы, тоже пущенные в ход, перекусывали конечности, словно ивовые прутья.

Чудовищный пес – глаза налились кровью, с клыков капает слюна – прыгнул на Иеро слева. Не раздумывая, священник бросил поводья и прикрылся щитом – даром своего далекого странного друга. Рядом свистнул топор; одним ударом Рейн Мантан раскроил собаке череп.

Могучий напор кавалерийского удара медленно, но неизбежно теснил орду к лесу. Всадники не давали возможности бойцам Нечистого остановиться и занять оборону; впереди уже маячили лесные гиганты, возносившие к синим небесам могучие ветви. Враги, сломленные, скованные теснотой в

беспорядочной толпе, уже не пытались сопротивляться; они жаждали лишь поскорей найти убежище в зеленой крепости Тайга. Те, кому удалось добраться до деревьев, начали метать стрелы и дротики в отчаянном усилии остановить страшных всадников. Кое-где опустели седла, но лорсы, даже потерявшие своих хозяев, не были беззащитной мишенью! Они продолжали оставаться в строю, сражаясь все так же яростно, сокрушая врагов копытами и рогами. Иногда огромный зверь падал, пронзенный десятком стрел, но тут же другой, со всадником или без него, заступал на место погибшего, продолжая атаку. Наибольшие потери нес левый фланг; однако, сплотив ряды, ни на миг не ослабляя напора, всадники разрезали орду, оттеснив основную массу визжащих лемутов вместе с их закутанными в серые плащи повелителями от спасительной опушки.

Иеро не получил ни царапины, но правая рука его отяжелела. Огромный зверь под ним, глыба неистовой ярости, заработал десяток легких ран; впрочем, Клоц не обращал на них внимания. Он ревел, как боевая труба, не замечая боли; глаза его налились кровью. Рейн Мантан и М'рин, с длинного клинка которой сочились багровые капли, обороняли своего командира слева; двое молодых иир'ова и Гиор Мантан – справа. Оба брата держали круглые щиты, обитые бронзой и непроницаемые для дротиков и стрел, надежно прикрывая Иеро от метательных снарядов врага.

Молодой предводитель, охваченный холодной яростью, не присматривался к тем, кто заступает ему дорогу; он рубил и колот с неослабевающей силой. Наконец-то перед ним был враг, до которого он мог добраться! Он мстил за дни беспамятства, за свою потерянную любовь, за боль и предательство! Смерть им всем! Уничтожить этих гнусных тварей, освободить он их землю раз и навсегда!

Сильная рука перехватила повод, и громкий голос прорвался сквозь безумие битвы, овладевшее Иеро. Он опустил меч, сообразив наконец, что кто-то из соратников пытается привлечь его внимание. Со всхлипом втянув воздух, он почувствовал, как ходят под ним бока Клоца. Багровый туман в голове медленно рассеивался; еще немного, и звуки начали складываться в слова, слова – в фразы.

– Остановись, генерал! Мы разбили их! Может быть, четверть удрала в лес, не больше. А остальные... Ты только погляди!

Почти против воли Иеро повернул голову. Полковник Льюис, свесившись с высокого седла, показывал на заваленную телами врагов болотистую пустошь.

Итак, свершилось! План сработал! Поредевшие отряды Нечистого, сокрушенные в водах озера Слез, выползли на берег и объединились с войсками, ожидавшими под прикрытием леса. Эта орда все еще представляла немалую силу, и ее вожди повернули направо, в казавшееся пустым болото. Несомненно, они хотели смести заслоны республиканских войск, обогнуть западный рукав озера и зайти в тыл армии ненавистных метсов.

Так могло бы случиться, если б не одно маленькое обстоятельство. Мудрый старый аббат и его ученик, намеренно вызвавшие этот маневр врага, обладали единственной с сотворения мира кавалерией, способной сражаться на болоте не хуже, чем на сухой земле. И теперь результаты попытки Нечистого лежали перед Иеро – груды, холмы, горы трупов! Он не мог в это поверить, хотя сам помогал разрабатывать план!

Остатки орды Нечистого, уstraшенные атакой конницы, отрезанные от спасительного леса, сгрудились на топком берегу. Эта толпа спотыкающихся сломленных существ, людей и лемутов, оказалась зажатой между шеренгами всадников со смертоносными пиками и водами озера. В плотном строю кавалерии не было щелей. В сражении на болоте Республика лишилась, вероятно, восьмой части своей конницы, но оставшихся сил вполне хватало, чтобы втоптать в грязь обезумевшую толпу врагов. За линией воинов и лорсов, у самой опушки, растянулся цепью заградительный отряд, но в лесу царили безмолвие и тишина.

А позади последних приспешников Нечистого лежала смерть. Там, застыв в молчаливом ожидании на водах озера, высились громады пяти дредноутов; за ними – галеры и парусники со стрелками. Яркое послеполуденное солнце освещало картину готовящегося уничтожения. Пропели горны метсов, и всадники остановились, сплывая ряды и ровняя строй. Шеренги конницы вытягивались полумесяцем; в центре его находилась вопящая в панике толпа грязных людей и грязных монстров, неумолимо теснимая туда, где край болота упирался в озеро.

Иеро довольно наблюдал за этой картиной сквозь полуприкрытые веки. Приказ гласил: «Не щадить!». Было хорошо известно, на что способны эти твари; что ж, здесь они, по крайней мере, примут скорую смерть. Впервые за долгие годы попытка нормальных людей избавиться от приспешников Тьмы, была близка к завершению. Возмездие близилось! Тем, кто породнился со Злом, отказано в искуплении; и сейчас, под ярким светом солнца, они растают, как дым. Навсегда!

В рядах всадников снова запели горны, и копыта опустились, сверкая широкими остриями; полумесяц пришел в движение, и битва – скорее, бойня – началась. Это было нетрудно. Утопая по колено в грязи, сторонники Нечистого умирали, не надеясь на побег. С воды за ними бдительно следили жерла молчаливых пушек и лучники, выстроившиеся на палубах малых судов. Выживших не осталось. Никого.

Когда конец стал очевиден, Иеро повернул к середине пустоши, вглядываясь в линию лорсов и всадников, наблюдавших за зеленой стеной Тайга.

Он сунул в ножны у седла свой длинный клинок. Оба полковника сопровождали его, и под их восхищенными взглядами Иеро чувствовал себя довольно уютно.

«Почему они так смотрят? – мелькнула мысль. – Ведь эти люди когда-то учили меня...» У его стремени М'рин обматывала длинным лоскутом голову За'рикша, пока Ч'урш пытался вычистить из шерсти грязь. Они тоже с обожанием поглядывали на своего командира. Братья Мантаны, вышедшие из битвы целыми и невредимыми, с невозмутимыми лицами восседали на своих скакунах; но глаза их говорили о многом!

«Я же ничего не сделал, – напомнил он себе. – Немного предусмотрительности и четкое планирование... все, в основном, заслуга старого Демеро. Может быть, я слегка помог... Но это не стоит такого поклонения! – Иеро начал молиться, устремив взгляд к сияющему небу: – Вседержитель, охрани ничтожнейшего из слуг Твоих от греха гордости! Кроме того, – смиренно добавил священник, – я же и вправду не сделал ничего особенного!»

Бог – или замещавшая его Судьба – прервал эти благочестивые размышления: перед ними возник курьер на перемазанном грязью лорсе, вручивший Саклару депешу. Быстро вскрыв пакет, полковник углубился в чтение, потом воскликнул:

– Ну и ну! Дело касается той банды, что успела удрать в лес. Они идут обратно – мчатся прямо на наши позиции! – Саклар вскинул взгляд на Иеро. – Ваш план, сэр, сработал еще лучше, чем ожидалось. Примите мои поздравления! – глаза его возбужденно блестели. – Ты понимаешь, Иеро, сейчас мы возьмем всех! Всех!

Вдруг полковник смущенно улыбнулся:

– Простите, генерал... Я забылся. Но, во имя ран Христовых, кто же остановил их в лесу?

– Отряды союзников, о которых никто не знает, – вполголоса произнес Иеро, наклонившись к старому бойцу. – Однако, полковник, какие новости с востока? Мы отбили атаку здесь, а что творится на нижнем озере и реках, ведущих к Намкушу?

– У меня есть сведения, сэр, – это был молодой человек, один из адъютантов Саклара. Иеро заметил, что левая рука юноши висит на перевязи – он тоже побывал в бою.

– Выкладывай, парень! – восторг, светившийся в глазах юного офицера, не вызывал ответных чувств у Иеро. Сколько таких ребят легло в землю этим утром?

– Сэр, все их попытки продвинуться на востоке оказались безуспешными. Наши корабли и Народ Плотины блокировали каждый водоем. У нас там было одно паровое судно да баркасы с лучниками – вполне достаточно... разбежавшихся прикончили бобры. Нечистый послал туда лишь несколько отрядов.

– Значит, оборона выстояла... Хорошие новости! – Радостная волна нахлынула на Иеро, но он помнил, что вторая задача еще не решена.

С'дана! Где же проклятый колдун?

Он заставил себя вникнуть в смысл слов юного офицера. Народ Плотины! Сколько же молодых самцов и самок из племени Чароо больше не увидят света дня? Сколько малышей потеряли родителей, которые никогда не вернутся в свои уютные хижины? Вероятно, эти восточные реки и ручьи стоили немало

жизней... Он глубоко вздохнул, отгоняя мрачные мысли.

Было еще что-то, нечто важное, сказанное им самим... Да, о никому не известных союзниках! По крайней мере, неизвестных ему. Но он мог догадаться, кто пришел на помощь людям.

Иеро резко повернулся в седле, поймав взгляд Саклара, потом – Льюиса.

– Командиры! Войско – в парадный строй! – его голос сорвался, он заметил недоумение на лицах офицеров и попробовал успокоиться. – Новые союзники идут к нам с севера, и я хочу встретить их с почестями. Эту мерзость, – он кивнул на горы трупов, – свалите у воды. Пусть на равнине выстроятся все войска и приветствуют наших гостей.

Но где же С'дана? Странно, священник не ощущал ни одного щита Нечистого вблизи... Поставленный их колдунами барьер рухнул; значит, он должен был бы обнаружить С'дану или хотя бы его ментальный щит... Но ничего подобного не замечалось.

Иеро испытывал тревогу, смешанную с радостью. Как хорошо, что Горм успел вовремя! Приятно знать, что он где-то вблизи... даже приятней, чем известие о полностью очищенных тылах...

Копьеносная конница Республики застыла в плотном строю, когда три фигуры друг за другом показались на опушке, направившись к молодому генералу. М'рин преклонила колено; ее примеру последовали оба самца. Дети Ветра никогда не оказывали такого почтения Иеро, но он не мог упрекнуть их.

За массивными телами двух посланцев медвежьего народа Горм был едва заметен. Гигантские, мощные, они превосходили размерами даже древних кадьяков и бурых медведей сибирской тайги. Лишь высокие лбы, под которыми сверкали маленькие глазки, да просторные черепа говорили о разумности этих созданий. Они двигались по болотной грязи иноходью, покрывая расстояние с поразительной быстротой.

Предводитель – судя по важности, с которой он держался, в его ранге не было сомнений – сел на задние лапы; его голова находилась теперь на том же уровне, что и у Клоца. Инстинктивно Иеро отметил, что его скакун не беспокоился из-за подобной близости. Шерсть гиганта, тронутая серебристой сединой, перемазанная в крови и грязи, пахла отвратительно.

«Я останусь безымянным, – пришла мысль от огромного существа. – По крайней мере, до тех пор, пока лучше не познакомлюсь с твоим народом. Люди, которых вы зовете эливенерами, эти сторонники мира, попросили нашей помощи в войне. Но что такое мир? Дни, проведенные в покое. Мы хотим покоя, и потому пришли сражаться. Думаю, мы не ошиблись.»

Второй медведь, с пропорциями жителя Бробдингнега, опустился в лужу и теперь перекачивался там с боку на бок, очищая шерсть. Иеро осторожно скосил глаза на своего приятеля, меньшего из всей троицы. Кавалерия метсов по-прежнему застыла в парадном строю с поднятыми вверх пиками.

«Я полагаю, – ментальный сигнал был отчетливым и мощным, что странным образом не вязалось с тяжеловесностью фразы, – эти мыслящие, твои братья, стоят так, чтобы почтить нас? Нет необходимости, – маленькие глазки гиганта уставились прямо на Иеро. – Ты – тот, кто взял нашего малыша на Юг? Наш народ в долгу перед тобой... Но мы знаем, что такое благодарность... и мы принесли дар. Малыш, покажи его.»

Горм шагнул вперед. Ремни, охватывавшие его шею и туловище, удерживали на спине грубый короб, сплетенный из коры. Медведь наклонился и вывалил его содержимое на землю.

Две лысых головы, два блестящих черепа, два ненавистных лица... Головы покатались по мокрой траве под ноги Клоцу. Одно лицо казалось незнакомым; другое же... другое Иеро не забывал никогда. Голова С'даны, грубо оторванная от тела, лежала перед ним; губы кривились в смертельной агонии.

Предводитель медвежьего народа все еще продолжал:

«Мы подумали, что такой мрази нет места в мире. И дарим их тебе. Это два вождя, которых ты искал, Красный и Голубой. Их Круги уничтожены. Мы знаем, как много ты сделал для этого... И наш малыш считает так же, а он никого не станет лизать зря. Придет день, и он достигнет настоящей мудрости. И это будет хорошо для него и для тебя, – гигант покачал мохнатой головой и уставился на человека

оценивающим взглядом. – По нашим понятиям, слишком уж ты скор... Но ничего! Ты можешь стать первым из своего народа, достигшим мудрого равновесия.»

Когда Иеро оторвался от созерцания головы своего врага, две огромные мохнатые фигуры уже исчезли в лесу. Он вскинул глаза. Горм был рядом.

«Они сказали, что я могу остаться, – передал молодой медведь. – Дело ведь еще не закончено, друг Иеро. Где Лучар, твоя самка?»

Этот внезапный вопрос прорвал стену, возведенную Иеро в своем сознании. Воспоминания о принцессе, собранные в точку и спрятанные под непроницаемый колпак, взметнулись мощным взрывом, затопив разум.

Лучар! Где ты, Лучар?

ЭПИЛОГ

Лучар чувствовала, что хоппер под ней вот-вот упадет. Обессиленный зверь остановился; секунду она сидела неподвижно, затем прыгнула на землю. Ее ноги налились усталостью и, чтобы устоять, молодая женщина прижалась к тяжело вздымавшемуся боку прыгуна. Словно в полусне она заметила, как один из сопровождающих тянется, чтобы поддержать ее. Отрицательно мотнув головой, Лучар выпрямилась, собирая остатки энергии и рассматривая трех своих спутников.

Три человека – только три! Сколько часов – или дней – прошло с той минуты, как граф Гифтах забрал последних гвардейцев и двинулся назад, чтобы прикрыть ее бегство? Кажется, она потеряла чувство времени... Когда они свернули в лес, пытаясь раствориться в бескрайних пространствах джунглей? Когда же наступит конец? К чему привели эти недели скитаний и бесконечных битв?

Собравшись с мыслями, она вернулась к настоящему и посмотрела вокруг. Узкая тропинка, по которой они ехали, обрывалась; колоссальные деревья, расступившись, давали место поляне. День клонился к вечеру, солнце низко висело над западным горизонтом; однако, после царившей в лесу полутьмы, свет под открытым небом был неожиданно ярок. Внезапно странное чувство узнавания охватило ее, словно она побывала здесь раньше, в другой, более счастливой жизни.

Трое мужчин, истомленных долгим переходом, занялись разбивкой лагеря, собирая сучья для костра и охапки травы, чтобы устроить ложе. На ужин, как помнила Лучар, у них еще были остатки вчерашней охотничьей добычи. Один из ее спутников склонился над кучкой сухих ветвей, разжигая огонь; кольцо опаленной земли свидетельствовало, что костер будет гореть тут не в первый раз. Смутные воспоминания вновь охватили молодую женщину.

Она стояла, пытаясь справиться с ощущением некой странности, почти нереальности происходящего. Это чувство все росло и росло, пока Лучар не обнаружила его источник. Внезапно она поняла, что лес охвачен удивительным молчанием; ни шороха ветвей, ни птичьего щебета, ни крика зверя. Она насторожилась, прислушиваясь; тишина звенела, словно натянутая нить, уходившая куда-то на север, к бескрайним морским водам, зеленому океану Тайга и дальше, в бесконечность полярных ледяных пустынь.

И вдруг... вдруг она услышала!

«Лучар!»

Зов был слабым, едва заметным, чуть различимым... Но ей казалось, что он снова и снова медным колоколом грохочет в голове.

«Лучар! Где ты, Лучар?»

Затем все исчезло.

* * *

На крыши и стены Намкуша давно спустилась ночь, но суета вокруг одного из военных кораблей, застывшего массивной громадой у пирса, не затихала. В капитанской каюте, за маленьким столиком с единственной горевшей на нем свечой, сидели два белобородых старика. Они одновременно подняли взгляды, когда дверь отворилась, и на пороге возникла фигура молодого человека.

– Мне сказали, что я найду вас здесь, отец аббат, – начал Иеро. Вдруг он запнулся; радостная улыбка промелькнула на его лице, когда он увидел брата Альдо. Эливернер поднялся, приветствуя своего друга.

– Мне говорили, ты выиграл сражение, – произнес он. – Жаль, что я прибыл слишком поздно и не смог увидеть этого своими глазами. Но, Иеро, сын мой, ты выглядишь так, словно не спал неделю!

– Да, времени на сон остается немного, – кивнул молодой священник. – Дел невпроворот.

Демеро указал на кресло; лицо его стало мрачным.

– Садись, мой мальчик. Брат Альдо вернулся с новостями с Юга, ужасными новостями... но я предпочитаю, чтобы ты знал правду. Столица Д'Алви потеряна, королевская армия разбита... Король и

Лучар исчезли, никто не знает, где они... И нет уверенности, что твоя жена еще жива.

– Она жива, – заявил Иеро. – И я даже знаю, где ее искать.

– Она вступила с тобой в контакт? – голос Альдо был полон сомнения.

Иеро медленно покачал головой.

– Нет, у нее не хватило бы сил – слишком велико расстояние. Я сам установил ментальную связь, и я уверен, что не ошибся. Вот почему я здесь, – он склонил голову перед Демеро. – Отец аббат, прошу разрешения отправиться на юг, чтобы разыскать ее. Клоц, Горм и Дети Ветра пойдут со мной. Ну, и еще несколько добровольцев. Они тоже просят, чтоб вы благословили их.

– Что ты собираешься делать потом? – спросил брат Альдо, не дожидаясь ответа старого аббата. – Я имею ввиду, после того, как найдешь Лучар, о чем я буду молить Создателя... Готов ли ты отправиться в такие края, где лишь воин с твоим опытом и талантом может противостоять Нечистому? На восток, сын мой, на восток!

– На востоке океан, – удивленно откликнулся Иеро. – Безбрежные соленые воды Лантика... Что мне делать на востоке?

Демеро и седобородый эливерен переглянулись.

– Океан не безбрежен, – ворчливо заметил аббат. – За солеными водами лежат другие континенты, мой мальчик, и ты об этом должен знать, если припомнишь, чему тебя учили. Там, в Старом Свете, престол наместника Божьего на Земле, там камни Израиля, которых касался стопой Спаситель, и там...

– ...источник силы темных колдунов! – нахмурившись, произнес брат Альдо. – Это не древние легенды о Спасителе и его наместниках, а истина, пер Иеро! Наше Братство имеет сведения... туманные, собранные по крохам... информацию о том, что обитель Нечистого – в той, другой половине мира. – Эливерен смолк, потом, словно про себя, пробормотал: – Нечистый... нечто злобное, могущественное, страшное... но реальное, клянусь жизнью и ее Творцом!

Иеро невольно вздрогнул, вспомнив предупреждение Солайтера о Другом Разуме, злобном и могучем существе, обитающем где-то на востоке. Ответ мог быть только один.

– Я пойду и туда, если отец Демеро разрешит. И если мне удастся преодолеть океан.

– Хорошо, – старый аббат поднялся, будто их встреча уже подошла к концу. – Хорошо, мой мальчик, ты получишь разрешение! Сразить Нечистого – великий подвиг, и я благословляю тебя во имя Господа нашего и матери Церкви! А сейчас... сейчас ты можешь отправляться к своей принцессе. Только сначала отоспись за все последние дни.

– Но у меня нет времени! – запротестовал Иеро. – Путь вокруг Внутреннего моря долог и опасен, отец мой, и даже если нам улыбнется удача, мы одолеем его не раньше осени... Нет, нам надо выходить немедленно!

Эливерен, усмехаясь, погладил бороду; аббат Демеро тоже улыбнулся и положил ладонь на плечо своего ученика.

– Ты полагаешь, пер Иеро Дистин, что я не догадывался, зачем ты пришел? Не считай меня идиотом! Я знал все, едва ты переступил через порог – и еще раньше! Как ты думаешь, с какой целью на этот корабль грузят горячее и припасы? – Он негодуяще фыркнул. – Иеро, корабли могут не только разрушать, но и плавать! Ну, назови мне имена своих добровольцев... Назови их, а потом ложись в постель, прямо здесь, в этой каюте. И когда ты проснешься, то будешь уже на пути к своей принцессе.

* * *

Лучар свернулась на ложе из свежей травы, далеко на юге, под пологом теплой ночи, но она не спала. Слишком о многом ей предстояло подумать.

Иеро был жив, здоров и свободен! Все сомнения, терзавшие ее, исчезли, вытесненные очевидным и неопровержимым фактом – он дотянулся до ее разума! Он придет за ней! И она должна остаться здесь,

должна надеяться и ждать.

Взгляд Лучар метнулся вдоль поляны, залитой сейчас серебристым лунным светом. Она узнала это место; здесь год назад они разбили лагерь во время долгой дороги на юг, как раз перед тем, как встретили этих странных женщин, обитающих на гигантских деревьях. Лучар вслушивалась в молчание леса, вспоминая, что такая же тишина предвещала появление Вайлэ-Ри и ее бледнокожих дриад.

Они не забыли ее... они дадут ей безопасное убежище в своих древесных гнездах... и ей, и трем мужчинам... особенно мужчинам!

Улыбнувшись, она повернулась на бок и закрыла глаза.

КОММЕНТАРИИ

АББАТСТВА – теократическая структура Кандианской Конфедерации, охватывающая Республику Метс на западе и Союз Атви на востоке. Каждое Аббатство выполняет военно-политические, научные и религиозные функции; Совет Аббатств обладает властью, аналогичной прерогативам Палаты Лордов в Англии восемнадцатого века и возглавляется Первым Гонфалоньером.

БАТВИ – торговый жаргон; искусственный язык, используемый в областях, граничащих с Внутренним морем.

БАФЕРЫ – гигантские быки, результат мутации бизонов. Огромные стада баферов ежегодно мигрируют через западные кандианские районы.

ВЕРБЭР (МЕДВЕДЬ-ОБОРОТЕНЬ) – мало известный вид лемутов. Он является не обычным медведем, а разновидностью гризли с коротким мехом и обладает невероятной силой, неким подобием рук и странной способностью к гипнозу, с помощью которой завлекает своих жертв. Пользуется примитивными орудиями. В основном бродит ночью; вербэров видели мельком только один или два раза. Их также относят к Нечистому, но они кажутся скорее его союзниками, чем слугами. Их современный аналог неизвестен. К счастью, они являются очень редкими.

ВЕТЕР СМЕРТИ – зелье в виде порошка, приготовляемого специально обученными самками иир'ова (владычицами Ветра Смерти); вызывает чувство необоримого ужаса.

ВНУТРЕННЕЕ МОРЕ – большое море, образованное в древности в результате слияния Великих американских озер; в нем имеется множество островов. Многие во Внутреннем море не отмечено на картах. Его берега усеяны руинами древних городов. По водам Внутреннего моря осуществляются интенсивные торговые перевозки, несмотря на постоянную угрозу со стороны пиратов. Наиболее крупные порты: Намкуш – на северо-западе; Ниана – на юго-востоке.

ВОЛОСАТЫЕ РЕВУНЫ – наиболее опасная разновидность лемутов. Они являются большими, покрытыми мехом бесхвостыми приматами с высоким интеллектом, и используются Нечистым в качестве солдат. Они ненавидят всех людей, кроме своих темных мастеров. Более всего они походят на огромных бабуинов.

ГЛИТЫ – один из видов лемутов, выведенных Нечистым (возможно, произошли от рептилий). Чешуйчатые и очень сильные физически, обладают разумом, способны к гипнозу; находятся в полном рабстве у Темных Мастеров.

ГРАНТЕР – большая хищная рептилия, напоминающая крокодила; водится в болотах Д'Алви.

ГРОКОН – гигантский потомок современной свиньи, обитает в северных лесах. На гроконов интенсивно охотятся, но они могут быть очень опасны для охотника, так как достигают размеров крупного быка и отличаются умом и ловкостью.

ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА – Д'Алви, Чизпек, Кэлин и другие. Расположены на побережье Лантического океана, на месте современных мегаполисов Бостон, Нью-Йорк, Филадельфия, Вашингтон; населены, в основном, расой чернокожих. Называются также Южными или Черными Королевствами, так как в этих странах монархическая система правления.

ДАВИДЫ – Народ Давида, потомки чернокожих иудеев, проживающие в Южных Королевствах и сохранившие свою религию. По внешнему виду не отличаются от остального населения.

Д'АЛВИ – крупнейшее и наиболее развитое государство на восточном побережье Лантического океана. Королевство организовано по принципу просвещенной деспотии, однако рядовые члены общины – крестьяне и ремесленники – пользуются в нем очень немногими правами. В королевстве существует низшая ветвь Универсальной Церкви.

ДЕТИ НОЧНОГО ВЕТРА – см. иир'ова.

ДЛИННОРЫЛ – хищный осетр-мутант размером с крокодила; водится в реках и озерах Канды, а также на Евразийском материке.

ЗАБЫТЫЕ ГОРОДА – города древних, разрушенные в период Смерти.

ЗАЩИТНИК – прибор, разработанный Темным Братством; создает искусственный ментальный барьер, защищающий разум своего обладателя. Имеет форму квадратного медальона с цепочкой.

ЗМЕЕГЛАВЫ – гигантские всеядные рептилии, небольшие стада которых обитают в глубине южных лесов. Преимущественно питаются мягкими ветвями растений и фруктами, но также едят падаль. Очень похожи на доисторических двуногих динозавров, но на самом деле происходят от небольших рептилий, существовавших в период до наступления Смерти.

ЗОЛОТИСТАЯ УТКА – утка величиной с лебедя с золотистым оперением и алым клювом; водится в Канде.

ЗОНЫ СМЕРТИ – то же самое, что и пустыни Смерти.

ИИР'ОВА – самоназвание людей-кошек, искусственной расы, выведенной адептами Нечистого; дословно означает «Дети Ночного Ветра». Иир'ова обитают в великих прериях; непревзойденные охотники и воины, они отличаются исключительной подвижностью и быстротой реакции. Ведут ночной образ жизни.

ИННЕЙЦЫ – потомки чистокровных индейцев, обитающие в Канде; весьма немногочисленны.

КАНДА – территория древней страны Канады, сохранившая свое наименование почти неизменным, хотя во времена Иеро многие об этой стране уже забыли. Память о ней сохранилась только в центральных районах Республики Метс и Атвианского Союза, на западе и на востоке соответственно.

КАНДИАНСКАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ ЦЕРКОВЬ – государственная религия Метсианской Республики и Союза Атви. Образовалась в результате слияния наиболее распространенных направлений протестантской церкви с католицизмом, хотя контактов с Римом не было в течение тысячелетий. Из древних христианских религий в Универсальной Церкви сохранились многие обычаи – такие, причастие, исповедь, символ креста и т.д. Родственные церкви, хотя менее строгие и цельные, существуют во всех Южных Королевствах на побережье Лантика, таких, как Д'Алви. В некоторых моментах они отличаются от Кандианской Церкви – например, на юге священники соблюдают целибат (обет безбрачия).

КАУ – выючное животное, используемое для сельскохозяйственных работ и верховой езды в районах южнее Внутреннего Моря (подобно волу в современной Корее). Большой бык; по-видимому, почти не

изменившийся с древних времен потомок домашнего рогатого скота.

КИЛЛМЕН – исключительно опытный и умелый воин Республики Метс, прекрасно тренированный физически, прошедший длительное обучение военному искусству в специальной академии в Саске, владеющий всеми видами оружия. Киллмены автоматически являются офицерами Стражей Границы, а также используются в качестве лесных рейнджеров, стражей и специальных агентов Аббатств. Иеро – человек необыкновенный (хотя и не исключительный), так как он является также священником и заклинателем. Подобная комбинация способностей высоко ценилась, но встречалась крайне редко.

КРУГИ – административные области, обозначаемые определенными цветами, принадлежащие Нечистому и его мастерам из Темного Братства. Иеро во время своих путешествий пересек все четыре Круга – Красный, Голубой, Желтый и Зеленый. Верховные мастера Кругов: С'тарн (Красный), С'дана (Голубой), С'дига (Желтый, столица – Ниана), С'лорн (Зеленый).

ЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН (соленое море Лантик) – древний Атлантический океан, хотя линия его западного побережья сильно изменилась. Не сохранилось документов о существовании каких-либо трансатлантических контактов в течение последних трех тысячелетий.

ЛЕМУТ – термин обозначает животное или другое негуманоидное существо с человеческим разумом, которое служит Нечистому. Медведя Горма и Народ Плотины никогда не считали лемутами. Этот термин образован сокращением слов «летальный мутант», обозначавший животное, которое не может выжить и воспроизводиться в естественных условиях. Во времена Иеро смысл этого термина был изменен; под ним понимали существо, враждебное нормальным людям и нормальной жизни во всех ее видах. По мере расширения исследованной территории постоянно открывают новые разновидности лемуты – например, такие, как обнаруженные Иеро люди-жабы. Однако не все эти новые создания являются лемурами.

ЛОРС – основное пахотное и верховое животное Канды. Впервые было выведено в Республике Метс. Является очень крупной разновидностью современного канадского лоса, обладает зачатками интеллекта. Используется в кавалерии.

ЛОУН – невероятно огромная нелетающая водоплавающая птица, которая была найдена в отдаленных районах Внутреннего моря. Питается рыбой. Хотя лоун очень пуглив и робок, у него мало врагов, так как эта птица достигает восьмидесяти футов в длину при соответствующем весе. Лоун встречается очень редко, хотя не раз упоминается в легендах.

ЛУКИНАГА – наркотическое средство, известное Аббатствам. Используется священниками для усиления духовной мощи, когда они вступают в мысленный контакт. В малых дозах лукинага расслабляет и вызывает сон.

ЛЮДИ-ЖАБЫ – лемуры-амфибии, которые обитают в Забытых Городах на побережье Внутреннего моря.

ЛЮДИ-КРЫСЫ – огромные, величиной с человека грызуны. Один из наиболее свирепых видов лемуров, часто используется Нечистым в качестве воинов. Вероятно, мутация крысы, на которую они похожи во всем, кроме мозга и размеров тела.

МАНУН (Мертвый остров) – скалистый остров на севере центральной части Внутреннего моря, место, где Иеро был взят в плен. Один из главных центров Голубого Круга Темного Братства.

МЕТАТЕЛЬ – гладкоствольный карабин, который заряжается с дула. Огнестрельное оружие в Республике Метс, очень редкое и дорогое.

МЕТС – преобладающая раса в Канде, которая образовалась в результате смешения индоевропейской («белой») и индейской рас. Метс является сокращением древнего слова «метис». Метсы выжили в период Смерти в большей пропорции относительно других рас, так как они селились в древности маленькими группами в отдаленных сельских и лесных районах Канды. В результате атомные и бактериологические болезни уничтожили относительно немногих. Метсы, проживающие в Восточной Канде, на территории Атвианского Союза, имеют более светлую кожу, так как в их генах примесь индоевропейской крови больше.

МУ'АМАНЫ – одно из темнокожих племен, обитающих в Д'Алви; занимаются скотоводством. Они – великолепные бегуны; отличаются воинственностью и поставляют лучших пехотинцев в королевскую армию. Истоком их религии является мусульманство.

НАМКУШ – город и порт в северо-западной части акватории Внутреннего моря. Стоит в дельте Дождливой реки, которая, вместе с озерами Слез, Опадающих Листьев и другими, является кратчайшим водным путем, связывающим Республику Метс с Внутренним морем. До захвата Намкуша метсианскими войсками, он носил статус вольного торгового города, однако фактически находился под контролем Красного Круга Братства Нечистого.

НАРОД ПЛОТИНЫ – водные грызуны, обладающие высоким интеллектом и размерами превосходящие людей. Живут в искусственных озерах на территории Республики Метс; находятся под охраной соглашения о взаимной терпимости. Являются результатом мутации бобров. Очень миролюбивы.

НЕЧИСТЫЙ – общий термин, обозначающий как дьявола, так и Темное Братство и всех его слуг и союзников – так же, как и все другие формы жизни, осмысленно стремящихся уничтожить нормальных людей и разрушить естественные законы природы и общества со злыми целями.

НИАНА – крупнейший порт на юго-восточном побережье Внутреннего моря, торговый центр. Фактически в нем правит Нечистый; Совет Купцов города выполняет, как правило, его указания. В действительности Ниана является главным центром Желтого Круга Темного Братства. Тот, кто опасается зла, не задерживается в Ниане. Она расположена примерно на месте древнего города Толидо.

ОБИТАЮЩИЙ (БРОДЯЩИЙ) В ТУМАНЕ – таинственное злобное существо, обитатель Пайлуда; питается телепатической энергией своих жертв. Даже колдуны Нечистого опасаются этого ментального вампира.

ОЗЕРО СЛЕЗ, ОЗЕРО ОПАДАЮЩИХ ЛИСТЬЕВ, ДОЖДЛИВАЯ РЕКА, РУЧЕЙ ТЕТИВЫ – система озер и рек к западу от Намкуша, где разыгралось сражение между армией Республики Метс и войсками Красного и Голубого Кругов.

ОЛЕНЬ СМЕРТИ – чудовищный мутант, обитающий в пустынях Смерти. Обладает невероятной живучестью, очень силен, плотоядный хищник. Свое название получил из-за растущих на морде шипов, похожих на олени рога.

ОТР – огромный морской зверь, водится во Внутреннем море и других водоемах; результат мутации тюленей. На него охотятся с гарпуном, как на китов древности.

ПАЙЛУД – обширнейшее из всех северных болот. Пайлуд тянется на сотни миль вдоль северного

побережья Внутреннего моря. Его избегает даже Нечистый. Много странных форм жизни, не обнаруженных в других местах, существует в его безбрежных просторах. Ужасные лихорадки часто поражают тех, кто отваживается проникнуть в Пайлуд. Его точные границы на карту не нанесены и неизвестны.

ПАРЗ – крупное травоядное животное с четырьмя бивнями. Обитает в южных лесах, достигает двенадцати футов высоты в холке. Его предок неизвестен.

ПЕР – сокращенное «патер» (отец). Уважительный титул священника Кандианской Универсальной Церкви.

ПОМНЯЩАЯ – самка иир'ова, глава прайда, которая хранит историю племени.

ПРОТЕСТАНЫ – протестанты, последняя секта в Канде, присоединившаяся к Универсальной Церкви около двух тысячелетий тому назад.

ПСЫ СКОРБИ – чудовищные собаки размером с крупного пони. Используются в отрядах Нечистого в качестве ездовых животных для Волосатых Ревунов. Очень сильны и свирепы.

ПУСТЫНИ СМЕРТИ – клочки земли, пораженные древней атомной радиацией в результате бомбардировок. Здесь мало или совсем нет воды и растений. Однако жизнь существует даже в этих ужасных местах, хотя по большей части она странная и враждебная, развивающаяся в условиях сильной радиации и свирепой борьбы за существование. Некоторые пустыни занимали площадь в сотни квадратных миль и во времена Иеро их сторонились подобно самой Смерти. Пустыни редко встречались в Канде, но на юге их было много. Наиболее страшные из них испускают ночью голубое радиоактивное сияние.

РЕСПУБЛИКА МЕТС – государство на территории центральной и западной Канады, входящее в Кандианскую Конфедерацию (см. Аббатства). Столицей Метсианской Республики является город Саск, чье название происходит от древней канадской территории Саскачеван. В Саске расположено Центральное Аббатство, его школы, архивы и научные лаборатории.

СИНЮКИ – народ с синеватой кожей, обитающий рядом с пустынями Смерти.

СМЕРТЬ – болезни, вызванные радиацией и применением химического и бактериологического оружия, уничтожившие основные населенные центры и большинство людей пять тысяч лет тому назад. Во времена Иеро эти события давнего прошлого все еще оставались синонимом ужаса и неотвратимой опасности. Существовала поговорка: «Все зло мира принесла Смерть».

СНАПЕР – огромная хищная черепаха размером с легковой автомобиль. Нападает на крупных животных в воде, является свирепой и почти неуязвимой.

СОРОК СИМВОЛОВ – крошечные фигурки-символы, вырезанные из черного дерева, с помощью которых прошедший обучение священник-заклинатель может предсказывать будущее. При этом используется магический кристалл, позволяющий гадателю быстрее входить в состояние транса. В романах упоминаются следующие символы:

Копье – битва (все виды сражений) или опасная охота;

Рука (Раскрытая Рука) – друг;

Рыболовный Крючок – скрытая опасность или скрытое значение чего-либо, тайна, загадка;

Рыба – вода и все, с ней связанное (корабли, верфи, сети, мореходство и т.д; также обозначает мужскую силу);

Крест и Глаз – Зло; опасность, угрожающая не только телу, но и душе;

Скращенные Руки – друг, очень близкий, на всю жизнь;

Молния – буря, шторм, плохая погода; сильный гнев, который может испытать гадающий; молния, которая попадет в гадающего;

Сапоги (или Башмаки) – долгое путешествие;

Дом – сам по себе этот символ означает кров, убежище, но в сочетании с другими знаками допускает множество толкований;

Меч и Щит – гадающему предстоит опасная схватка;

Лист, проколотый Мечом – Мир и Война, с возможностью выбора между ними;

Череп – символ древней Смерти (или гибели, которая настигнет гадающего или близких ему людей).

Пес – собака или волк; смысл символа зависит от других фигурок, которые попадутся гадающему вместе с ним;

Птица – нечто, связанное с воздухом;

Слеза – знак печали;

Округленные Губы – нечто новое, удивительное (может оказаться как хорошим для гадающего, так и плохим);

Книга – знак Библии, Священной Книги; толкуется как надежда или Божья помощь.

СОЮЗ АТВИ – государство на территории восточной Канады, братское Метсианской Республике, получившее свое название от древнего города Оттава. Союз меньше Республики и отделен от нее обширным пространством диких земель и Тайга, через который проходит несколько дорог. Между обеими странами установлены тесные контакты, в обеих существуют Аббатства (см.), выполняющие роль правительства как в Союзе, так и в Республике.

СТРАЖИ ГРАНИЦЫ – армия или лица, входящие в состав вооруженных сил Республики Метс. Союз Атви имеет аналогичное формирование. В Метсианской Республике имеется шестнадцать «легионов» или «полков», полностью автономных воинских частей. Они находятся под командованием Совета Аббатств, который, в свою очередь, докладывает Нижней Палате (Ассамблее) о своих решениях, которые всегда одобряются. Стражей Границы обычно возглавляют священники. Численность легиона составляет от тысячи до двух тысяч бойцов. Более мелкие подразделения легиона – стая и рой (эквиваленты батальона и роты).

ТАЙГ – великий хвойный лес Канды, не похожий, однако, на современный; он содержит много лиственных деревьев и даже некоторые виды пальм и кактусов. Деревья в среднем стали выше, чем в настоящее время, на далеком юге растут еще более гигантские деревья.

ТЕМНОЕ БРАТСТВО – самоназвание союза Мастеров Нечистого. Используя слово «темный», они подчеркивают, что пытались завоевать мировое господство и уничтожить жизнь; они гордятся этим, понимая, что главное зло исходило от них. Аналогом этой организации является современный сатанизм.

ФРОГ – чудовищный лягушкоподобный монстр, обитающий в болотах Пайлуда.

ХОППЕРЫ (прыгуны) – домашние ездовые животные, напоминающие огромных кроликов или кенгуру, которых разводят в Южных Королевствах. Сила и скорость хопперов позволяет использовать их в качестве скакунов в армии Д'Алви.

ЧИЗПЕК, КЭЛИН – небольшие королевства на побережье Лантического океана, то выступающие в союзе с Д'Алви, то воюющие с этим своим непосредственным соседом. Чизпек расположен к северу от Д'Алви, Кэлин – к югу.

ЭЛИВЕНЕРЫ – Братство Одиннадцатой Заповеди («Да не уничтожишь ты ни Земли, ни всякой жизни на ней»). Группа ученых, экологов и социологов, которая образовалась после Смерти с целью сохранить человеческую культуру и знания, проповедующая любовь ко всему живому. Эта группа проникла во все сферы социальной жизни человечества на американском континенте и постоянно сражается с Нечистым, часто тайными путями.